

В далеком будущем (не менее пятидесяти тысяч лет от текущего момента) человеческое общество разделилось на несколько каст – несколько миллионов оптименов (боги нового мира, они достигли практического бессмертия, за которое, правда, должны платить необходимостью постоянной ферментной подстройки своего организма и почти полным отсутствием эмоций), генетические конструкторы и другие слуги оптименов (этим честным слугам хозяева платят самой дорогой монетой – продлением жизни до нескольких сотен лет) и все остальные – миллиарды «стерри» (стерильных рабов).

Процессы оплодотворения и развития потомства в новом мире вынесены из человеческого тела и осуществляются исключительно *in vitro*, причем если «стерри» клепаются отлаженными миллионными сериями (подобно моделям современных автомобилей), то оптимены – штучная работа, для создания которых генетические конструкторы особым образом обрабатывают каждый зародыш. Шанс создать нового оптимена невелик – доли процента, все остальные зародыши развиваются в специалистов-слуг оптименов (новых генетических конструкторов и другой квалифицированный персонал).

В начале романа одному из генетических конструкторов (входящему в состав оппозиции) удается создать совершенный, бессмертный и не нуждающийся в ферментной коррекции, зародыш и, в нарушение всех инструкции, доктор не только не уничтожил эмбрион, но и подменил его и пересадил в матку матери-донора (само по себе естественное вынашивание детей в новом мире считается отвратительным, давно изжитым древним обычаем).

-
- [Фрэнк Херберт](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
-

Фрэнк Херберт
Глаза Гейзенберга

Они могли бы не планировать дождь на это утро, думал д-р Тей Свенгаард. Дождь всегда заставляет тревожиться родителей... собственно говоря, и врачей тоже.

Порыв зимней мокроты плеснул в окно за его письменным столом. Он встал, подумал наглухо закрыть окна, но Дюраны – родители, записанные на это утро – могли бы еще больше встревожиться неестественной тишиной в такой день.

Д-р Свенгаард подошел к окну, взглянул вниз на интенсивное движение пешеходов – дневные смены шли на работу в мегаполис, ночные смены направлялись на свой беспорядочный отдых. Было ощущение силы и движения в этих приходах и уходах людей, несмотря на их троглодитное существование. Он знал, что большинство из них были бездетными стерри... стерильными. Они приходили и уходили, считаемые, но бессчетные.

Он оставил внутреннюю телефонную связь открытой в приемной и слышал, как его сестра, миссис Вашингтон, отвлекала Дюранов вопросами и формальностями.

Обычный распорядок.

Это был девиз. Все должно казаться нормальным, обычным распорядком. Дюраны и все другие, которым невероятно посчастливилось попасть в число избранных и стать родителями, никогда не должны догадываться об истинном положении.

Д-р Свенгаард переключил свой мозг подальше от таких мыслей, напоминая себе о том, что вина – непозволительная эмоция для члена медицинской профессии. Вина неизбежно ведет к выдаче тайны... а выдача тайны ведет к неприятным последствиям. Оптимены были чрезвычайно щепетильны во всем, что касалось программы размножения.

Такая крамольная мысль наполнила Свенгаарда ощущением сиюминутного беспокойства. Он, проглотив комок в горле, позволил себе поразмышлять об ответе народа оптименам: «ОНИ власть, которая любит нас и заботится о нас».

Он отвернулся от окна со вздохом, окинул взглядом стол, прошел к двери, которая вела через подготовительную комнату в лабораторию. В подготовительной комнате он остановился, чтобы взглянуть на себя в зеркало: седые волосы, темно-карие глаза, сильный подбородок, высокий лоб и довольно злые губы под орлиным носом. Он всегда гордился отдаленным достоинством своего профиля и пришел к выводу о необходимости корректировки этой отдаленности. Сейчас он смягчил линию рта и придал взгляду сочувствующий интерес.

Да, этого будет достаточно для Дюранов – пожаловать им точность их эмоционального профиля.

Сестра Вашингтон уже впускала Дюранов в лабораторию, когда он входил туда через личный вход. Всполохи на небесах над ними дополнились дробью и шелестом дождя. Такая погода показалась неожиданно подходящей атмосфере комнаты: вымытое стекло, сталь, пластмасса и кафель... все обезличенное. Дождь обрушился на всех... а все человеческие существа должны были пройти через комнату такую, как эта... даже оптимены.

Д-р Свенгаард почувствовал на мгновение неприязнь к родителям. Гарви Дюран был гибкий человек футов шести с кудрявыми белыми волосами, голубыми глазами. Лицо было широкое с явно выраженными невинностью и молодостью. Его жена Лизбет была почти одного с ним роста, и тоже блондинка, голубоглазая и молодая. Фигура ее наводила на предположение свойственного валькириям здоровья. На серебряной цепочке на шее она носила вездесущий талисман народа, медную фигуру женщины оптименов Калапиты. От д-ра Свенгаарда не ускользнули откровенный культ размножения и религиозная тональность фигурки. Он подавил презрительную усмешку.

Однако, Дюраны были родителями, и здоровыми – живое свидетельство искусства хирурга, который создал их. Д-р Свенгаард позволил себе ощутить минутную гордость за свою профессию. Немногим людям дано было войти в эту сплоченную маленькую группу подклоточных инженеров, которые держали в рамках разнообразие типов людей.

Сестра Вашингтон задержалась у двери позади Дюранов и сказала:

– Д-р Свенгаард, Гарви и Лизбет Дюраны, – Она ушла, не ожидая результатов представления. Осмотрительность и расчет сестры Вашингтон были всегда утонченно правильны.

– Дюраны, как прекрасно, – сказал д-р Свенгаард – Я надеюсь, моя сестра не слишком утомила вас всеми этими формальностями и вопросами. Но я думаю, вы знали, что вас ждут все эти рутинные процедуры, когда попросили наблюдения.

– Мы понимаем, – сказал Гарви Дюран. А про себя подумал: «Действительно, просили наблюдения! Неужели эта старая лиса думает задурить нас своими обычными хитростями?»

Д-р Свенгаард отметил богатый повелительный баритон голоса мужчины. Это причинило ему беспокойство и усилило неприязнь.

– Мы не хотим занимать у вас больше времени, чем считается абсолютно необходимым, – сказала Лизбет Дюран. Она взяла мужа за руку и одним лишь им известным кодом нажатия пальцев сказала:

– Ты видишь его реакцию? Он испытывает неприязнь к нам.

Пальцы Гарви ответили:

– Он стерильный самодовольный сноб, так переполненный гордостью за свое положение и не видящий ничего далее своего носа.

Рассудительный тон женщины раздражал д-ра Свенгаарда. Она уже осматривала лабораторию быстрым, внимательным, изучающим взглядом. «Здесь мне нужен неусыпный контроль», – подумал он. Он подошел к ним, поздоровался за руку. Ладони были потные.

«Нервничают. Хорошо», – думал д-р Свенгаард.

Звук вианасоса слева от него показался ему в этот момент убедительно громким. Можно было рассчитывать на эффект насоса, чтобы заставить родителей нервничать. Именно по этому эти насосы и были громкими. Д-р Свенгаард обернулся на звук, указал на герметичный хрустальный чан на подставке силового поля в центре лаборатории. Звук насоса выходил из-за чана.

– Вот мы и пришли, – сказал д-р Свенгаард.

Лизбет внимательно изучала молочно-прозрачную поверхность чана. Она провела языком по губам, – Там внутри?

– Самое безопасное место из всех возможных, – сказал д-р Свенгаард.

Он еще лелеял небольшую надежду тогда, что Дюраны могут еще уйти, пойти домой и ждать результата.

Гарви взял руку жены и погладил ее. Он тоже внимательно рассматривал чан, – Мы понимаем, что вы призвали этого специалиста... – сказал он.

– Д-р Поттер, – сказал Свенгаард – Из Централы, – Он бросил взгляд на нервные движения рук Дюранов, заметил вездесущие татуированные указательные пальцы – генотип и место жизни. «Они могли бы составить заветный знак V», – подумал он и подавил вспыхнувшую зависть.

– Да, д-р Поттер, – сказал Гарви. С помощью языка рук он послал сигнал Лизбет:

– Заметила, как он произнес Централ?..

– Как я могла бы пройти мимо этого? – ответила она. «Централ, – думал он, – Это место связано с картинами могучих оптименов». Но ее это заставило подумать о Киборгах, которые

противостоят оптименам, а все это наполнило ее чувством сильного беспокойства. Она не могла себе позволить думать ни о чем, кроме своего сына.

– Мы знаем, что Поттер там лучший, – сказала она, – и мы не хотим, чтобы вы думали про нас, что мы чересчур эмоциональны и испуганы... – ... но мы хотели бы наблюдать, – сказал Гарви. А про себя подумал: «Этому надменному хирургу следует понять, что нам известны наши юридические права».

– Понимаю, – сказал д-р Свенгаард. «Черт бы их побрал этих дураков!» – подумал он. Но он придал своему голосу успокаивающий ровный тон и сказал:

– Ваша забота – дело престижа, и я восхищаюсь им. Однако, последствия... Он оставил эти слова повиснувшими, напоминая им, что у нею тоже есть юридические права и что он может воспользоваться ими с их разрешения или без него и не будет нести ответственность за расстроенные чувства родителей. Общественный Закон 10927 был четок и прям. Родители могли воспользоваться правом наблюдения, но оно могло быть пресечено по указанию хирурга. У человеческой расы было спланированное будущее, которое исключало генетических монстров и случаи диких отклонений.

Гарви кивнул быстрым и выразительным движением. Он плотно взял жену за руку. Разные ужасные истории, живущие в народе, и официальные мифы смешались в его мозгу. Он видел Свенгаарда через призму этих историй и лишь отчасти запрещенной правящими кланами литературы, которой подпольно снабжали Киборги Родительский нелегальный центр: Стедмана и Мерка, Шекспира и Хаксли. Он был молод и смог пока что прочесть небольшую часть литературы, которая не могла рассеять все его предрассудки и заблуждения, посеянные официальным воспитанием.

Кивок Элизабет не был таким энергичным. Она знала, что должно быть здесь их главной заботой, все-таки, в этом чане находился ее сын.

– Вы уверены, – спросила она, намеренно бросая вызов Свенгаарду, – что там нет боли?

Границы народной глупости, ради которой и была создана атмосфера общественной безграмотности, вызвали у д-ра Свенгаарда лишь раздражение. Он знал, что должен закончить эту беседу быстро. То, что он мог бы сказать этим людям, продолжало настойчиво оставаться в памяти, мешая тому, что он должен был сказать им.

– Этот удобренный овум не имеет пока нервов, – сказал он, – Физический возраст его не более трех часов, рост его задерживается контролируемым распылением нитратов. Боль? Это понятие неприменимо к нему.

Д-р Свенгаард знал, что технические термины мало что говорят им, и произносятся лишь с целью подчеркнуть разницу между простыми родителями и подклочечным инженером.

– Догадываюсь, что с моей стороны это было довольно глупо, – сказала Лизбет, – Это... оно такое простое, еще даже не похожее по-настоящему на человека? – И она подала сигнал рукой Гарви:

– Ну какой же он простак! На нем все написано, как на ребенке.

Дождь отбивал тарантеллу на фоне небесного света. Д-р Свенгаард подождал, пока она закончится, а затем сказал:

– Конечно. А теперь давайте не будем делать ошибок, – А сам подумал, что наступил такой отличный момент, чтобы преподать этим дуракам премудрости для прочищения мозгов, – Вашему эмбриону меньше, чем три часа, но он уже содержит все основные ферменты, которые ему будут нужны, когда он полностью разовьется. Чрезвычайно сложный организм.

Гарви уставился на него с видом напускного ужаса перед величием, которому доступно понимание таких тайн, как формирование и регулирование жизни.

Лизбет взглянула на чан.

Два дня назад взятые у Гарви и у нее половые клетки были соединены в нем, переведены в плазменное состояние, прошли через ограниченное непрямоe деление. В результате этого процесса – возник жизнеспособный эмбрион – не слишком распространенная вещь в их мире, где лишь избранное меньшинство было освобождено от контрацептивного газа, и ему было позволено иметь потомство, и даже среди них были редки случаи получения жизнеспособных эмбрионов. Не предполагалось, что она должна была понимать все тонкости этого процесса, а то, что она действительно понимала процесс, должно было скрываться во всех случаях. ОНИ – генетические оптимены Централа – сурово пресекали малейшую угрозу своему превосходству. И ОНИ считали, что знания в чужих руках, это самая большая угроза.

– Какой... большой... он сейчас? – спросила она.

– Десятая доля миллиметра в диаметре или меньше, – сказал д-р Свенгаард. Лицо его расслабилось в улыбку:

– Это морула, и в самом начале развития. Она еще даже не дошла бы до матки. Это та стадия, когда она самая восприимчивая для нас. Мы должны делать работу сейчас до образования трофобласта.

Дюраны в ужасе кивнули.

Д-р Свенгаард купался в их уважении. Он ощущал, как мозги их спотыкаются на плохо запоминаемых определениях из ограниченного школьного запаса, к которому они были допущены. В личных делах их было записано, что она библиотекарь детского сада, а он инструктор молодежи – для каждой из этих профессий не требовалось большого образования.

Гарви коснулся чана и отдернул руку назад. Хрустальная поверхность была на ощупь теплой, наполненной слабыми вибрациями. А также было постоянное трамп-трамп-трамп насоса. Он чувствовал преднамеренность этого раздражающего звука, читая реакцию, которой был обучен в подпольной школе, выраженную в слабых знаках, выдающих тайное в поведении Свенгаарда. Он обвел взглядом лабораторию – стеклянные трубки, квадратные серые шкафчики, блестящие углы и изгибы пластмассовых вездесущих индикаторов, как немигающие глаза. В комнате царил запах дезинфицирующих средств и экзотических химикалиев. Все в этой лаборатории несло в себе двойной смысл – функциональный и, одновременно, рассчитанный на внушение благоговейного страха не посвященным.

Лизбет сосредоточила внимание на одной бытовой черте этого места, которую она определила наверняка правильно – кафельную раковину с блестящими фасетами. Раковина была втиснута между двумя таинственными конструкциями из скрученного стекла и тускло-серой пластмассы.

Раковина беспокоила Лизбет. Она представляла собой место, куда выкидывали ненужное. Вы бросаете мусор в раковину для перемолки прежде, чем смыть в систему утилизации отходов. Любая малая частица могла попасть в раковину и затеряться.

Навсегда.

Любая.

– Меня не следует отговаривать от наблюдения, – сказала она.

«Черт возьми!» – подумал д-р Свенгаард. В ее голосе была хитрость. Та маленькая хитрость, которая выдает колебание. Оно никак не подходило к ее смелой внешности. Чрезмерная подчеркнутость готовности к материнству в ее фигуре... во всем остальном, касающемся ее, труд хирурга был вполне успешен.

– Наше дело заботиться как о вас, так и о вашем ребенке, – сказал д-р Свенгаард, – Правила... – Закон дает нам право, – сказал Гарви. И он дал сигнал Лизбет:

– Все идет более или менее так, как мы ожидали.

«Доверять такому болвану знать законы», – думал д-р Свенгаард. Он вздохнул. Статические

данные говорили, что из ста тысяч родителей одна пара будет настаивать, несмотря на тонкое и не так уж тонкое давление. Однако, статистика и достоверный факт – два совершенно разных дела. Свенгаард отметил, как посмотрел на него Гарви. Формация этого мужчины сильно склонялась в сторону мужского протекционизма – очевидно, слишком сильно. Он не мог терпеть, когда у него на глазах перечат его жене. Несомненно, он отличный добытчик, идеальный муж, никогда не участвовал в оргиях стирильных – явный лидер. Болван.

– Закон, – сказал д-р Свенгаард, и голос его выразил упрек, – также требует, чтобы я указал родителям на опасности психологической травмы. Я не собирался и не пытаюсь помешать вам наблюдать.

– Мы собираемся наблюдать, – сказала Лизбет.

Тогда Гарви почувствовал вспыхнувшее в нем восхищение ею. Она так прекрасно играла свою роль, даже вплоть до хитрости в ее голосе.

– Иначе я просто не смогу вынести ожидания, – сказала Лизбет, – Не знаю... Д-р Свенгаард размышлял, стоит ли ему употребить нажим в этом деле – вероятно, можно сыграть в очевидном их чувстве страха, может быть, показать свою Власть. Один лишь взгляд на квадратные плечи Гарви и умоляющие глаза Лизбет разубедил его в этом. Они собираются следить.

– Очень хорошо, – вздохнул доктор Свенгаард.

– Мы сможем наблюдать отсюда? – спросил Гарви. Д-р Свенгаард был шокирован, – Конечно, нет! – Какие примитивные эти болваны. Но он удержался в мысли, что такое невежество проистекает из тщательно поддерживаемой тайны, которая окружает генную инженерию. Он сказал более спокойным тоном:

– У вас есть личная комната с телевидением, по замкнутому закрытому кольцу связанная с лабораторией. Моя сестра проводит вас.

Тогда свою компетентность доказала сестра Вашингтон, появившаяся в дверях. Конечно, она подслушивала. Хорошая сестра никогда не пускала такие дела на самотек.

– Это все, что мы можем посмотреть здесь? – спросила Лизбет.

Д-р Свенгаард услышал умоляющие нотки, заметил, как она избегает прямо смотреть на чан. Когда она произнесла это, все его потаенное презрение вылилось в его голосе:

– А что здесь еще смотреть, миссис Дюран? Надеюсь, вы не ожидали увидеть морулу?

Гарви потащил жену за руку и сказал:

– Спасибо вам, доктор.

Глаза Лизбет еще раз окинули комнату, избегая смотреть на чан, – Да, спасибо вам за это, что вы показали нам... эту комнату. Это помогает увидеть... готовит вас к... на случай чрезвычайной ситуации? – Глаза ее сосредоточились на раковине.

– Пожалуйста, все будет в порядке, я уверен, – сказал д-р Свенгаард, – сестра Вашингтон предоставит вам список всевозможных имен для вашего сына, если вы еще не сделали этого, – Он кивнул сестре:

– Проводите, пожалуйста, Дюранов в комнату для отдыха номер 5.

Сестра Вашингтон сказала:

– Следуйте, пожалуйста, за мной, – Она повернулась с видом чрезмерного терпения, которое, как полагал Свенгаард, все сестры получают вместе с дипломом. Дюраны послушно пошли вслед за ней.

Свенгаард повернулся спиной к чану.

Ну вот и все дела – Поттер, специалист из Централы, в течение часа... и он не очень-то будет счастлив иметь дело с Дюранами. У людей так мало понимания того, что приходится терпеть медикам. Психоаналитическая подготовка родителей отнимает столько времени,

которое можно было бы посвятить более важным делам... и, конечно, усложняет проблему безопасности. Свенгаард подумал о пяти директивах «Уничтожить после чтения», которые он получил от Макса Олгуда, босса Т-безопасности Централы, за последний месяц. Это вызывало тревожное чувство, как будто какая-то новая опасность заставила Т-Безопасность суетиться.

Но Централ настаивал на организации общественной работы с родителями. У оптименов, должно быть, были на это серьезные основания, решил Свенгаард. Большинство того, что ОНИ делали, оставляло удивительное ощущение. Свенгаард знал, что иногда он впадает в чувство сиротства, существа без прошлого. Все, что заставляло его выбраться из этого эмоционального болота, было созерцание момента: «ОНИ власть, которая любит нас и которая заботится о нас». ОНИ твердо держали мир в своих тисках, будущее спланировано – место для каждого человека, и каждый человек на своем месте. Некоторые элементы старой мечты – космическое путешествие, новые философские концепции, морские фермы – все это временно положено на полку, отставлено в сторону для решения более важных дел. Хотя придет такой день, как только ОНИ решат все неизвестные, что кроются за субмолекулярной инженерией.

А тем временем для желающих была работа – поддержание популяции рабочих, подавление случаев отклонения, выращивание генетического фонда, из которого возникали даже оптимены.

Свенгаард повернул мезонный микроскоп над чаном Дюранов, настроил на малое увеличение, чтобы свести к минимуму эффект Гейзенберга. Еще один взгляд не повредит, просто на случай, вдруг он заметит опытную клетку и облегчит задачу Поттера. Даже когда склонялся над микроскопом, Свенгаард знал, что просто ищет оправдания. Просто он не мог удержаться от того, чтобы еще раз не исследовать эту морулу, которая явно имела потенциал и могла бы сформироваться в оптимума. Чудеса бывают так редко. Он сделал наводку и сфокусировал.

У него вырвался неожиданный вздох:

– А-ах... Такая пассивная при слабом увеличении морула, нет пульса, когда она лежит в стизе – и все-таки такая красивая в своей полудреме... такая маленькая, чтобы сделать намек на то, что она является ареной таких древних битв.

Свенгаард, опустив руку на увеличительный рычаг, помедлил. Сильное увеличение содержало свои опасности, но Поттер мог сделать небольшие поправки мезонного вмешательства. А увидеть увеличенное изображение было очень соблазнительно.

Он удвоил увеличение.

Еще раз.

Увеличение всегда уменьшало эффект стиза. Элементы здесь двигались, и с нефокусированного расстояния их мелькания были, как резкие повороты рыб. Вверх из этой кишашей арены выходила тройная спираль нуклеотидов, которая заставила его позвать Поттера. Почти оптимен. Почти то прекрасное совершенство формы и ума, которые может принять неопределенное балансирование жизни посредством тонко рассчитанных доз ферментов.

Ощущение утраты завладело Свенгаардом. Его собственные предписания, пока он поддерживал его живым, медленно убивали его. Такова была судьба всех мужчин. Они могли бы жить двести лет, иногда даже больше... но окончательно балансирующего действия не удавалось достичь никому, кроме оптименов. Они были совершенны, ограниченные только физическим бесплодием, но эта была судьба многих людей, и это ничего не отнимало у бесконечной жизни.

Его собственное состояние бездетного давало Свенгаарду ощущение общности с оптименами. Может быть, когда-нибудь и ОНИ так решат... Он сосредоточил внимание на моруле. Недостаточность содержания сульфаминокислоты показывало слабое движение и при таком увеличении. С чувством шока Свенгаард узнал его:

– изоваятин – генетический показатель латентной микседемы, предупреждение потенциальной недостаточности щитовидной железы. Это был беспокойный симптом при почти полном совершенстве в остальном. Это должно заставить Поттера насторожиться.

Вдруг на краю микроскопического поля появилось мелькающее движение.

Свенгаард застыл, подумал: «Боже мой, нет!»

Он стоял застывший от неожиданности явления, которое в поле зрения генной инженерии попадало за всю историю лишь восемь раз.

Тонкая линия, как след инверсии, проникла в клеточную структуру слева. Она завивалась через плотную спираль винтовой линии альфы, находила сложные концы полипептидных цепей молекулы миозина, извивалась и рассыпалась.

Там, где только что был след, находилась новая структура диаметром в четыре ангстрема и тысячу ангстремов длиной – проталин спермы богатой аргинином. Вокруг него фабрики белка из цитоплазмы видоизменялись, борясь со стизом. Свенгаард знал, что происходит из описания восьми предыдущих случаев. Система обмена АДП – АДР становилась все более сложной «сопротивляемой». Работа хирурга становилась в бесконечной степени более сложной.

«Поттер придет в ярость», – думал Свенгаард.

Свенгаард отвернулся от микроскопа, выпрямился. Он вытер с рук пот, взглянул на часы в лаборатории. Прошло менее двух минут, Дюраны не дошли еще даже до комнаты отдыха. Но за эти две минуты какая-то сила... какая-то энергия извне уже сделала явно целенаправленную настройку эмбриона.

«Может быть, это и было тем, что насторожило Безопасность... и оптименов?» – размышлял Свенгаард.

Он слышал раньше, как описывали это явление, читал отчеты... но чтобы действительно увидеть самому! Увидеть, как это делается уверенно и целенаправленно... Он потряс головой. Нет! Это не целенаправленно! Это только случайность, простое совпадение, ничего более.

Но увиденная картина стояла перед глазами.

Свенгаард начал делать последние проверки резервуаров с ферментами и соединил их с компьютерным дозовым контролем – масса цитохрома-п5 и гемопротейна Р-450, хороший запас убиквинона и сульфидрила, арсеката, азида и олигопицина, достаточное количество фосфохистидина с обилием протеина. Он перешел на следующую полку – ацилотирующие агенты, запас (2, 4 – динитрофенола) и групп азоксазолидона-3 с уменьшением НДДХ:

Он обратился к физическому оборудованию, проверил мезонный скальпельный микромеханизм, сверил измерительные приборы жизненных систем на чане и распечатку механизма стазиса.

Все в порядке.

Так и должно было быть. Эмбрион Дюранов, это прекрасная вещь с чудесным потенциалом, сейчас стойкий – генетически неизвестный... если только Поттеру удастся то, с чем не справились другие.

Д-р Вацлав Поттер остановился у отдела регистрации по пути в больницу. Он был слегка утомлен после долгого переезда в метро от Централа до Ситакского мегаполиса, но все же он рассказал бесцветную шутку о примитивном воспроизведении седовласой дежурной сестре. Она захихикала, когда разыскивала последнее сообщение Свенгаарда об эмбрионе Дюранов. Она положила сообщение на стойку и пристально посмотрела на Поттера.

Он взглянул на обложку папки и поверх нее и встретился со взглядом сестры.

«Разве такое возможно? – раздумывал он, – Но... она слишком стара – не подошла бы даже в роли хорошей подруги детства. Во всяком случае, великие психиатры не дали бы нам разрешения на потомство». И он напомнил о себе: «Я Зик... Ж 1 1118 2 R». В регионе Тимбукту Мегаполис в начале девяностых годов генная инженерия Зика прошла через краткий период популярности. Среди ее достижений были такие, как получение кудрявых черных волос, кожи с оттенком чуть светлее шоколада с молоком, мягких карих глаз и цвета лица пудинга с вареньем и выражением высшей степени добросердечности на высоком сильном теле. Зик. Вацлав Поттер.

Он должен был только произвести оптимена мужчину или женщину, и никогда вещь, сравнимую с жизнеспособной половой клеткой.

Поттер уже давно отказался от этой идеи. Он был одним из тех, кто голосовал за то, чтобы прекратить существование Зика. Он думал об оптименах, с которыми имел дело, и усмехался над собой. Ничего, кроме карих глаз... Но его усмешка не имела оттенка горечи.

– Знаете, – сказал он, улыбаясь сестре, – Эти Дюраны, чей эмбрион я получил этим утром – я формировал их обоих. И ведь я был занят этим делом очень давно.

– Ах, ну что вы, доктор, – сказала она, поворачивая голову в его сторону, – Вы еще даже не в среднем возрасте. Вам и дня не дать больше ста лет.

Он посмотрел на папку, – Но вот эти двое приносят мне формировать свой эмбрион, и я... – Он пожал плечами.

– Вы собираетесь рассказать им? – спросила она, – Я имею в виду то, что они тоже были у вас.

– Я, вероятно, даже не увижусь с ними, – сказал он, – Вы знаете, как все это бывает. Во всяком случае, люди иногда бывают не очень довольны своей внешностью... иногда им хотелось бы немного больше того, меньше этого. И они склонны обвинять хирурга. Они не понимают, не могут понять тех проблем, с которыми мы сталкиваемся здесь в хирургическом кабинете.

– Но, кажется, эти Дюраны получили очень удачные внешности, – сказала она, – Нормальные, счастливые, вероятно, чуть более обеспокоенные судьбой сына, но... – Их генотип являлся самым удачным, – сказал он. Он постучал по палке указательным пальцем, – И вот доказательство: у них жизнеспособный эмбрион с потенциалом, – Он поднял большой палец жестом, присущим почетным оптименам.

– Вы должны очень гордиться ими, – сказала она, – В моей семье было только пятнадцать жизнеспособных из ста восьмидесяти.

Он сжал губы в презрительную гримасу, удивляясь тому, как он позволил себе втянуть себя в эти разговоры с женщинами, особенно с сестрами. Вероятно, виновато то зерно надежды, которое никогда не умирает, размышлял он. Он был сформирован из тех же материалов, которые породили дикие слухи, «врачи – улучшатели породы», шаманы и черный рынок в лекарствах на все случаи жизни в «истинном улучшении породы». Это было то, что даст

возможность продавать маленькие фигурки оптимена-Калапины, благодаря необоснованным слухам о том, что она произвела жизнеспособного эмбриона. Это было то, что заставляет надеющихся целовать носки ног идолов плодородия.

Его презрительная гримаса сочувствия перешла в циничную усмешку. Надеющиеся! Если бы они только знали.

– Вы знали о том, что Дюраны намерены наблюдать? – спросила сестра.

Голова его дернулась вверх, и он уставился на нее.

– Они уже в больнице, – сказала она – Безопасность соблюдена. Дюранов сканировали, и они находятся в комнате отдыха номер 5 с внутренней телевизионной связью с хирургическим кабинетом.

Его пронзил гнев.

– Пошло все к черту! Разве могут додуматься до чего-нибудь стоящего в этом глупейшем месте?

– Но, доктор, – сказала она, застыв в позе диктатора главного отдела, – Нет никаких причин, чтобы вызывать ваш гнев. Дюраны воспользовались этим правом по закону. Это связывает нам руки, и вы знаете об этом.

– Тупой чертов закон, – пробормотал Поттер, но гнев его прошел. «Закон! – думал он, – Еще один чертов маскарад». Хотя он вынужден был признать, что им нужен закон.

Если бы не общественный закон 10927, люди могли бы задавать разного рода каверзные вопросы. И нет сомнения в том, что Свенгаард сделал все, что было в его силах, чтобы отговорить Дюранов.

Поттер горестно усмехнулся и сказал:

– Простите, что я так сорвался. У меня была неудачная неделя, – Он вздохнул, – Просто они не понимают.

– Вам дать еще какую-нибудь папку, доктор? – спросила она.

Поттер видел, что гармония пропала:

– Нет, спасибо, – сказал он. Он взял папку Дюранов, направился в кабинет Свенгаарда. Да, это просто удача для него: пара наблюдателей. Это означало массу дополнительной работы. Это естественно!

Дюраны не могли бы удовлетвориться, просто увидев ленту после формирования. О, нет. Они должны присутствовать при этой сцене. А это значило, что Дюраны не такие невинные простачки, как могло бы показаться, что бы ни говорили работники Безопасности больницы.

Статическое меньшинство, которое открыто не повинуется генетическому формированию, требует сейчас особого внимания.

И Поттер напомнил себе: «Я же сам формировал эту пару. Там нет ошибки».

Он столкнулся со Свенгаардом, когда тот вышел из кабинета, выслушал, как тот подвел краткое резюме. Затем Свенгаард начал бубнить что-то о своих мероприятиях по организации Безопасности.

– Я ломаного гроша не дам за то, что говорят ваши сотрудники Безопасности, – рявкнул Поттер, – У нас новые инструкции. В каждом подобном случае должно быть оповещено Отделение чрезвычайной ситуации Централы.

Они вошли в кабинет Свенгаарда. Панели его были сделаны под дерево – угловая комната с видом на цветники на крышах и террасах, построенная из вездесущного трехфазового восстанавливающегося пласмелда, или как его в народе называли «пластика». Ничего не должно было стариться или деградировать в этом лучшем из миров, мире оптименов. Ничего, за исключением людей.

– Отдел Чрезвычайной ситуации Централы? – спросил Свенгаард.

– Никаких исключений, – сказал Поттер. Он сел в кресло Свенгаарда и положил ноги на письменный стол. Он вытащил маленький телефонный аппарат цвета слоновой кости, поставил его на живот так, что его экран был в нескольких дюймах от лица. Он набрал номер отдела Безопасности и свой код идентификации.

Свенгаард сел на угол стола напротив него. Он казался рассерженным и набыченным, – Говорю вам, их сканировали, – сказал он, – При них нет необычных приборов. В них нет ничего необычного.

– За исключением того, что они настаивают на наблюдении, – сказал Поттер. Он подергал ключ телефона, – Ну, что они там спят, эти кретины?

– Но, закон... – сказал Свенгаард.

– К черту закон, – сказал Поттер, – Вы знаете так же как и я, что мы можем соединить телевизионный кабель через компьютер и показать родителям все, что нам заблагорассудится. Вам не приходило в голову поинтересоваться, почему мы не делаем этого?

– Почему... они... а... – Свенгаард потряс головой. Вопрос вывел его из равновесия. Почему это не делалось? Статистика показывала, что определенное число родителей настаивают на наблюдении и... – Это было проверено, – сказал Поттер, – родители замечали руку компьютера в этом процессе.

– Как?

– Мы не знаем.

– А разве родителей не спрашивали и... – Они убивали себя.

– Убивали се... Как?

– Мы не знаем.

Свенгаард попытался проглотить комок в пересохшем горле. Он вошел в состояние крайнего возбуждения прямо перед экраном отдела Безопасности. Он сказал:

– А что насчет статистического соотношения... – Статистический... святая простота! – сказал Поттер. Низкий мужской голос раздался из телефона:

– С кем вы разговариваете?

Поттер навел фокус на экран и сказал:

– Я разговаривал со Свеном. Он вызвал меня по поводу жизнеспособного эмбриона... – Он жизнеспособный?

– Да! Он жизнеспособный с полным потенциалом, но родители настаивают на наблюдении... – Десять минут на метро и у вас там будет полная команда, – сказал голос в телефоне, – Они в Фрискополисе. Им еще надо несколько минут.

Свенгаард вытер вспотевшие ладони о бока рабочего костюма. Ему не видно было лица в аппарате, но голос был похож на голос Макса Олгуда, босса отдела Т-Безопасности.

– Мы задержим операцию, пока не прибудут ваши люди, – сказал Поттер, – Все данные уже посланы факсом и будут на вашем столе через несколько минут. Тут еще... – Эмбрион, это все, что нам было сказано? – спросил голос в аппарате, – Какие-нибудь ошибки?

– Латентная микседема, выступающий ошибочный сердечный клапан, но... – Ладно я позвоню вам после того, как посмотрю, – Черт бы все побрал! – взорвался Поттер, – Вы можете позволить мне вымолвить свои десять слов не прерывая? – Он посмотрел на экран, – Здесь есть нечто более важное, чем ошибки и родители, – Поттер взглянул на Свенгаарда, который сидел спиной к аппарату, – Свен сообщает, что видел внешнее приспособление к аргинитной недостаточности.

Из аппарата послышался тихий свист, а затем:

– Это надежная информация?

– Можно полагаться на нее.

– Она соответствует образцу восьми других? Поттер посмотрел на Свенгаарда, который кивнул.

– Свен говорит, что да.

– ИМ это не понравится.

– Мне тоже.

– Свен видел достаточно, чтобы получить... какие-то новые соображения по этому поводу? Свенгаард покачал головой.

– Нет, – сказал Поттер.

– Здесь большая вероятность того, что это незначительно, – сказал человек в аппарате, – В системе все возрастающего детерминизма... – О, да, – ухмыльнулся Поттер, – В системе все возрастающего детерминизма вы получаете все больше и больше недетерминизма. Вы могли бы так же сказать, что в фуфреме все растущей чертовщины... – Ну, ладно, это то, что ОНИ считают.

– Так говорят ОНИ. Я полагаю, что природа не любит, когда в нее вмешиваются.

Поттер уставился на экран. По какой-то непонятной причине ему вспомнилась молодость, начало занятий медициной и тот день, когда он узнал о том, как близок был его генотип к оптимену. Он понял, что вместо старого чувства ненависти пришли слегка изумленное терпение и цинизм.

– Я не могу понять, почему они мирятся с тобой, – сказал голос в телефоне.

– Потому что я был очень близок, – прошептал Поттер. Затем ему стало интересно, как близок будет к ним эмбрион Дюранов. «Я сделаю все, что от меня зависит», – подумал он.

Голос в трубке кашлянул и сказал:

– Да, ну хорошо, жду информации от вас, чтобы утрясти дела с этим эмбрионом. Эмбрион должен дать некое подтверждение внешней интер... – Не будьте полнейшим ослом, – сорвался Поттер, – Эмбрион соответствует докладу Свена до последнего фермента. Вы делайте свою работу, а нам оставьте нашу, – Он резко выключил аппарат, засунул его снова в стол и сел, уставившись на Свена. «Помпезная чертовщина... нет – он есть то, что он есть, потому что он то, что он есть. Происходит от живущего, слишком близкого к НИМ. Происходит от первоначального формирования. Может быть, я был бы тоже ослом, если бы был тем, кем должен был бы стать».

Свенгаард попытался проглотить сухой ком. Он никогда раньше не слышал такого аргумента или такого откровенного разговора от людей, которые заправляли всем в Централле.

– Ну, что, шокирован, Свен? – спросил Поттер. Он отпустил ноги на пол.

Свенгаард пожал плечами. Он чувствовал себя не в своей тарелке.

Поттер молча изучал его. Свенгаард был хорош в своих пределах, но ему не хватает творческого воображения. Блестящий хирург, но без этого специального качества он часто был просто орудием.

– Вы хороший человек, Свен, – сказал Поттер, – Надежный. То, что говорится в вашей характеристике, вы знаете. Вы никогда не будете ничем иным. Вы не были для того предназначены. Хотя, в вашей особенной нише, вы фигура не последняя.

Свенгаард услышал в этом только похвалу и сказал:

– Конечно, хорошо, когда ценят, но... – Но у нас есть работа, которую надо делать.

– Это будет трудно, – сказал Свенгаард, – Ну, что же?

– Вы думаете, то внешнее приспособление было случайным? – спросил Поттер.

– Я – хотел бы этому верить, – Свенгаард провел языком по губам... – это не было детерминированным. Это не было фактором... – Вы бы хотели отнести это за счет неопределенности, к эффекту Гейзенберга? – сказал Поттер, – Принцип неопределенности,

какой-то результат нашего собственного вмешательства – все является случайным в этой капризной вселенной.

Свенгаард почувствовал себя уязвленным количеством грубости в голосе Поттера и сказал:

– Не совсем так. Я имел в виду только то, что никакой сверхслучайный фактор не мог приложить руку к... – Бог? Вы же не хотите действительно сказать, что боитесь того, что это дело какого-то божества?

Свенгаард отвернулся, – Я вспоминаю школу. Вы читали лекцию. Вы сказали, что мы всегда готовы смотреть в лицо тому факту, что действительность, которую мы видим, будет шокирующим образом отличаться от всего того, к чему вели нас наши теории.

– Я действительно говорил так? Я говорил это? – Да.

– Что-то там не так, да? Есть нечто за нашими инструментами. Оно никогда не слышало о Гейзенберге. И оно вовсе никакое не неопределенное. Оно двигается, – Голос его стал тихим, – Оно движется прямо. Оно приспособливает вещи.

– Он склонил голову набок, – Ах-ха-ха! Призрак Гейзенберга снова примешивается!

Свенгаард с любопытством смотрел на Поттера. Человек высмеивал его. Он сказал напряженно:

– Гейзенберг действительно указывал, что у всех нас есть свои пределы.

– Вы правы, – сказал Поттер, – В нашей вселенной есть место для чуда. Он учил нас этому. Всегда есть что-то, чего мы не можем объяснить, понять... или измерить. И сейчас он поставил нас перед этой дилеммой, да? – Поттер взглянул на часы на пальце, затем снова на Свенгаарда, – Мы пытаемся объяснить все вокруг нас, пропуская это через понятия, которые близки нам. Наша цивилизация глядит неопределенно в глаза Гейзенберга. Если он учил нас правильно, как мы можем сказать, является ли неизвестное случайным или преднамеренным действием Бога? Какой смысл даже спрашивать об этом?

Свенгаард говорил, как бы защищаясь:

– Кажется, нам, все же, удалось чего-то достигнуть?

Поттер поразил его, рассмеявшись. Голова его откинулась назад, а тело тряслось от удовольствия. Наконец, смех утих, и Поттер сказал:

– Свен, вы самоцвет. Я действительно хочу это сказать. Если бы не такие, как вы, мы еще оставались бы там в прошлом, в грязи и навозе, убегая от ледников и саблезубых тигров.

Свенгаард старался сдержать в голосе гнев, говоря:

– А что ОНИ думают о том, что такое аргинитное приспособление?

Поттер уставился на него оценивающим взглядом, а затем сказал:

– Черт возьми! Кажется, я недооценил вас, Свен. Мои извинения, а?

Свенгаард пожал плечами. Сегодня Поттер вел себя странно – удивительные реакции, странные взрывы эмоций.

– Вы знаете, что ОНИ говорят об этом? – спросил он.

– Вы слышали, что говорил Макс по телефону, – сказал Поттер.

«Так это действительно был Олгун», – подумал Свенгаард.

– Конечно, я знар, – огрызнулся Поттер, – Макс воспринимает все это не так. ОНИ говорят, что генная инженерия навязывает себя природе – природе, которая никогда не может сводиться к механическим системам и, следовательно, к неподвижности. Нельзя остановить движение, понятно? Это явление расширенной системы, энергия, требующая уровня, который... – Расширяющейся системы? – спросил Свенгаард.

Поттер взглянул на насупленное лицо говорившего. Неожиданный вопрос привлек внимание Поттера к различиям в образе мыслей между теми, что живут близко к Централу, и тех, кто касается мира оптименов только через сообщения и связи через вторые руки.

«Мы так различны, – думал Поттер, – Точно так же, как оптимены отличаются от нас, а Свен отличается от бесплодных и улучшателей породы. Мы отколоты друг от друга... и никто из нас не имеет прошлого. Только у оптименов есть прошлое. Но у каждого индивидуальное прошлое... эгоистичное, личное... и древнее».

– Расширенная система, – сказал Поттер, – От микрокосмоса к микрокосмосу, ОНИ говорят, что все есть порядок и системы. Идея материи является несущественной. Все есть столкновения энергии – некоторые кажутся большими, быстрыми и зрелищными... некоторые маленькими, мягкими и медленными. Но это тоже относительно. Аспекты энергии беспредельны. Все зависит от точки зрения наблюдателя, правила энергии изменяются. Существует бесконечное количество правил энергии, каждый комплекс зависит от двояких аспектов точки зрения и основания. В этой расширенной системе вещь извне принимает вид узла, появляющегося на стоячей волне. Вот, что ОНИ говорят.

Свенгаард слез со стола и стоял в экстазе благоговейного страха. Он осознавал, что имел лишь отдаленный взгляд, разрозненные клочки понимания, которые проникали в каждый вопрос, который он мог задать о вселенной. Это могло быть и потому, что он работает вне Централы, размышлял он.

– Это великая мудрость, не так ли? – настойчиво спросил Поттер. Он встал, – Поистине великая мысль! – он поперхнулся на смешке, – Вы знаете, парень по имени Дидерот высказал эту мысль. Это было где-то в 1750 году и приблизительно в это время. А они сейчас кормят нас ей из ложечки Великая мудрость!

– Может быть, Дидерот был один из них, – сделал предположение Свенгаард.

Поттер вздохнул, подумав, каким поверхностным может стать человек, который сидит на диете подтасованной истории. И тоща он стал размышлять о том, как его собственная диета прилажена и управляема.

– Дидерот был один из нас, – проворчал Поттер. Свенгаард уставился на него, лишенный слов от шока богохульства этого человека.

– Все идет к тому, – сказал Поттер, – Природа не любит, чтобы в нее вмешивались.

Под столом Свенгаарда раздался звонок.

– Безопасность? – спросил Поттер.

– Все ясно, – сказал Свенгаард, – Они уже тут как тут.

– Вся Безопасность Централы на месте, – сказал Поттер, – Заметь, они не придут доложить вам или мне. Вы знаете, они следят за нами тоже.

– А у меня... нечего скрывать, – сказал Свенгаард.

– Конечно, – сказал Поттер. Он обошел вокруг стола и положил руку на плечи Свенгаарда, – Ну, ну. Нам пора надевать маску Арчеуса. Мы собираемся придать форму и организацию живому организму. Мы ведь истинные боги.

Свенгаард все еще чувствовал себя растерянным, – Что они сделают... Дюранам? – спросил он.

– Сделают? Ничего – если только Дюраны не вынудят их. Дюраны даже не будут знать, что за ними наблюдают. Но маленькие парни Централы будут знать обо всем, что происходит в этой комнате отдыха. Дюраны даже не смогут рыгнуть без того, что их газ тут же не был подвергнут полному анализу. Ну, пошли.

Но Свенгаард оттягивал.

– Д-р Поттер, – спросил он, – а что, по-вашему, ввело эту аргинную цепь в морулу Дюранов?

– Я более близок к вашему мнению, чем вы думаете, – сказал Поттер, – Мы боремся с... нестабильностью. Мы потревожили биологическую стабильность наследственности своими

фальшивыми изомерами и ферментными приспособлениями, а также мезонными лучами. Мы подорвали химическую стабильность молекул в бактериальной плазме. Вы врач. Посмотрите на предписания ферментов, которые все мы должны принимать... какое глубокое приспособление мы должны делать, чтобы выжить. Так не всегда было. И что бы там ни устанавливало эту первоначальную стабильность, мы все еще там и боремся. Вот что я думаю.

Сестры хирургического кабинета установили чан под ферментный консоль, подготовили трубки и компьютерное табло анализа питания. Они работали спокойно, эффективно, пока Поттер и Свенгаард проверяли свои измерительные приборы. Компьютерная сестра положила на полку свои ленты, там послышалось бурление и тикание, когда она проверяла свой щит.

Поттер чувствовал, как сам наполняется тем осторожным беспокойством, которое всегда находило на него перед операцией. Он знал, что скоро оно уйдет и уступит место выверенной уверенности действия, но он чувствовал, что в данный момент его одолевает сварливость. Он взглянул на измерительные приборы чана. Цикл Кребса держался на 86,9 с хорошим запасом шестидесяти с лишним баллов выше уровня смерти. Подошла сестра, ответственная за чан, проверила его дыхательную маску. Он проверил свой микрофон. «У моей Мери есть одна славненькая штучка» – хирург взял себе за правило... проверять этой древней шуткой всех женщин.

Он услышал, как хихикнула сестра у компьютера, взглянул на нее, но она стояла спиной к нему, и лицо ее было спрятано под маской.

Сестра у чана сказала:

– Микрофон работает, доктор.

Он не видел, как двигались ее губы под маской, но щеки ее вздрагивали, когда она говорила.

Свенгаард разминал пальцы в перчатках, сделал глубокий вдох. Стоял легкий запах аммония. Он размышлял о том, почему Поттер всегда шутит с сестрами. Казалось, что это в какой-то степени унижало его достоинство.

Поттер подошел к чану. Его стерильный костюм шуршал знакомым щелкающим шипением, когда он шел. Он взглянул вверх на настенный экран, проигрывающий монитор, который показывал приблизительно то, что видел хирург и что было доступно наблюдению родителей. Экран показал его, когда он подносил ко лбу линзы.

«Чертовы родители, – думал он, – Они заставят меня чувствовать свою вину... все родители».

Он перевел внимание на хрустальный чан, который сейчас блестел инструментами. Громкий звук насоса действовал ему на нервы.

Свенгаард подошел к чану с другой стороны и ждал. Дыхательная маска скрывала нижнюю часть его лица, но глаза его казались спокойными. Они излучали чувство спокойствия и надежности.

«А что он чувствует на самом деле?» – раздумывал Поттер. И он напомнил себе, что в случаях чрезвычайной ситуации не было лучшего ассистента, чем Свен.

– Вы можете начинать увеличивать подачу пирувической кислоты, – сказал Поттер.

Свенгаард кивнул, ослабил ключ питания.

Компьютерная сестра начала свои вихревые повороты лент.

Они следили за показаниями приборов, когда цикл Кребса начал расти – 87, 0... 87, 8... 88, 5... 90, 5... 91, 9... «Ну, – сказал себе Поттер, – необратимое движение роста началось. Его может остановить только смерть».

– Скажите мне, когда цикл Кребса достигнет показателя сто десять, – приказал он.

Он перевел микроскоп и микроскопические манипуляторы на место, облокотился на стойки. «Увижу ли я то, что видел Свен?» – заинтересовался он. Впрочем, это было маловероятным. Молния со стороны никогда не ударяет в одно и то же место. Но она пришла.

Она сделала то, что не могла бы сделать ни одна человеческая рука. И она ушла.

«Куда?» – размышлял Поттер.

В фокус выплыли межрибозональные пространства. Он просканировал их, усилил увеличение и пошел дальше в спирали ДНК. Да там была ситуация, которую описывал Свен. Эмбрион Дюранов был одним из тех, который может оказаться выше человеческой области Централа... если это удастся хирургу.

Подтверждение этого странно потрясло Поттера. Он перевел внимание на место хондриальных структур, увидел свидетельство аргинитного вторжения. Оно точно совпадало с описанием Свена, спираль-Альфа начала укрепляться, вскрывая тепложаловые пососчатости в акуруиновых сдвигах. Только одно это могло противостоять хирургу. И это было первостепенной проблемой.

Поттер выпрямился.

– Ну? – спросил Свенгаард.

– Очень похоже на то, что вы описывали, – сказал Поттер – Неотложная работа, – Это было сказано для наблюдающих родителей.

Теперь ему показалось интересным, а что же увидели в Дюранах агенты Безопасности. Нагрузят ли эту пару различными поисковыми и пробными устройствами, замаскированными под обычные старинные предметы? Вероятно. Но ходили слухи о том, что вводится новая техника подпольного Центра родителей... и о Киборгах, выползающих из темных теней, которые скрывали их веками, – А существуют ли вообще Киборги? Поттер не был в этом убежден.

Свенгаард сказал компьютерной сестре:

– Начинайте убирать назад пирувик.

– Убирать назад пирувик, – сказала она.

Поттер переключил внимание на главную полку перед ним, проверил наличие в первом ряду пиримидилов, нуклеиновых кислот и белков, затем акуруиновых, рибоормевиновых, пиридоксидиновых, пантотетичных кислот, оролической кислоты, хомена, ипозитола сульфидрила... Он кашлянул, составляя план атаки на защитные функции морулы, – Я попытаюсь найти плавающую клетку, маскируя цистеин в единую цепочку, – сказал он, – Стойте рядом с сульфидрилом и подготовьте промежуточную ленту для синтеза белков.

– Готов к маскировке, – сказал Свенгаард. Он кивнул компьютерной сестре, которая вставила промежуточную ленту в положение мягкой уверенности.

– Цикл Кребса? – спросил Поттер.

– Подходит к ста десяти, – сказал Свенгаард. Тишина.

– Отметка сто десять, – сказал Свенгаард. Снова Поттер склонился над микроскопом.

– Начинайте запуск ленты, – сказал он, – Два минимума сульфидрила.

Поттер, медленно усиливая увеличение, выбрал клетку для маскировки. Моментальное затемнение вторжения очистилось, и он исследовал окружающие клетки в поисках ключей, от которых могла бы оттолкнуться митоза на его направленную прямую. Оно было медленное... медленное. Он только что начал, а руки его в перчатках уже вспотели.

– Стойте рядом с аденозиновым трифосфатом, – сказал он.

Свенгаард вставил трубку питания в микроманипуляторы, кивнул сестре у чана:

– АТП готов. Это будет трудная задача.

– Начинайте с одного минимума АТП, – сказал Поттер.

Свенгаард ослабил ключ питания. Жужжание компьютерных лент прозвучало слишком громко. Поттер моментально поднял голову, тряхнул ею.

– Не та клетка, – сказал он, – Попробуем с другой. Та же самая процедура.

И снова он нагнулся над микроскопом, опираясь на подставки, двинул микроманипуляторы, усиливая увеличение на одну шкалу одновременно. Он медленно нащупывал путь в клеточную массу. Мягко... Мягко. Сам микроскоп мог нанести здесь невосполнимый урон.

«Ах-х», – думал он, узнавая активную глубину клетки в моруле. Статис чана давал здесь лишь относительные показания. Клетка представляла собой сцену интенсивной химической деятельности. Он узнал двойные основные пары, когда они вошли в изогнутую спираль сахарного фосфата.

Первоначальное волнение его ушло, и он почувствовал былую уверенность с часто возвращающимся ощущением того, что морула – это океан, в котором он плавает, что внутренность клетки является его естественным местом обитания.

– Два минимума сульфидрила, – сказал Поттер.

– Сульфидрил, два минимума, – сказал Свенгаард, – Стойте рядом с АТФ.

– АТФ, – сказал затем Поттер, – Я собираюсь затормозить реакцию обмена в митохондриальных системах. Начинайте вводить олиголицип и азид.

Свенгаард показал, на что он способен, действуя без колебаний. Единственное опасение, которое он испытывал в этой процедуре, было в вопросе: «Буду ли я готов к несоединяющемуся агенту?»

– Стойте рядом с солью мышьяковой кислоты в номере один, – сказал Поттер.

– Цикл Кребса идет вниз, – сообщила компьютерная сестра, – Восемьдесят девять целых четыре десятых.

– Эффект вторжения, – сказал Поттер, – Дайте мне шесть десятых минимума азида.

Свенгаард отпустил ключ.

– Четыре десятых минимума олигоципина, – сказал Поттер.

– Олигоципин, четыре десятых, – сказал Свенгаард. Поттер чувствовал, что вся его жизнь заключена сейчас в зрении, обращенном в микроскоп, и в руках на микроманипуляторах. Все его существо переселилось в морулу, смешалось с ней.

Зрение сказало ему, что периферийная мистоза прекратилась... как и должна была в этих условиях, – Я думаю, нам удалось, – сказал он. Он установил показатель микроскопа на нужное положение, сместил фокус и пошел вниз в спираль ДНК, ища гидроксильную деформацию, ошибку, которая могла бы привести к ненормальному сердечному клапану. Вот в этом он был художник, мастер экстра-класса – плавающая клетка найдена. Сейчас ему предстояло переформировать тончайшую химическую фабрику внутренней структуры.

– Приготовиться к формированию, – сказал он. Свенгаард зарядил мезонный генератор, – Заряжен, – сказал он.

– Цикл Кребса семьдесят один, – сказала компьютерная сестра.

– Первый срез – сказал Поттер. Он выпустил одиночный направленный взрыв, проследил за бурлящим хаосом, который последовал за ним. Гидроксильный придаток исчез. Нуклеотиды перестроились.

– Гемопротеин Р-450, – сказал Поттер, – Стойте рядом, чтобы сократить его с помощью НДДХ, – Он ждал, изучая глобулярные белки, которые формировались перед ним, следя за биологически активными молекулами. Есть! Инстинкт в сочетании с опытом подсказали ему точный момент, – Два с половиной минимума Р-450, – сказал он.

Угол суматохи переместился в группу полипептидных цепей в сердце клетки.

– Сократите его, – сказал Поттер.

Свенгаард коснулся ключа питания НДДХ. Он не мог видеть то, что видел Поттер, но линзы на лбу хирурга воспроизводили слегка смещенный вид поля зрения микроскопа. Этот вид

и указания Поттера говорили о медленном распространении изменения в клетке.

– Цикл Кребса пятьдесят восемь, – сказала компьютерная сестра.

– Второй срез, – сказал Поттер.

– Заряжена, – сказал Свенгаард.

Поттер выискивал микседемальный латентный изовалтин, нашел его, – Дайте мне ленту структуры, – сказал он.

– S(изо-пропилкарбоксиментил) цистент. Компьютерная лента прошипела в вихре, остановилась, возобновила медленный стабильный ход. В верхнем правом квадрате микроскопического поля Поттера появился образ изовалтинного сравнения.

Он сравнивал структуры точка за точкой и сказал:

– Убрать ленту.

Образ сравнения исчез.

– Цикл Кребса сорок семь, – сказала компьютерная сестра.

Поттер сделал глубокий дрожащий вздох. Еще двадцать семь баллов, и они окажутся у уровня смерти. Эмбрион Дюранов тогда погибнет.

Он проглотил комок, произвел нацеленный мезонный взрыв. Изовалтин распался.

– Готов с циклозеринном, – сказал Свенгаард.

«Ах, как хорош старик Свен, – подумал Поттер, – Вам не нужно подсказывать ему следующий шаг, он сам знает, что надо делать».

– Сравнение Д-4-аминазоксазолидона-3, – сказал Поттер.

Компьютерная сестра приготовила ленту и сказала:

– Сравнение готово.

В поле зрения Поттера появился образ сравнения.

– Проверено, – сказал он. Образ исчез, – Одна целая, восемь десятых минимума, – Он следил за взаимодействием ферментных функциональных групп, пока Свенгаард управлялся с циклозеринном. Аминогруппа показала прекрасное открытое поле родства. Переносные РНК с готовностью устремились в ниши.

– Цикл Кребса тридцать восемь целых и шесть десятых, – сказала компьютерная сестра.

"Мы должны использовать этот шанс, – подумал Поттер.

– Этот эмбрион больше не выдержит приспособлений".

– Сократить наполовину стизу чана, – сказал он, – Увеличьте АТФ. Дайте мне микропитание на десять минимумов пирувической кислоты – Сокращаю стизу, – сказал Свенгаард, а сам подумал: «Мы подошли слишком близко». Он включил ключи питания АТФ и пирувической кислоты.

– Давайте мне показания цикла Кребса через половину балла, – сказал Поттер.

– Тридцать пять, – сказала сестра, – Тридцать четыре и пять десятых, – Голос ее набирал скорость с шокирующей безостановочностью, – Тридцать три... тридцать два... тридцать один... тридцать... двадцать девять... – Освободить все стизы, – сказал Поттер, – Подать полный аминокспектр с активированным хистидином. Начать подачу пиридоксина – четыре целых и две десятых минимума.

Руки Свенгаарда метались над ключами.

– Ленту обратной подпитки белков, – приказал Поттер, – Поставьте его на полную запись ДНК компьютерной автоматике.

Ленты шуршали в вихре.

– Он снижается, – сказал Свенгаард.

– Двадцать два, – сказала компьютерная сестра.

Двадцать один и девять... двадцать два и один... двадцать два и два... Двадцать два и

один... двадцать два и два... двадцать два и три... двадцать два и четыре... двадцать два и три... двадцать два и четыре... двадцать два и пять... двадцать два и шесть... двадцать два и пять... Поттер чувствовал напряженную борьбу, которая проходила через каждый его нерв. Морула находилась на нижнем краю уровня смерти. Она могла выжить или умереть в любую из следующих нескольких минут. Или она могла бы выбраться из этой ситуации исковерканной. Такие вещи тоже случались. Когда ошибка была слишком большой, тогда чан переворачивали и выплескивали. Но Поттер сейчас чувствовал, что не может позволить себе потерять его.

– Мутагенный набор возвращения в нормальное состояние! – сказал он.

Свенгаард заколебался. Цикл Кребса следовал по медленной синусоидальной кривой, которая опасно опускалась сейчас в цикл смерти. Он знал, почему Поттер принял такое решение, но следовало взвесить канцерогеническую опасность. Он раздумывал, стоит ли ему спорить против этого шанса. Эмбрион висел менее чем на четыре балла от смертельного погружения в распад. Химические мутагены, применяемые на этой точке, могли бы дать резкий толчок к росту или уничтожить его. Даже если мутагенное средство сработает, оно могло бы сделать эмбрион восприимчивым к раку.

– Мутагенный прибор возвращения в нормальное состояние, – повторил Поттер.

– Дозировка? – спросил Свенгаард.

– Половина минимума на частично-минимальном питании. Я проконтролирую его здесь.

Свенгаард передвинул ключи питания, а глаза его неотрывно следили за показателем цикла Кребса. Он никогда не слышал о применении такой резкой дозировки на уровне, близком к окончательной границе. Мутагены обычно использовались как запасное средство для имеющих частичные недостатки стерри-эмбрионов, шаг, который иногда приводил к драматическим результатам. Он был равносителен встряске ведра с песком до уровня грома. Иногда плазма вируса, представленная вместе с мутагеном, отчасти выходила на лучший уровень. Это могло бы даже привести к получению жизнеспособного эмбриона... но оптимена никогда.

Поттер уменьшил увеличение, изучил течение движения в эмбрионе. Он мягко освобождал ключ питания, искал знаки оптимена. Клеточное движение оставалось нестабильным, до конца неясным.

– Цикл Кребса двадцать два и восемь, – сказала компьютерная сестра. «Понемногу ползем вверх», – думал Поттер.

– Очень медленно, – сказал Свенгаард.

Поттер продолжал свое бдение внутри морулы. Она росла, расширялась толчками и периодами, борясь всей огромной силой, заключенной в этом крошечном поле.

– Цикл Кребса тридцать один и четыре, – сказал Свенгаард.

– Я убираю мутагены, – сказал Поттер. Он отвел микроскоп на периферическую клетку, привел в норму нуклеиновые белки, выискивая ошибочные построения.

Клетка была чиста.

Поттер проследовал вниз в закругленную кольцами цепь спирали ДНК с все растущим изумлением.

– Цикл Кребса тридцать шесть и восемь, он поднимается, – сказал Свенгаард, – Начать подачу хопина и сенурина?

Поттер отвечал автоматически, все внимание его было сосредоточено на генной структуре клетки, – Да, начинайте с них, – Он закончил цикл прослеживания, переключился на другую периферическую клетку.

Идентична.

Еще одна клетка – та же самая.

Измененная генная структура сохранилась, но это был образец, понимал Поттер, которого

еще не видело человечество со второго века генной инженерии. Он подумал о том, чтобы для большей уверенности вызвать ленту сравнения. Компьютер бы выдал ее, конечно. Ни одна запись не терялась и не выкидывалась. Но не посмел... в этом слишком много ставилось на кон. Хотя он знал, что ему и так не надо никакого сравнения. Это была классическая форма, школьная норма, на которую он смотрел внимательно почти ежедневно в течение всего курса изучения медицины.

Супергениальный образец, который заставил Свена вызвать специалиста Централа, был здесь, укрепленный с помощью приспособлений хирургического кабинета. Он был близок к парному, хотя с полностью стабильным образцом плодородия. Основы долголетия лежали замкнутыми в конфигурациях генной структуры.

Если бы этот эмбрион достиг зрелости и встретил плодоносящую супругу, он мог бы вырастить здоровых живых детей без вмешательства генного хирурга. Ему не нужны предписания ферментов, чтобы выжить. Он мог бы пережить десять нормальных людей без этого предписания, и с несколькими ферментными приспособлениями мог бы вступить в ряды бессмертных.

Эмбрион Дюранов мог бы начать новую расу – подобную вечножителям Централа, но драматически не похожую на них. Потомство этого эмбриона могло бы войти в ритмы естественного отбора... совершенно не зависящего от контроля оптименов.

Это был шаблонный образец, от которого не мог бы отклониться слишком далеко ни один человек, и все же это была единственная вещь, которую больше всего боялись в Централе.

Каждому генному инженеру вбивали это в голову в течение всего курса обучения: «Естественный отбор – это сумасшествие, которое заставляет свои жертвы вслепую пробиваться в пустой жизни».

Разум оптименов и логика оптименов должны делать селекцию.

Время как будто остановилось, Поттер чувствовал глубокую уверенность, что эмбрион Дюранов, если он доживет до зрелости, встретит жену, дающую потомство. Этот эмбрион получил свой дар свыше – богатство спермоаргинина, ключ к плодоносному образцу. В потоке мутагена, который открыл активные центры ДНА, генные образцы этого эмбриона привели к такой стабильной форме, о которой ни один человек не осмелился бы мечтать.

«Почему я ввел мутагены именно тогда? – раздумывал Поттер, – Я знал, что это необходимая вещь. Почему я знал это? Неужели я был инструментом какой-то другой силы?»

– Цикл Кребса пятьдесят восемь и постоянно поднимается, – сказал Свенгаард.

Поттеру нужна была свобода, чтобы обсудить эту проблему со Свенгаардом... но здесь были проклятые родители и люди Безопасности... тоже наблюдатели. «Возможно ли, что среди них был кто-то другой, кто видел и был достаточно знаком с этим образцом, чтобы понять, что здесь произошло? – размышлял он, – Почему я ввел мутагены?»

– Вы уже видите образец? – спросил Свенгаард.

– Нет еще, – солгал Поттер.

Сейчас эмбрион быстро рос. Поттер изучал пролиферацию стабильных клеток. Это было красиво.

– Цикл Кребса шестьдесят четыре и семь, – сказал Свенгаард.

«Я слишком долго ждал, – думал Поттер, – Шишки Централа спросят, почему я ждал так долго, чтобы убить этого эмбриона. Я не могу убить его. Он слишком красив».

Централ сохранял власть, держа остальной мир в неведении по праву сильного, заполняя жизненное время предписаниями драгоценных ферментов своим полуживым рабам.

У народа была пословица: «В этом мире существует два мира – один, который не работает и живет вечно, и второй, который не живет, а работает вечно».

Здесь, в этом хрустальном чане лежал крошечный шарик клеток, живое существо, менее шести десятых миллиметра диаметром, и оно несло в себе реальную силу прожить свою жизнь вне контроля Централа.

Эта морула должна была умереть.

«Они прикажут, чтобы ее убили, – думал Поттер, – А я буду подозреваемым... конченным. А если это существо вырвется в жизнь, что тогда? Что тогда случится с генной инженерией? Может мы вернемся снова к исправлению мелких дефектов... так как было до того, как мы начали формировать суперменов».

Супермены?

Мысленно он делал то, что не мог делать ни один голос: он проклинал оптименов. Они были огромной властью, мгновенной жизнью или смертью. Многие были гениями. Но они также зависели от рациона ферментов, как и группы бесплодных и улучшателей породы. Среди бесплодных и улучшателей породы... среди хирургов также были блестящие умы.

Но никто из них не мог жить вечно, безопасно при этой конечной жестокой власти.

– Цикл Кребса ровно сто, – сказал Свенгаард.

– Мы уже перешли крайний высший рубеж, – сказал Поттер. Он рискнул взглянуть на компьютерную сестру, но она стояла к нему спиной, занятая своим табло. Без той компьютерной записи можно было бы скрыть то, что здесь произошло. Если эту запись изучат Безопасность и оптимены, ничего нельзя будет скрыть. Свенгаард видел недостаточно, чтобы понять. Линзы на его лбу давали лишь приблизительную картину полного поля видения микроскопа. Сестры, отвечающие за чан, не могли даже догадаться об этом. Только компьютерная сестра с ее крошечным экраном монитора могла бы знать... а полная запись лежала сейчас в ее машине – рисунок магнетических волн на полосах ленты.

– Это был самый низкий уровень, какой я когда-нибудь видел у эмбрионов, которых не убили, – сказал Свенгаард.

– Насколько низок? – спросил Поттер.

– Двадцать один и девять, – сказал Свенгаард, – Двадцать, конечно, это нижняя граница, но я никогда раньше не слышал, чтобы эмбрион выживал, опускавшийся ниже двадцати пяти, а вы, доктор?

– Нет, – сказал Поттер.

– Это тот образец, который мы хотим? – спросил Свенгаард.

– Пока я не хочу слишком влезать в это, – сказал Поттер.

– Конечно, – сказал Свенгаард – Что бы ни произошло, это была вдохновенная операция.

«Вдохновенная операция! – подумал Поттер, – Что бы сказал этот олух, если бы я ему сказал, что у нас здесь? Полностью жизнеспособный эмбрион! Полностью. Он бы сказал, убейте его. Ему не нужно будет предписаний ферментов, и он может дать потомство. У него нет дефектов... ни одного. Он бы сказал, убейте его. Он преданный раб. Всю печальную историю генной инженерии можно было бы противопоставить одному только эмбриону. Но в ту же минуту, когда они увидят эту ленту в Централье, эмбрион будет уничтожен».

Они сказали бы... уничтожьте его... потому что им не нравится употреблять слова убить или умертвить.

Поттер склонился над микроскопом. Как прекрасен этот эмбрион в своем устрашающем виде.

Он рискнул бросить еще один взгляд на компьютерную сестру. Она повернулась, маска ее опущена, встретилась с ним взглядом, улыбнулась. Это была знающая, таинственная улыбка, улыбка конспиратора. Сейчас она вытянула руку, чтобы вытереть с лица пот. Ее рукав задел выключатель. Хриплый визгливый вскрик послышался от компьютерного табло. Она быстро

повернулась на него, вскрикнула:

– О боже мой! – Руки ее заметались по доске, но лента продолжала шипеть через катушку импульсного повторителя. Она повернулась, попыталась открыть крышку записывающей консоли. Большой вихрь с сумасшедшей скоростью крутился под крышкой катушки.

– Она несется со страшной скоростью, – закричала она.

– Она замкнута на стирание, – выпалил Свенгаард. Он подскочил к ней с боку, попытался снять крышку катушки. Она застряла на его дорожках.

Поттер следил, как человек во сне, когда последний отрезок ленты не промелькнул через головки, начал наматываться в ненужную кипу.

– О, доктор, мы лишились записи, – завывала компьютерная сестра.

Поттер сосредоточил внимание на маленьком экране монитора на пульте компьютерной сестры. «Пристально ли она следила за операцией? – спросил он себя, – Иногда они следят за каждым срезом, за каждым движением... а компьютерные сестры – кумекающее племя. Если она следила, то у нее прекрасное представление о том, что произошло. И в самом лучшем случае, она может подозревать. А случайно ли была стерта эта лента? Могу ли я надеяться?»

Она повернулась, встретилась с ним взглядом:

– О, доктор, мне очень жаль, – сказала она.

– Ничего, бывает, сестра, – сказал Поттер, – Ничего особенного в этом эмбрионе нет, кроме того факта, что он будет жить.

– Мы упустили его, да? – спросил Свенгаард, – Это все, должно быть, мутагены.

– Да, – сказал Поттер, – Но без них он бы умер. Поттер пристально посмотрел на сестру. Он не мог быть уверен, но подумал, что увидел, как глубокое облегчение размыло ее черты, – Я дам словесную ленту операции, – сказал Поттер, – Для этого эмбриона этого будет достаточно.

А сам подумал: «Когда начинается конспирация? Это начало ее!»

Но этой конспирации следовало сделать еще так много. Ни один понимающий глаз не должен еще раз посмотреть на этот эмбрион в микроскоп, если это не будет частью конспирации... либо разоблачение.

– У нас еще есть лента синтеза белков, – сказал Свенгаард, – Она даст нам косвенные химические факторы и распределение по времени.

Поттер подумал о ленте синтеза белков. Есть ли в ней опасность? Нет, она является лишь ссылкой на то, что была операция... а не то, как что-то использовалось.

– Да, конечно, – сказал Поттер, – Да, конечно, – Он указал на экран монитора, – Операция закончена. Вы можете выключить внутреннее телевидение и провести родителей в приемную комнату. Мне очень жаль, что не удалось сделать большего, чем мы сделали, но это будет здоровый человек.

– Бесплодный? – спросил Свенгаард.

– Слишком рано говорить об этом, – сказал Поттер. Он посмотрел на компьютерную сестру. Ей удалось наконец достать крышку, и она остановила ленту, – Есть какие-либо предположения, как это случилось?

– Вероятно, подвел соленоид, – сказал Свенгаард.

– Это оборудование довольно старое, – сказала сестра, – Я несколько раз просила заменить части, но, кажется, мы не справляемся с первостепенными нуждами вовремя.

«А в Центrale неохотно признают, что что-то может изнашиваться», – подумал Поттер.

– Да, – сказал Поттер, – Осмелюсь сказать, что сейчас мы получим замену.

«Кто-нибудь еще мог увидеть, как она зацепила выключатель?» – размышлял Поттер. Он попытался вспомнить, где находился каждый в комнате и куда они смотрели; обеспокоенный тем, что за ней мог наблюдать какой-нибудь второстепенный агент Безопасности. «Если бюро

Безопасности видело это, ей не жить, – подумал Поттер, – И мне тоже».

– Частью доклада об этом случае будет сообщение техника о ремонте, – сказал Свенгаард, – Я полагаю, что вы... – Я лично прослежу за этим, доктор, – сказала она.

Отвернувшись, Поттер подумал, что у них с компьютерной сестрой сейчас состоялся молчаливый разговор. Он заметил, что большой экран уже зияет серой пустотой, Дюраны уже не наблюдают больше. «Следует мне самому встретиться с ними? – размышлял он, – Если они входят в подпольный Центр, они смогли бы помочь. Что-то необходимо предпринять с этим эмбрионом. Самым безопасным было бы совсем убрать его отсюда... но как?»

– Я позабочусь о дальнейших контактных связях, – сказал Свенгаард. Он начал проверять герметичность чана, дубликаты жизненных систем, разборку мезонного генератора.

«Кто-то должен встретиться с родителями», – подумал Поттер.

– Родители будут разочарованы, – сказал Свенгаард, – Они обычно знают, почему вызывают специалиста... и, вероятно, надеются.

Дверь из комнаты готовности открылась, и появился человек, в котором Поттер признал агента Безопасности из Централы. Это был круглолицый блондин с такими чертами лица, которые обычно забываются через пять минут после того, как человек ушел. Человек прошел через комнату и направился к Поттеру.

«Это конец мне?» – размышлял Поттер. Он заставил голос звучать как обычно и спросил:

– Как насчет родителей?

– Они чисты, – сказал агент, – Никаких недозволенных приборов – разговор нормальный... разный мелкий разговор, но нормальный.

– Никаких намеков на другое? – спросил Поттер, – Какие-нибудь способы, с помощью которых они могли бы проникнуть в отдел Безопасности без инструментов?

– Невозможно, – пропыхтел человек.

– Доктор Свенгаард полагает, что у отца излишнее чувство мужского покровительства, а у матери чрезмерный инстинкт материнства, – сказал Поттер.

– Записи показывают, что это вы их формировали, – сказал агент.

– Возможно, – сказал Поттер, – Иногда приходится сосредоточить внимание на главных моментах формирования, чтобы спасти эмбрион. Мелкие детали ускользают.

– Что-нибудь ускользнуло сегодня? – спросил агент, – Я понимаю, была стерта лента... случайность.

«Он подозревает?» – спросил себя Поттер. Степень собственного участия и личной опасности угрожала заполнить все его существо Поттера. Ему требовалось величайшее усилие, чтобы поддерживать обычный тон.

– Конечно, всякое бывает, – сказал Поттер. Он пожал плечами, – Но не думаю, что здесь есть что-то необычное. Мы потеряли оптиформу, спасая эмбрион, но это случается. Мы не можем всегда одерживать победы.

– Нам следует восстановить запись эмбриона? – спросил агент.

«Он продолжал закидывать удочку», – сказал себе Поттер. А сам сказал:

– Как вас устроит. Я составлю словесную ленту операции довольно скоро – почти так же, как обычную. Вы можете подождать и проанализировать ее прежде, чем решите.

– Я так и сделаю, – сказал агент.

Свенгаард уже убрал микроскоп с чана. Поттер слегка расслабился. Никто не собирается бросить случайный и опасный взгляд на эмбрион.

– Я полагаю, что мы устроили вам ложный вызов на охоту на диких гусей, – сказал Поттер, – Сожалею, но они действительно настаивали на наблюдении.

– Лучше десять охот на диких гусей, чем один случай с родителями, которые слишком

много знают, – сказал агент, – Как была стерта лента?

– Случайно, – сказал Поттер, – Изношенное оборудование. Мы скоро представим вам технический отчет.

– Опустите в отчете изношенное оборудование, – сказал агент, – Я приму это как устное сообщение. Олгуд должен показывать сейчас каждое сообщение в Туере.

Поттер понимающе кивнул:

– Конечно, – Люди, которые работали вне Централы, знали о таких вещах. Мелкие, пусть и тревожные, проблемы скрывали от оптименов.

Агент осмотрел хирургический кабинет оценивающим взглядом и сказал:

– Когда-нибудь нам не нужно будет соблюдать всю эту секретность. Но это будет очень не скоро, – Он отвернулся.

Поттер проследил, как тот удалился, думая о том, как четко агент вник в нужды его профессии. Прекрасная операция, только с одной ошибкой – слишком все гладко, слишком много холодной логики, недостаточно творческого любопытства и готовности исследовать пути случайности.

«Если бы он нажал на меня, он бы достал меня, – подумал Поттер, – Ему следовало бы побольше проявить любопытства относительно этого случая. Но все мы стремимся подражать нашим хозяевам – даже в их слепоте».

У Поттера начало появляться больше уверенности в успехе опаснейшего предприятия. Он вернулся, чтобы помочь Свенгаарду с окончательными деталями, удивляясь: "Откуда мне знать, что агент удовлетворен моим объяснением". Никакого чувства беспокойства не присутствовало в вопросе. «Я знаю, что он удовлетворен, но откуда я это знаю?» – спрашивал себя Поттер.

Затем он понял, что мозг его занят корреляцией генной информации – внутренней работой клеток, их внешними проявлениями – он занимался этим столько лет, что вес данных перешел в новый уровень понимания. Он уже мог читать мельчайшие детали, выдающие реакции генного типа.

Я уже читаю по лицам людей!

Это было поразительное открытие. Он осмотрел комнату, бросив взгляд на сестер, помогающих закончить разборку. Когда он встретился взглядом с компьютерной сестрой, он понял, что она преднамеренно уничтожила ленту записи. Он знал это.

Лизбет и Гарви Дюран шли из больницы после беседы с докторами Поттером и Свенгаардом, взявшись за руки. Они улыбались и размахивали сомкнутыми руками, как дети на пикнике – кем по существу они и были.

Утренний дождь закончился, и тучи уносились на восток к высоким вершинам, которые выходили на сеатский Мегополис. Высокое небо светилось чистой ясной голубизной, а в нем высоко царило солнце.

Толпа людей в порядке свободного движения проходила через парк поперек дороги, очевидно, это было время упражнений на воздухе для команды какой-нибудь фабрики или рабочей группы. Однообразие их рабочей формы прерывалось всплесками красок – оранжевый шарф на женской голове, желтый шнур на груди мужчины, ярко-красный талисман плодородия свисающий на золотой петле из уха женщины. Один мужчина надел на себя яркие зеленые туфли.

Трогательные попытки проявить индивидуальность в мире генетически штампованной однородности проникали уколами сквозь защитные реакции Лизбет. Она отвернулась, чтобы эта сцена не сняла улыбку с ее губ, и спросила:

– Куда мы пойдём?

– Хм-м-м? – Гарви держал ее за спину, ожидая, когда перейдет дорожку группа.

Некоторые из марширующих поворачивались, с завистью глядя на Гарви и Лизбет. Все понимали, почему Дюраны ходили туда. Больница, огромная глыба пласмелда позади них, тот факт, что они были мужчиной и женщиной и шли вместе, особая одежда, улыбки – все говорило о том, что Дюраны получили отпуск по случаю их потомства, и поэтому свободны от своих повседневных трудов.

Каждый индивидуум в этой толпе надеялся с затаенным отчаянием на такой побег от рутины, которая связывала их всех. Жизнеспособные половые клетки, отпуск для посещения селекционера – это было всеобщей мечтой. Даже известные стерри надеялись и оказывали покровительство шаманам, улучшателям породы и производителям заветных талисманов.

«У них нет прошлого, – думала Лизбет, вдруг вспомнив давние наблюдения народных философов, – Они все люди без прошлого, и только надежда на будущее еще держится в них. Наше прошлое потерялось где-то в океане темноты. Оптимены и генные хирурги уничтожили наше прошлое».

Перед лицом этого даже их собственный отпуск на посещение улучшателя породы терял свое особое сияние. Дюраны могли не напрягаться и не вскакивать по звонку, чтобы спешить в разные стороны на работу, но все же они до сих пор были людьми без прошлого... да и будущее их могло потеряться в одно мгновение. Ребенок, который формируется в больничном чане... каким-то малым образом он мог быть их частью, но хирурги изменили его. Они резко отрезали его от прошлого.

Лизбет вспомнила своих родителей, чувство отчуждения от них, различия, которые были глубже, чем кровь.

«Они только частично были моими родителями, – думала она, – Они это знали... и я это знала».

Она почувствовала начало отчуждения от своего собственного, не сформированного еще сына – эмоция, которая высветила необходимость их поступка. «В чем здесь польза?» – размышляла она. Но она знала, в чем эта польза – навсегда покончить с этой ампутацией прошлого.

Последний с завистью на лице прошел. Толпа превратилась в движущиеся спины, кусочки цвета. Они повернули за угол и ушли, из ниоткуда в никуда.

«Это мы повернули за угол, и нет пути назад?» – размышляла Лизбет.

– Давай пойдем к подземке, проходящей через весь город, – сказал Гарви.

– Через парк? – спросила она.

– Да, – сказал Гарви, – Подумай только – десять месяцев.

– И мы сможем взять сына домой. Нам очень повезло.

– Кажется, это так долго – десять месяцев, – сказал Гарви.

Лизбет ответила, когда они перешли улицу и вошли в парк, – Да, но мы можем приходить навещать его каждую неделю, когда они перенесут его в большой чан – а это уже через три месяца.

– Ты права, – сказал Гарви, – Не успеем опомниться, и они уже пройдут. И слава всемогущим, что он не специалист или что-нибудь еще. Мы можем воспитывать его дома. Время работы нам сократят.

– Этот доктор Поттер чудесный, – сказала она. Когда они разговаривали, их соединенные руки двигались легкими пожатиями и движениями пальцев в тайном разговоре – ручной код, – несказанное слово, – который говорил о их отношении к группе подпольного Центра родителей.

– Они до сих пор следят за нами, – просигналил Гарви.

– Я знаю.

– Свенгаард не в счет – раб структуры власти.

– Очевидно. Знаешь, я понятия не имела, что компьютерная сестра – одна из нас.

– Ты тоже это заметила?

– Поттер глядел на нее, когда она зацепила выключатель.

– Ты думаешь агенты Безопасности видели ее?

– Несомненно нет. Они все были заняты нами.

– Может быть, она и не одна из нас, – просигналил Гарви. А вслух сказал:

– Не правда ли, сегодня прекрасный день. Давай пойдем по тропинке, где трава.

Пальцы Лизбет дали ответ:

– Ты думаешь, что у сестры это вышло случайно?

– Могло быть. Вероятно, она поняла, что сотворил Поттер и поняла, что это единственный способ спасти эмбрион.

– Тогда кто-то должен связаться с ней немедленно.

– Осторожно. Может быть, она не стабильна, эмоциональна – селекционер-неврастеник.

– А как насчет Поттера?

– Мы должны сразу же послать к нему людей. Нам понадобится его помощь, чтобы вызволить оттуда эмбрион.

– Тогда об этом узнают девять хирургов Централа, – сказала она.

– Если он только согласится, – просигналил Гарви. Она посмотрела на него с улыбкой, которая полностью скрыла внезапную озабоченность:

– У тебя сомнения?

– Только потому, что он видел меня насквозь в то время, когда я читал по лицу его мысли.

– Да, ты прав, – сказала она, – Но он делал это так медленно и неуверенно, по сравнению с нами.

– Вот так я и прочитал его мысли. Похоже, что он читал мысли впервые, как любитель самоучка, спотыкаясь, набираясь уверенности по мере того, как у него получалось.

– Он не подготовленный, – сказала она, – Это очевидно. Я беспокоилась, что ты прочитал то, что не увидела я.

– Думаю, ты права.

По всему парку пыль заслоняла солнечный свет, поднимаясь столбами, которые стояли в лесном питомнике. Лизбет пристально всматривалась в эту картину и сказала:

– В этом нет сомнения, дорогой. У него природный дар, он наткнулся на свой талант случайно. Ты же знаешь, что такие люди встречаются – они должны быть. Ничто не может нам помешать общаться с ними.

– Но ОНИ, конечно, попытаются.

– Да, – просигналила она, – Сегодня ОНИ внимательно за этим следили, сканировали и проверяли нас в этой комнате отдыха. Но люди, которые мыслят механически, никогда не догадаются – я имею в виду, что наше оружие – люди, а не вещи.

– Это их самое уязвимое, смертельное место, – согласился он, – Они сейчас так глубоко увязли, что не могут смотреть через край и в сторону, ОНИ озабочены лишь сохранением своей власти.

– А эта широкая, широкая вселенная зовет нас, – просигналила она.

Шеф Тахи-Безопасности Централы Макс Олгуд шел вверх по пластмассовым ступеням отдела Администрации немного впереди сопровождающих его двух хирургов, как приличествует директору быстрой и ужасной руки власти оптименов.

Утреннее солнце позади троицы посылало их мелькающие тени на белые углы и панели здания.

Их допустили до серебряных теней входного портика, где опускался барьер для неизбежной задержки. Карантинные сканеры прощупывали и проверяли их вплоть до мельчайших микробов.

Олгуд повернулся в терпеливой позе давно привыкшего к этой процедуре, он изучал своих спутников Бумура и Игана. Его забавляло, что здесь они перестают быть хирургами. В эту часть не допускали никаких врачей. Здесь они должны быть фармацевтами. Титул «доктор» нес в себе что-то, что вызывало беспокойство среди оптименов. ОНИ знали о врачах, но только так, как знают министры о простых людях. Слово доктор здесь стало эвфемизмом, точно так же здесь не говорили смерть или убить, и даже применительно к машинам или каким-то структурам ОНИ говорили изнашивается. Только новые оптимены в самом начале их ученичества или простые смертные молодой наружности работали в Централе, хотя некоторых из этих простых смертных хозяева держали довольно продолжительное время.

Бумур и Иган оба прошли проверку на молодой возраст, хотя лицо Бумура было измученное, похожее на эльфа, которое позволяло говорить о возрасте прежде времени. Это был большой, широкоплечий, мощный человек. Иган выглядел тонким и хрупким рядом с ним. И лицо у него было остроконечное с длинной челюстью и маленьким плотно сжатым ртом. Глаза обоих мужчин были такого же цвета, как у оптименов – синие, пронизывающие. Оба они, вероятно, были почти оптами. Такими были большинство хирургов-фармацевтов Централы.

Эти двое беспокойно двигались под взглядом Олгуда, избегая смотреть ему в глаза. Бумур начал говорить что-то Игану, положив ему руку на плечо, нервно двигаясь и как бы массируя плечо. Движение руки Бумура на плече Игана носило оттенок странной фамильярности и напомнило Олгуду, что он уже видел что-то подобное раньше. Но он не мог припомнить, где это было.

Испытательное карантинное сканирование продолжалось. Олгуду показалось, что оно длилось дольше, чем обычно. Он обратил внимание на то, что происходило перед зданием на той стороне дороги. Обстановка была мирная, никак не вяжущаяся с настроением Централы, какое знал Олгуд.

Олгуд понимал, что доступ к секретным записям и даже к старым книгам давал ему ранее не доступные сведения о Централе. Владения оптименов простирались через лиги, которые когда-то были политическими реалиями Канады и се-верных Соединенных Штатов. Оно занимало круг, приблизительно в семьсот километров диаметром, а под землей было двести уровней. Это был район с многочисленными видами контроля – контроля погоды, генный контроль, бактериологический контроль, ферментный контроль... человеческий контроль... В этом маленьком уголке, сердце Администрации, землям был придан вид итальянского ландшафта – черное и серое с оттенком пастели. Оптимены были людьми, которые в мгновение ока могли подстричь гору согласно своей прихоти: «Немного снять с макушки и оставить бачки». По всему Централу природа была сглажена, лишена своей опасной остроты. Даже когда оптимены устраивали какую-нибудь естественную выставку, она была лишена элемента драмы, которая вообще не присутствовала как таковая в их жизни.

Олгуд часто удивлялся этому. Он смотрел фильмы периода до оптименов и видел различия.

Все эти отманикюренные прелести оптименов казались ему связанными с вездесущими красными треугольниками, обозначающими фармацевтические пункты, где оптимены могли бы проверить свои предписания ферментов.

– Они всегда это так долго проделывают или дело здесь просто во мне? – спросил Бумур. В голосе его слышался ропот.

– Спокойствие, – сказал Иган. В его голосе слышалась мягкость тенора.

– Да, – сказал Олгуд, – терпение – лучший союзник человека.

Бумур взглянул на шефа Безопасности, изучая его и раздумывая. Олгуд говорил редко, за исключением тех случаев, когда играл на эффект. Он, а не оптимены, был величайшей угрозой Конспирации. Он душой и телом служил хозяевам, супермарионетка. «Почему он приказал нам сопровождать его сегодня? – размышлял Бумур, – Он знает? Он хочет разоблачить нас?»

В Олгуде была какая-то особая безобразность, которая завораживала Бумура. Шеф Безопасности был приземистым маленьким простым смертным из народа с круглым лицом и бегающими миндалевидными глазами и темной щеткой волос, низко опущенных на лоб – по облику его генных инженеров соответствовал типу шанга.

Олгуд повернулся к карантинному барьеру, и с неожиданной остротой Бумур понял, что безобразность исходит изнутри этого человека. Эта безобразность была от страха, созданного страха, личного страха. Это открытие принесло Бумуру резкое ощущение облегчения, которое он просигналил Игану нажатием пальцев на его плечо.

Иган перевел взгляд и пристально посмотрел на улицу через дорогу перед зданием, где они стояли. «Конечно, Макс Олгуд боится, – думал он, – Он живет в окружении страхов, имеющих название и не имеющих таковых... точно так же, как и оптимены... несчастные».

Вид напротив Централа начал проникать в ощущения Игана. Здесь в этот момент был день абсолютной Весны, спланированный в самом могучем центре Контроля Погоды. Лестница Администрации выходила на озеро, круглое и совершенное, как эмалированные синие музыкальные тарелки. На низком холме у узора пласмелдовые плитусы выступали, как белые камни: шапки лифтов, уходящих замкнутой цепью с большой быстротой вниз во владения оптименов (внизу – двести уровней).

Далеко за холмами небо становилось темно-синим и маслянистым. Неожиданно его прорезали красные, зеленые и пурпурные огни довольно плоского рисунка. Вскоре послышался отдаленный раскат грома. Какой-то из Высших оптименов за пределами Централа устраивал для развлечения прирученную грозу.

Она поразила Игана своей никчемностью, лишённая опасности или драмы, эти два слова, по его мнению, обозначали одно и то же.

Гроза была первым, что увидел в этот день Олгуд, что совпало с его пониманием внутренних ритмов Централа. Явления всемогущей природы представили образец его видения Централа. Люди исчезали внутри его, чтобы никогда не появиться вновь, и только он, Олгуд, шеф Тахи-Безопасности, или несколько агентов, кому он доверял, знали об их судьбе. Олгуд чувствовал, что раскат грома гармонирует с его настроением, звук этот предполагал абсолютную власть. Под грозовым небом, превращающимся сейчас в ядовито-желтое, уничтожающим вид весны, плитусы на холме над озером стали языческими погребальными памятниками, выступающими на фоне земли как пурпурно-зеленые ромашки.

– Пора, – сказал Бумур.

Олгуд повернулся и увидел, что барьер поднят. Он направился в Зал Совета со сверкающими алмазными стенами, над рядами пустых пласмелдовых скамеек. Все трое двигались сквозь языки пахучих испарений, которые отходили в сторону, когда они касались их грудью.

Помощники оптименов, в зеленых накидках, прикрепленных на плечах бриллиантовыми пряжками, вышли из боковых теней, чтобы сопровождать их. Под цвет их зеленых накидок были платановые трубки, и они размахивали золотыми кадилами, которые испускали облачка антисептического розового дыма вокруг.

Олгуд не спускал глаз с конца зала. Там висел огромный шар, красный, как стебель мандрагора, в перекрещивающихся лучах. Он был около сорока метров диаметром, а одна секция его отходила назад, как долька апельсина, и открывала внутренности. Это был контрольный центр Туера, инструмент незнакомых возможностей и ощущений, с помощью которого они наблюдали и управляли своими подчиненными. В нем вспыхивали огни, фосфорно-зеленые с синими арками разводов. Огромные круглые приборы выписывали послания буквами, а красные огни мигали и выдавали ответы. Цифры летели по воздуху на лучах, а в лентах света плясали запутанные символы.

Сверху через середину, как сердцевина фрукта, тянулась белая колонна, поддерживающая треугольную платформу в центре шара. На краях треугольника, на золотистых пласмелдовых тронах сидели три оптимена, известные как Туеры – друзья, компаньоны, избранные правители этой страны, которым оставалось править еще семьдесят восемь лет. В их жизни это было лишь мгновение, раздражающая вещь, часто беспокойная, потому что они должны встречаться с реальностью, которая для других оптименов была лишь эвфемизмом.

Прислужники остановились в двадцати шагах от красного шара, но продолжали размахивать кадилами. Олгуд вышел на шаг вперед, приказав знаком Бумуру и Игану оставаться позади него. Шеф Безопасности чувствовал и знал, как далеко он может пройти здесь, он знал здесь свои пределы. «ОНИ нуждаются во мне», – говорил он себе. Но он знал также, что эта беседа могла нести ему и опасности.

Олгуд посмотрел вверх в шар. Танцующие кружева власти поместили обманчивую прозрачность внутри. Через этот занавес были видны фигуры, очертания – то ясные, то затуманенные.

– Я пришел, – сказал Олгуд.

Бумур и Игал повторили приветствие вслед за ним, напомнив себе обо всех пунктах протокола и формах обращения, которые должны здесь соблюдаться: «Всегда называйте имя оптимена, к которому вы обращаетесь. Если вы не знаете имени, покорно спросите о нем».

Олгуд ждал, когда ответят Туеры. Иногда, чувствовал он, у них не было ощущения времени, по крайней мере секунд, минут и, вероятно, даже дней. Это могло быть правдой. У людей с бесконечной жизнью может и не быть такого ощущения замечать, как проходят времена года, как тикают часы.

Подставка трона повернулась, представляя одного за другим Туеров. Они сидели в облегающих прозрачных костюмах почти голые, афишируя свое сходство с простыми смертными. Лицом к открытому сегменту сейчас был Нурс, фигура греческого бога с тяжеловесным лицом, тяжелыми бровями, выпуклыми мышцами груди, которые колыхались, когда он дышал, с явно контролируемой медлительностью.

Основание повернулось, представило Шруилла, тонкой кости, непредсказуемого, с огромными круглыми глазами, высокими скулами и плоским носом над ртом, который, казалось, всегда вытянут в тонкую нить неодобрения. Он был опасен. Некоторые говорили, что он высказывает такое, что не могут сказать другие оптимены. Однажды в присутствии Олгуда он сказал «смерть». И хотя речь шла о бабочке, все же... Основание снова повернулось – теперь здесь была Калапина, платье ее было подпоясано пластроном. Это была тонкая женщина с высокой грудью, золотисто-каштановыми волосами и холодными наглыми глазами, полными губами, длинным носом над заостренным подбородком. Олгуд заметил, что она наблюдает за

ним очень странно для данного случая. В таких случаях он пытался не думать об оптименах, которые афишировали ложное товарищество.

Нурс заговорил с Калапиной, смотря на нее через призматический отражатель, который возвышался у плеча над каждым тронем, она ответила, но слова не доходили до пола зала.

Олгуд наблюдал за этим обменом репликами для того, чтобы судить о их настроении. Среди народа было известно, что Нурс и Калапина долгое время делили спальное ложе. У Нурса была репутация, включающая силу и предсказуемость, но Калапину знали как женщину с диким нравом. Если кто-то упоминал ее имя, то его тут же спрашивали: «Ну, и что же она сделала на этот раз?» И говорилось это с оттенком восхищения и страха. Олгуд знал этот страх. Он работал и с другими правящими тройками, но ни разу с такой, как эта тройка... особенно Калапина.

Основание трона остановилось, и лицом к открытому сегменту был Нурс, – Вы пришли, – прогремел он, – Конечно, вы пришли. Вол знает своего хозяина, а осел кормушку хозяина.

«Так, кажется, это будет тот еще разговор, – думал Олгуд, – Ирония! Это может обозначать только то, что они знают, что я споткнулся...».

Калапина повернула свой трон, чтобы посмотреть вниз на простых смертных. Зал Совета был оформлен по образцу римского сената, с ложными колоннами по краям, ряды скамеек под блестящими сканирующими глазами. Все сконцентрировано было на фигуре, стоящие в стороне от помощников.

Взглянув вверх, Иган напомнил себе, что он боялся и ненавидел этих существ всю жизнь – даже в то время, когда жалел их. Каким же счастливым он является, что при формировании он не стал оптименом. Он был близок к этому, но его спасли. Он помнил ненависть, которую испытывал к ним с детства до того, как она стала усиливаться еще и жалостью. Тогда это была чистая вещь, резкая и реальная, светящаяся и направленная против тех, кто дает Время.

– Мы пришли, как нас просили, по поводу сообщения о Дюранах, – сказал Олгуд. Он сделал два глубоких вдоха, чтобы успокоить нервы. Встречи эти всегда были опасными, но вдвойне опасными с тех пор, как он обнаружил своих двойников, которых они растягивают. Могла быть только одна причина, по которой они дублируют его. Ну да, они узнали.

Калапина изучала Олгуда, рассуждая о том, наступило ли время поискать отклонения у этого безобразного мужчины из народа. Может быть, здесь есть хотя бы ответ на скуку. Как Шруилл, так и Нурс снисходительны. Казалось, она вспомнила, как проделала это с другим Максом, но не могла вспомнить, помогло ли это ей тогда избавиться от скуки.

– Скажите, что мы вам даем, маленький Макс, – сказала она.

Ее женский голос, мягкий и вкрадчивый слог, ужаснул его. Олгуд проглотил сухой комок, – Вы даете жизнь, Калапина.

– Скажите, сколько у вас прекрасных лет, – приказала она.

Олгуд почувствовал, что в горле у него ни капли влаги:

– Почти четыреста, Калапина, – прохрипел он.

Нурс хихикнул, – Впереди у вас еще намного больше прекрасных лет, если вы будете нам хорошо служить, – сказал он.

Это было уже очень близко к прямой угрозе, которую Олгуд когда-либо слышал от оптимена. ОНИ проводили всегда свою волю непрямым путем, с помощью тонких эвфемизмов. ОНИ осуществляли ее с помощью простых смертных, которые могли воспринимать такие концепции, как смерть или убийство.

«Кого они сформировали, чтобы уничтожить меня?» – раздумывал Олгуд.

– Хватит, – огрызнулся Шруилл. Он презирал эти беседы с низшими классами такими способами, какими Калапина ловила на удочку простолюдинов. Он повернул свой трон, и теперь все трое Туеров находились лицом к открытому сегменту. Шруилл посмотрел на свои

пальцы, вечно молодую кожу и удивился, почему он так сорвался. Ферментная разбалансированность? Эта мысль доставила ему беспокойство. Обычно во время таких бесед он хранил молчание – как защитник, потому что он имел склонность питать сентиментальность в отношении к этим жалким простым смертным, а после этого презирал себя за это.

Бумур шагнул вперед, встал рядом с Олгудом и сказал:

– Желают ли Туеры послушать сейчас сообщение о Дюранах?

Шруилл с трудом подавил гнев от того, что его прервали. Разве этот дурак не знает, что в таких беседах инициатива всегда должна быть у оптименов?

– Слова и образы вашего сообщения просмотрены, проанализированы и отложены, – прогремел Нурс, – Сейчас мы желаем не простого сообщения.

«Не простое сообщение? – спросил себя Олгуд, – Он думает, что мы скрыли что-то?»

– Маленький Макс, – сказала Калапина, – Вы исполнили нашу волю и допросили компьютерную сестру под наркозом?

«Вот оно что», – подумал Олгуд. Он глубоко вздохнул и сказал:

– Ее допросили, Калапина.

Иган встал рядом с Бумуром и сказал:

– Я хотел бы что-то сказать об этом, если... – Придержите язык, фармацевт, – сказал Нурс, – Мы разговариваем с Максом.

Иган наклонил голову и подумал: «Как опасно все это! И все из-за этой дуры сестры. Она даже не одна из нас. Нет, Киборг журнала регистрации знает ее. Не член ячейки или отряда. Случайная, стерри, и она ставит нас под такую угрозу!»

Олгуд увидел, что руки Игана трясутся и подумал: «Что движет этими хирургами? Не могут ведь они быть такими дураками».

– То, что сделала сестра, было не преднамеренно? – спросила Калапина.

– Да, Калапина, – сказал Олгуд.

– Ваши агенты не видели этого, но все же мы знаем, что это должно было быть, – сказала Калапина. Она сейчас изучала приборы контрольного центра, затем обратила внимание на Олгуда, – Теперь скажите, почему это было.

Олгуд вздохнул, – Для меня нет оправдания, Калапина. Агентам следует вынести порицание.

– А теперь скажите, почему сестра поступила так? – приказала Калапина.

Олгуд облизал губы языком и взглянул на Бумура и Игана. Они смотрели в пол. Он снова посмотрел на Калапину, на ее лицо, мерцающее в шаре, – Нам не удалось узнать ее мотивы, Калапина.

– Не удалось? – строго спросил Нурс.

– Она... а-а... прекратила существование во время допроса, Нурс, – сказал Олгуд. Когда троица Туеров застыла, сев прямо в своих тронах, он добавил:

– Ошибка при ее генном формировании, так объяснили мне фармацевты.

– Бесконечно жаль, – сказал Нурс, откидываясь. Иган взглянул вверх и пробормотал:

– Это не могло быть преднамеренным самоуничтожением, Нурс.

«Чертов болван!» – думал Олгуд.

Но сейчас Нурс пристально смотрел на Игана, – Вы присутствовали, Иган?

– Бумур и я отвечали за наркотики.

«Да, она умерла, – подумал Иган, – Но мы не убивали ее. Она умерла, а мы будем виноваты в этом. Откуда она могла узнать о способе остановки своего сердца? Только во власти Киборгов знать и обучать этому».

– Преднамеренное... самоуничтожение? – спросил Нурс. Даже если эту мысль

рассматривать не в прямом плане, сама мысль содержит ужасающую подоплеку.

– Макс! – сказала Калапина, – А теперь скажите нам, применяли ли вы излишнюю... жестокость? – Она наклонилась вперед, удивляясь себе, почему хотела, чтобы он признал факт варварства.

– Она никак не страдала, Калапина, – сказал Олгуд. Калапина снова села прямо, разочарованная. Может ли быть так, что он лжет? Она посмотрела на показания приборов. Спокойствие. Он не солгал.

– Фармацевт, – сказал Нурс, – Выскажите ваши мнения.

– Мы тщательно исследовали ее, – сказал Иган, – Наркотики не могли иметь к этому случаю никакого отношения. Не было никакого способа.

– Некоторые из нас думают, что это генетическая ошибка, – сказал Бумур.

– Но некоторые не согласны, – сказал Иган. Он взглянул на Олгуда, чувствуя его несогласие. Хотя это должно было быть сделано. Оптимены должны быть так устроены, чтобы чувствовать беспокойность. Если их завлечь в действие эмоционально, они делают ошибки. Задуманное требует, чтобы они делали ошибки. Их надо выбить из равновесия – тонко, деликатно.

– Ваше мнение, Макс? – спросил Нурс. Он внимательно следил. Недавно они делали модели и похуже, дегенерация двойника.

– Мы уже взяли клеточное вещество, Нурс, – сказал Олгуд, – и выращиваем двойника. Если мы получим настоящую копию, мы проверим проблему генетической ошибки.

– Очень жаль, но у двойника не будет памяти оригинала, – сказал Нурс.

– Чрезвычайно жаль, – сказала Калапина. Она посмотрела на Шруилла, – Не так ли, Шруилл?

Шруилл взглянул на нее, не отвечая. Неужели она думает, что может поймать его на удочку, как простого смертного?

– У этой женщины был муж? – спросил Нурс.

– Да, Нурс, – сказал Олгуд.

– Плодоносный союз?

– Нет, Нурс, – сказал Олгуд, – Стерри.

– Дайте компенсацию супругу, – сказал Нурс, – Другую женщину, немного отдыха. Дайте ему понять, что она была верна нам.

Олгуд кивнул и сказал:

– Мы дадим ему женщину, Нурс, которая будет держать его под постоянным наблюдением.

Со стороны Калапины послышался смех, – Почему никто не упомянул этого Поттера, генного инженера? – спросила она.

– Я только собирался это сделать, Калапина, – сказал Олгуд.

– Кто-нибудь проверял эмбрион? – спросил Шруилл, неожиданно взглянув вверх.

– Нет, Шруилл, – сказал Олгуд.

– Почему?

– Если это согласованное действие, чтобы избежать генетического контроля, Шруилл, мы не хотим, чтобы члены организации знали, что мы их подозреваем, еще не время. Сначала мы должны узнать все об этих людях – Дюранах, их друзьях, Поттере... обо всех.

– Но ключ ко всему этому делу – эмбрион, – сказал Шруилл, – Что сделано в этом плане? Что это?

– Это приманка, Шруилл, – сказал Олгуд.

– Приманка?

– Да, Шруилл, чтобы узнать, кто еще задействован в этом деле.

– Но что было сделано в этом плане?

– Какое это может иметь значение, Шруилл, пока мы можем... до тех пор, пока мы полностью контролируем это.

– Надеюсь, что за эмбрионом очень тщательно наблюдают, – сказал Нурс.

– Очень тщательно, Нурс.

– Пришлите нам фармацевта Свенгаарда, – приказала Калапина.

– Свенгаарда... Калапина? – спросил Олгуд.

– Вам необязательно знать зачем, – сказала она, – Просто пришлите его.

– Да, Калапина.

Она встала, показывая этим самым, что беседа закончена. Помощники повернулись кругом, все еще размахивая кадилами, готовые теперь сопровождать простых смертных из зала. Но Калапина еще не закончила. Она внимательно посмотрела на Олгуда и сказала:

– Посмотрите на меня, Макс.

Он посмотрел на нее внимательно, уловив этот странный, изучающий взгляд в ее глазах.

– Разве я не красива? – спросила она.

Олгуд пристально смотрел на нее, стройная фигура, очертания смягчены платьем. Она была красива, как многие женщины оптименов. Но эта красота отталкивала его своим угрожающим совершенством. Она будет жить неопределенное количество лет, уже прожила сорок или пятьдесят тысяч лет. Но однажды его плоть отвергнет медицинские замены и ферментные предписания. Он умрет, а она будет жить все дальше и дальше.

Его низшая плоть отвергала ее.

– Вы прекрасны, Калапина, – сказал он.

– По вашим глазам этого не скажешь, – сказала она.

– Что ты хочешь, Кал? – спросил Нурс, – Ты хочешь этого... ты хочешь Макса?

– Я хочу его глаза, – сказала она, – Только его глаза. Нурс посмотрел на Олгуда и сказал:

– Женщины, – В его голосе чувствовались нотки ложного товарищества.

Олгуд стоял пораженный. Он еще никогда не слышал такого тона от оптимена.

– Я начала говорить, – сказала Калапина, – не прерывайте мои слова мужскими шутками. А если на полную чистоту, Макс, что вы чувствуете ко мне?

– А-ах, даже так, – сказал Нурс. Он кивнул.

– Я скажу это за вас, – сказала она, так как Олгуд молчал, – Вы обожаете меня. Никогда не забывайте об этом, Макс. Вы обожаете меня, – Она посмотрела на Бумура и Игана, отпустила их жестом руки.

Олгуд опустил глаза, чувствуя правду в ее словах. Он повернулся и повел Игана и Бумура из зала в сопровождении помощников по бокам.

Когда они подошли к ступеням, помощники повернули назад и барьер опустился. Иган и Бумур повернули налево, заметив новое здание в конце длинной площадки для прогулок, которая находилась перед зданием администрации. Они увидели стены с навесными бойницами, открытые пространства со вставленными цветными фильтрами, которые отбрасывали красные, синие и зеленые пучки света в окружающее пространство, и они увидели, что здание загородило путь, которым они намерены были выйти из Централа. Неожиданно возведенное здание – еще одна игрушка оптименов. Они увидели его и автоматически выбирали путь, что говорило о том, что они регулярно появляются во владениях оптименов. Казалось, что простые смертные и жители Централа находят выход в лабиринте улиц и проспектов, полагаясь на инстинкт. Это место бросало вызов картографам, потому что оптимены были слишком подвержены изменению и прихоти.

– Иган.

Это сзади позвал их Олгуд.

Они повернулись и подождали, пока он поравняется с ними.

Олгуд остановился прямо перед ними, упер руки в бока и сказал:

– Вы тоже ее обожаете?

– Не говорите глупостей, – сказал Бумур.

– Нет, – сказал Олгуд. Казалось, что глаза его глубоко опустились в глазницы над скулами –

Я не принадлежу ни к культу народа, ни к сословию селекционеров. Как я могу обожать ее.

– Но ведь вы действительно ее обожаете, – сказал Иган, – Да!

– Они являются настоящей религией нашего мира, – сказал Иган, – вам не обязательно придерживаться культа или носить талисман, чтобы признать это. Калапина так прямо и сказала вам об этом, если существует заговор, то те, кто вовлечены в него, являются еретиками.

– Разве она это хотела сказать?

– Конечно.

– А она должна знать, что делают с еретиками, – сказал Олгуд.

– Несомненно, – сказал Бумур.

Глава 6

Свенгаард видел это здание в телепередачах и развлекательных видеиках. Он слышал описания Зала Совета – но чтобы самому действительно стоять здесь у карантинной стены с медным сиянием солнечного заката над холмами напротив него... он даже никогда не мечтал об этом.

Шапки лифтов виднелись, как пласмелдовые бородавки на холме перед ним. Вокруг были другие низкие холмы, а над ними возвышались здания, которые можно было бы принять по ошибке за куски сала.

Одинокaя женщина прошла мимо него по прогулочной дорожке, таща наземную тележку, наполненную узелками странной формы. Свенгаард вдруг поймал себя на том, что ему интересно: что могло быть в этих узелках, но он знал, что не осмелится спросить или проявить неподобающее случаю любопытство.

Красный треугольник фармацевтического центра сиял на колонне рядом с ним. Он прошел мимо и оглянулся назад на свой эскорт.

Он проехал половину пути через континент в подземке в вагоне, предоставленном целиком в его распоряжение, не считая сопровождающего, агента Т-Безопасности.

Свенгаард начал подниматься по ступенькам.

Централ уже начинал давить на него. Вокруг этого места было какое-то ощущение несчастья. Даже если бы он и подозревал об источнике этого чувства, он не смог бы избавиться от него. Конечно, здесь присутствовали и все те народные небылицы, от которых вы никуда не уйдете, решил он. Простые смертные были, по больше части, люди без легенд или древних мифов, за исключением того, что касалось оптименов. В народной памяти Централ и оптимены совмещались со зловещими признаками, смешанными с благоговейным страхом и низкопоклонством.

«Зачем меня вызвали?» – спрашивал себя Свенгаард. Агент отказался ответить на этот вопрос.

Их остановила стена, и сейчас они ждали, молчаливо и нервозно.

Нервничал даже агент, Свенгаард видел это.

Зачем они вызвали меня?

Агент кашлянул и сказал:

– С протоколом у вас все в порядке?

– Думаю да, – сказал Свенгаард.

– Как только войдете в зал, не отставайте от помощников, которые будут сопровождать вас туда. С вами будут беседовать Туеры – Нурс, Шруилл и Калапина. Не забывайте называть их по именам, когда вы будете обращаться к каждому из них индивидуально. Не употребляйте таких слов, как смерть, убить или умереть. Если можете избегайте даже самих этих понятий. Пусть они сами ведут беседу. Лучше всего ничего по своей воле не предпринимать.

Свенгаард сделал дрожащий вдох.

«Может быть, они вызвали меня сюда, чтобы предложить мне продвижение? – раздумывал он, – Должно быть, для этого. Я прошел свой испытательный срок под руководством таких людей, как Поттер и Иган. Меня сейчас выдвигают в Централ».

– И не говорите «доктор», – сказал сопровождающий, – здесь врачей называют фармацевтами или генными инженерами.

– Я понимаю, – сказал Свенгаард.

– Олгуд хочет, чтобы вы дали ему полный отчет после беседы, – сказал агент.

– Да, конечно, – сказал Свенгаард. Карантинный барьер поднялся.

– Идите в здание, – сказал агент.

– Вы не идете со мной? – спросил Свенгаард.

– Не приглашен, – сказал агент. Он повернулся и пошел вниз по ступенькам.

Свенгаард проглотил комок в горле, вошел в серебряный полумрак портика, перешагнул через порог и очутился в длинном зале с эскортом из шести помощников, трое с каждой стороны, размахивающих кадилами, из которых поднимался розовый дым.

Доминирующее положение в конце этого зала занимал большой красный шар. В открытом сегменте его сверкали и мигали огни, движущиеся фигуры внутри зачаровывали Свенгаарда.

Помощники остановили его в двадцати шагах от открытого сегмента, и он посмотрел вверх на Туеров, узнавая их через занавес власти – Нурс в центре, а по бокам Калапина и Шруилл.

– Я пришел, – сказал Свенгаард, выразив приветствие, которому научил его сопровождающий агент. Он вытер вспотевшие ладони о свою лучшую тунику.

Заговорил Нурс громовым голосом, – Вы генный инженер, Свенгаард?

– Да, я Свенгаард... Нурс, – Он сделал глубокий вдох, размышляя о том, заметили ли они заминку, когда он вспомнил, что надо сказать имя оптимена.

Нурс улыбнулся.

– Вы ассистировали недавно в операции по генетическим изменениям эмбриона четы по имени Дюран, – сказал Нурс, – Главным инженером операции был Поттер.

– Да, я был ассистентом, Нурс.

– Во время этой операции была случайность, – сказала Калапина.

В голосе ее была странная музыкальная тональность, и Свенгаард понял, что она не задавала вопрос, а напомнила ему деталь, на которую она хотела, чтобы он обратил внимание. И здесь он почувствовал начало величайшего беспокойства.

– Случайность, да... Калапина, – сказал он.

– Вы внимательно следили за операцией? – спросил Нурс.

– Да, Нурс, – И Свенгаард почувствовал, что его внимание переключилось на Шруилла, который сидел там безмолвный и задумчивый.

– Ну, тогда, – сказала Калапина, – Вы сможете рассказать нам, что скрыл Поттер об этом генетическом изменении.

Свенгаард понял, что потерял голос. Он смог только потрясти головой.

– Он ничего не скрыл? – спросил Нурс, – Это вы хотите сказать?

Свенгаард кивнул.

– Мы не хотим причинить тебе никакого вреда, Свенгаард, – сказала Калапина, – Ты можешь говорить.

Свенгаард проглотил ком в горле, откашлялся, – Я, – сказал он, – ... не знаю... Я ничего не видел... скрытого, – Он замолчал, затем вспомнил, что ему следует назвать ее имя и сказал – Калапина, – как раз в тот момент, когда начал говорить Нурс.

Нурс остановился, нахмурился.

Калапина захихикала.

Нурс сказал:

– Но вы же сказали, что следили за генетическими изменениями.

– Я не смотрел в микроскоп вместе с ним каждую секунду, – сказал Свенгаард, – Нурс. Я... у меня... обязанности ассистента – инструкции компьютерной сестре, работа с ключами питания и т. д.

– А теперь скажи, была ли компьютерная сестра твоим собственным другом, – приказала Калапина.

– Я... она бы... – Свенгаард облизнул губы языком, – Чего они хотят?

– Мы работали вместе ряд лет, Калапина. Я могу сказать, что она была другом. Мы работали вместе.

– Вы исследовали эмбрион после операции? – спросил Нурс.

Шруилл сел прямо и уставился на Свенгаарда.

– Нет, Нурс, – сказал Свенгаард, – В мои обязанности входило обеспечить чан, проверить жизнеобеспечивающие системы Он сделал глубокий вдох. Вероятно, они просто проверяют его, в конце концов... но такие странные вопросы!

– А теперь скажи, является ли Поттер твоим особым другом, – приказала Калапина.

– Он один из моих учителей, Калапина, тот, с кем я работал над сложными генетическими проблемами.

– Но не входил в ваш узкий круг, – сказал Нурс. Свенгаард потряс головой. Он снова почувствовал угрозу.

Он не знал, чего ему ожидать – тот огромный шар скатится; раздавит его, превратит тело в расщепленные атомы. Но нет, оптимены не могли бы сделать такое. Он изучал их лица, когда они стали четко различимы сквозь занавеси власти, ища какой-нибудь знак. Чистые стерильные лица. Он видел в их чертах генетических творцов – они могли бы быть любыми стерри из народа, если бы не аура таинственности оптименов. Народные слухи говорили, что они являются стерильными по выбору, что в потомстве ОНИ видят начало смерти, но генетические особенности их черт говорили Свенгаарду о другом.

– Почему вы позвали Поттера для решения именно этой проблемы? – спросил Нурс.

Свенгаард сделал судорожный вдох и сказал:

– Он... генетическая конфигурация эмбриона... близкая к опту. Поттер известен в нашей больнице. Он... Я в нем уверен; блестящий хи... генетический инженер.

– Скажи сейчас, дружен ли ты с другими фармацевтами, – сказала Калапина.

– Они... Я работаю с ними, когда они приходят в наше здание, – сказал Свенгаард.

– Калапина, – поправил его Нурс. Ее сотрясал приступ смеха.

В горле Свенгаарда начала нарастать тугая напряженность. Он начинал сердиться. Что все это значит? Что им больше нечего делать, а только сидеть, насмехаться и задавать вопросы?

Гнев вернул Свенгаарду контроль над голосом, и он сказал:

– Я глава генной инженерии только в одном корпусе, Нурс, – простой районный инженер. Я делаю обычные операции. Когда что-либо требует специалиста, я следую инструкции и вызываю специалиста. На этот случай был назначен Поттер.

– Один из специалистов, – сказал Нурс.

– Тот, кого я знаю и уважаю, – сказал Свенгаард. Он даже не потрудился добавить имя оптимена.

– А сейчас скажи, сердись ли ты, – приказала Калапина, и в ее голосе снова зазвучала музыкальность.

– Я зол.

– Скажи почему.

– Почему я здесь? – спросил Свенгаард, – Что это за допрос? Я что-то сделал не так? Мне высказывается недоверие?

Нурс наклонился вперед, руки положил на колени, – Ты смеешь задавать нам вопросы?

Свенгаард пристально посмотрел на оптимена. Несмотря на тон вопроса, квадратное с массивными скулами его лицо казалось разубеждающим, успокаивающим, – Я сделаю все, что могу, чтобы помочь вам, – сказал Свенгаард, – Все. Но как я могу помочь или ответить вам, если я не знаю, чего вы хотите?

Калапина начала говорить, но остановилась, когда Нурс поднял руку.

– Наше самое большое желание то, которое мы сказали тебе, – сказал Нурс, – Но, конечно, ты знаешь, что между нами не может быть настоящего разговора. Как можешь ты понять то, что понимаем мы? Может деревянная чаша содержать серную кислоту? Доверяй нам. Мы хотим того, что лучше для тебя.

Ощущение теплоты и благодарности пронизало все существо Свенгаарда. Конечно, он доверял им. Они были генетической вершиной человечества. Он напомнил себе: «Они власть, которая любит нас, и которая заботится о нас».

Свенгаард вздохнул:

– Что вы хотите от меня?

– Ты ответил на все наши вопросы, – сказал Нурс, – Даже на несказанные.

– А сейчас ты забудешь все, что произошло здесь между нами, – сказала Калапина, – Ты не повторишь наш разговор никому.

Свенгаард откашлялся:

– Никому... Калапина?

– Никому.

– Макс Олгуд просил, чтобы я доложил ему... – Максу следует отказать, – сказала она, – Никакого страха, Свенгаард. Мы защитим тебя.

– Как прикажете, – сказал Свенгаард, – Калапина.

– Мы вовсе не хотим, чтобы ты думал, что мы неблагодарны за твою верность и службу, – сказал Нурс, – Мы заботимся о твоём добром имени, и пусть ни холодность, ни отчуждение не появляются в твоих глазах. Знай, что наша забота о лучшей доле для всех людей.

– Да, Нурс, – сказал Свенгаард.

Это была благодарная речь, тон ее беспокоил Свенгаарда, но она помогла прояснить его разум. Он начал понимать направление их любопытства, ощущать их подозрения. Сейчас эти подозрения стали его подозрениями. Неужели Поттер предал его доверие? Дело с нечаянно уничтоженной лентой не было вовсе случайным. Очень хорошо – преступники заплатят.

– Сейчас ты можешь идти, – сказал Нурс.

– С нашим благословением, – сказала Калапина.

Свенгаард поклонился. Он отметил, что Шруилл не говорил и не двигался во время всей беседы. Свенгаард удивлялся, почему сам по себе этот факт должен быть вдруг таким страшным. Колени его дрожали, когда он повернулся и покинул зал в сопровождении помощников, которые раскачивали кадила с обеих сторон.

Туеры следили, пока позади Свенгаарда не опустился барьер.

– Еще один, который не знает, чего достиг Поттер, – сказала Калапина.

– Вы уверены, что Макс не знает? – спросил Шруилл.

– Я уверена, – сказала она.

– Тогда нам следовало бы сказать ему.

– А если бы мы сказали, то как бы мы узнали? – спросила она.

– Это Свенгаард, он один из надежных, – сказал Нурс.

– Говорят, что мы ходим по острию ножа, – сказал Шруилл, – Когда идешь по острию ножа, следует тщательно следить за тем, как ставишь ногу.

– Что за отвратительная мысль, – сказала Калапина. Она повернулась к Нурсу, – Мой дражайший, ты все еще занимаешься на досуге да Винчи?

– Его почерк, – сказал Нурс, – Самая точная дисциплина. Я бы не достиг такого и через сорок или пятьдесят лет. Во всяком случае, скоро.

– При условии, что точно будешь рассчитывать каждый свой шаг, – сказал Шруилл.

Наконец, Нурс сказал:

– Иногда, Шруилл, твой цинизм переходит все границы дозволенного, – Он повернулся, изучая все приборы, сенсоры, глазки и дисплеи, расположенные напротив Калапины на внутренней стороне шара, – Сегодня все довольно тихо. Мы можем оставить контроль Шруиллу, Кал, и сходить поплавать и принять сеанс фармакологии.

– Тонус тела, тонус тела, – пожаловался Шруилл, – Вы когда-нибудь думали о том, чтобы проплыть бассейн двадцать пять раз, вместо двадцати?

– С недавних пор ты говоришь удивительные вещи, – сказала Калапина, – Ты хочешь, чтобы Нурс нарушил ферментный баланс? Все мои попытки понять тебя потерпели крах.

– Неудачные попытки, – сказал Шруилл.

– Мы чем-нибудь можем помочь тебе? – спросила она.

– Мой цикл погрузил меня в странную монотонность, – сказал Шруилл, – Есть ли какое-либо средство против нее?

Нурс посмотрел на Шруилла через призматический рефлектор. В последнее время его голос с нотками нытья стал все более раздражающим. Нурс начинал сожалеть о том, что общество требований к вкусам и физическим кондициям объединила их в одну группу с ним. Вероятно, когда закончится срок Туеров... – Монотонность, – сказала Калапина. Она пожалала плечами.

– В хорошей рассчитанной монотонности есть определенный триумф, – сказал Нурс, – Я думаю, это сказал Вольтер.

– Это прозвучало, как чистейшей воды изречение Нурса, – сказал Шруилл.

– Иногда я считаю полезным, – сказала Калапина, – призывать благословенную заботу о народе.

– Даже среди нас? – спросил Шруилл.

– Только подумайте о судьбе несчастной компьютерной сестры, – сказала она, – Естественно, абстрактно. Вы чувствуете печаль и жалость?

– Жалость – никчемная эмоция, – сказал Шруилл, – Печаль родственна цинизму. Когда сила волеется в вас, подумайте обо мне здесь.

Нурс и Калапина встали, вызвали лучи переноса.

– Желая эффективности, – сказал Нурс, – Мы должны стремиться к большей эффективности в наших любимцах. Надо, чтобы все протекало более гладко.

Шруилл посмотрел на них, ожидая лучей. Он хотел только освободиться от надоевшего треска их голосов. Они не поняли главного, они не хотели его понять.

– Эффективность? – спросила Калапина, – Вероятно, ты прав.

Шруилл больше не мог сдержать эмоции, которые так и распирала его:

– Эффективность – это противоположное мастерству. Подумайте об этом.

Пришли лучи. Нурс и Калапина скользнули вниз и прочь, не отвечая, оставив Шруилла закрывать сегмент. Наконец, он сел один в зелено-сине-красном мигании центра контроля – один, за исключением сверкающих глаз сканеров, задействованных вдоль верхнего кольца шара. Он насчитал из них семьдесят один, направленных на него и на ответственные центры шара. Семьдесят один из его братьев или групп братьев наблюдают сейчас за ним, за его работой, как он наблюдал за народом и его работой.

Сканеры доставляли некоторое неудобство Шруиллу. До своей службы в Туерах он не помнил, чтобы он наблюдал когда-либо за центром контроля и его деятельностью. Здесь случалось слишком много болезненного и того, чего даже невозможно было вообразить. Или бывшие ответственные за центр контроля теперь интересовались тем, как новое трио справляется со своими обязанностями? Кто эти те, кто наблюдают?

Шруилл переключил внимание на приборы. В моменты, подобные этим, он часто чувствовал себя, как Чен Цуаньский Хозяин темной правды, который видел весь мир в зеленой бутылке. Здесь была эта зеленая бутылка – этот шар.

Мерцание энергетического кольца на ручке трона, и он мог следить затем, как в Марзополисе пара занимается любовью, изучать содержимое в чане эмбриона в великом Лондоне или пустить газ гипноза с заданием приручения в «муравейник» Нового Пекина. Прикосновение к ключу, и он мог анализировать смещение мотивации всей рабочей силы в мегаполисе Рима.

Порывшись в себе, Шруилл не смог найти импульса, чтобы двинуть ключ хоть одного контроля.

Он стал вспоминать прошлое, пытаясь припомнить, сколько сканеров следили за работой Туеров в первые годы. Он был уверен, что число их не превышало десять или двенадцать. А сейчас – восемьдесят один.

«Я должен был бы предупредить их о Свенгаарде, – думал он, – Я мог бы сказать, что мы не должны бы полагаться на предположение, что существует специальное Провидение для дураков. Свенгаард – это дурак, который меня беспокоит».

Но Нурс и Калапина стали бы защищать Свенгаарда. Он знал об этом. Они бы стали настаивать на том, что он надежен, честен, лоялен. Они могли бы поклясться в этом всем, чем угодно.

«Всем? – размышлял Шруилл, – Есть ли хоть что-нибудь, чего бы они не рискнули поставить на верность Свенгаарда?»

Шруилл почти слышал, как Нурс провозглашает: «Наше суждение о Свенгаарде правильное».

«А это и есть то, – думал Шруилл, – что беспокоит меня. Свенгаард работает на нас... как и Макс, но обожание – это на девять десятых страх».

Со временем все становится страхом.

Шруилл взглянул на следящие сканеры и заговорил вслух:

– Время-время-время... «Пусть они жуют свои жизненно важные вещи», – думал он.

Место, в которое они пришли, было насосной станцией для системы переработки отходов ситакского Мегалополиса. Оно находилось на уровне тысячи ста футов на линии, которая посылала ирригационную воду побочных продуктов в систему Гранд Кули. Четырехэтажная коробка образцовых труб, компьютерных консолей и многочисленные узкие мостики, ярко освещенная сильными уравновешенными огнями, пульсировала, как гигантские турбины, которые она контролировала.

Дюраны прошли вниз через подземку для персонала во время вечернего часа пик, двигаясь такими этажами, чтобы легко было убедиться в том, что за ними нет слежки агентов или каких-либо приборов. Они уже прошли без слежки пять отрезков подземки.

И все же они были внимательны и читали по лицам и жестам людей, которые торопливо проходили мимо. Многие люди были скучными страницами для чтения, они спешили, занятые своими делами. Изредка они обменивались пристальными взглядами с другими курьерами или узнавали официальных лиц низшего ранга, которых послали сюда оптимены с заданиями, которые наполняли их сейчас страхом.

Никто не обращал внимание на пару загорелых рабочих, которые шли, взявшись за руки, и появились на узком мостике номер пять насосной станции.

Там Дюраны остановились, чтобы изучить окружающую обстановку. Они были усталыми, в приподнятом настроении, и их немного одолевал священный трепет, оттого что их вызвали в контрольное сердце подпольного Центра Родителей. Запах углеводородов наполнял окружающий воздух. Лизбет принялась.

Их беззвучный разговор сквозь сомкнуты руки носил оттенок напряженности. Гарви старался разубедить ее.

– Вероятно, это наш Глиссон захотел встретиться с нами, – сказал он.

– Могут быть и другие Киборги с такими же именами, – сказала она.

– Маловероятно.

Он вывел ее на узкий мостик мимо нависающего света. Они свернули по переходу влево мимо двух рабочих, которые записывали показания воздушных приборов, на лицах их были странные тени, которые шли от нижнего освещения.

Лизбет чувствовала одинокую незащищенность их положения здесь и просигналила:

– Как мы можем быть уверены в том, что они не следят здесь за нами?

– Это, должно быть, одно из наших мест, ты же знаешь, – сказал он.

– А как это можно сделать?

– Направить сканеры через проверяемые компьютеры, – сказал он, – Тогда опыты видят только то, что мы позволяем им видеть.

– Чувствовать уверенность во всем этом опасно, – сказала она. А затем прибавила:

– Зачем они нас вызвали?

– Мы узнаем через несколько минут, – сказал он.

Дорожка шла через шлюзный отсек, исключаящий наличие пыли в машинном отделении, серые стены здесь периодически размещали выходы для труб передачи, неизбежные в таких местах мерцания компьютерного контроля, тиканье, скрежетание, завихрения. В этом месте приятно пахло маслом.

Когда шлюз плотно закрылся за Дюранами, слева от них вышла фигура и села на мягкую скамейку напротив них.

Дюраны молча пристально посмотрели, распознавая, а узнав, неприятно были поражены.

По очертаниям фигуры нельзя было сказать мужчина это или женщина. Она сидела здесь, как приклеенная к месту, а когда они присмотрелись, то увидели, как она вытащила тонкие кабели из карманов серого комбинезона, вставила концы кабелей в компьютерную стенку.

Гарви обратил внимание на квадратное в глубоких морщинах лицо и светло-серые глаза с их пристальным взглядом прямой откровенности, которые холодно оценивали наблюдаемый объект, что было характерной чертой Киборгов.

– Глиссон, – сказал Гарви, – Вы вызывали нас?

– Я вызвал вас, – сказал Киборг, – Прошло уже так много лет, Дюран. Ты все еще боишься нас? Я вижу, что боишься. Вы опоздали.

– Нам незнакомо это место, – сказал Гарви.

– Мы шли очень осторожно, – сказала Лизбет.

– Тогда я хорошо учил вас, – сказал Глиссон, – Вы оказались довольно хорошими учениками.

Через сомкнутые руки Лизбет просигналила:

– Их очень трудно прочесть, но произошло что-то неприятное, – Она отвела взгляд от Киборга, испытывая озноб под его пристальным тяжелым взглядом. Как бы ни старалась она думать о них, как о живой плоти и крови, разум ее никак не мог избежать мысли о том, что в их тела вставлены мини-компьютеры, соединенные с мозгом, и что их руки – это не руки, а протезированные инструменты и оружие. А голос – в нем всегда присутствует такое отрывистое и невыразительное качество.

– Вы не должны нас бояться, мадам, – сказал Глиссон.

– Если, конечно, вы Лизбет Дюран.

Гарви не удалось подавить вспышку гнева, когда он сказал:

– Не разговаривайте с ней в таком тоне. Мы не принадлежим вам.

– Какой был первый урок, который я преподавал вам после того, как вас завербовали? – спросил Глиссон.

Гарви взял себя в руки, на лице его появилась принужденная улыбка, – Сдерживать наш нрав, – сказал он, рука Лизбет все еще вздрагивала в его руке.

– Этот урок вы не усвоили хорошо, – сказал Глиссон.

– Я проглядел в нем ваши погрешности.

Через руки Лизбет дала ему сигнал:

– Я была готова к тому, что против нас применят насилие. Гарви согласился.

– Во-первых, – сказал Глиссон, – вы сообщите о генетической операции, – Здесь была пауза, пока Киборг изменил положение кабелей в компьютерной стенке, – Не обращайтесь на мою работу. Я распределяю инструменты – итак, – он нашел обозначение машинного отделения... – это место, которое появляется на их экранах, как пространство, наполненное инструментами, такое место никогда не вызовет подозрений.

Скамейка переместилась от стены вправо от Дюранов, – Если вы устали, садитесь, – сказал Глиссон. Киборг указал кабельными соединениями на компьютерную стенку, – Я сижу только для того, чтобы мог продолжать работу этого пространства, пока мы разговариваем, – Киборг улыбнулся, напряженная гримаса, которая должна была дать понять Дюранам, что такие, как Глиссон, не чувствуют усталости.

Гарви убедил Лизбет сесть на скамейку. Она садилась, когда он просигналил:

– Осторожно. Глиссон старается обойти нас. Что-то от нас прячут.

Глиссон слегка повернулся к ним, чтобы видеть их, и сказал:

– Словесный, насыщенный мелочами полный отчет. Ничего не выпускайте, даже то, что для вас может показаться тривиальным. У меня безграничные возможности оценки данных.

Они начали передавать все, что они наблюдали во время генетической операции, сменяя друг друга, без перерыва, как учили этому хороших курьеров. Во время этого рассказа Гарри испытывал странное чувство, что он и Лизбет стали частью механизма Киборга. Вопросы сыпались с губ Киборга так механически. Ответы их тоже были соответствующими. Он должен был напомнить себе: мы ведь обсуждаем то, что касается нашего сына.

Наконец, Глиссон сказал:

– Кажется, нет никаких сомнений в том, что мы имеем еще один жизнеспособный эмбрион с иммунитетом против газа. Ваши данные полностью подтверждают эту картину. Вы знаете то, что у нас есть и другие данные.

– Я не знала, что хирург является одним из нас, – сказала Лизбет.

Наступила пауза, во время которой глаза Глиссона стали еще более пустыми, чем были. Дюраны чувствовали, что могут почти видеть эти мистические формулы, которые поступают в банк мыслей Глиссона. Говорили, что Киборги составляют большинство своих мыслей только в категориях высшей математики, переводя обычный язык в пригодный для них язык формул.

– Хирург не один из нас, – сказал Киборг, – Но скоро он будет нашим.

«Какие стратегические формулы вывели эти слова», – размышлял Гарви, – Что там случилось с компьютерной лентой на операции, – спросил он.

– Она уничтожена, – сказал Глиссон, – И все же, сейчас ваш эмбрион переносят в более безопасное место. Скоро вы увидите его, – Механический смешок слетел с губ Киборга.

Лизбет вздрогнула. Гарви почувствовал ее напряжение через сомкнутые руки. Он сказал:

– Наш сын в безопасности – В безопасности, – сказал Глиссон, – Наши планы предусматривают такую безопасность.

– Как? – спросила Лизбет.

– Скоро вы поймете, – сказал Глиссон, – Специальное и надежное безопасное укрытие. Будьте уверены: жизнеспособный эмбрион – ценное оружие. Мы не подвергаем риску наши ценные виды оружия.

Лизбет просигналила:

– Операция – спроси сейчас.

Гарви провел языком по губам и спросил:

– Существуют... когда Централ вызывает хирурга, обычно это значит, что эмбрион должен формироваться в оптимена. Они что... является ли наш сын... Ноздри Глиссона раздулись. Лицо приняло надменное выражение, которое говорило, что такое невежество оскорбительно для Киборга. Резкий голос сказал:

– Только получив полную ленту записи, включая ферментные данные, можно строить догадки. Лента пропала. Лишь хирург знает точно результат операции. Мы еще должны допросить его.

Лизбет сказала:

– Свенгаард или компьютерная сестра могли рассказать что-то... – Свенгаард – болван, – сказал Киборг, – Компьютерная сестра мертва.

– ОНИ убили ее? – прошептала Лизбет.

– Как она умерла – это неважно, – сказал Глиссон, – Она сослужила свою службу.

Гарви дал сигнал рукой:

– Киборги имеют какое-то отношение к ее смерти.

– Я вижу, – ответила она.

Гарви сказал:

– А вы... нам позволят поговорить с Поттером?

– Поттеру будет предложен полный статус Киборга, – сказал Глиссон, – А разговаривать ли

с вами... он примет это решение после этого.

– Но мы хотим знать о судьбе нашего сына, – вспыхнула Лизбет.

Гарви с сумасшедшей скоростью просигналил:

– Извинись.

– Мадам, – сказал Глиссон, – позвольте мне напомнить вам, что так называемый сформированный оптимен не является тем состоянием, к которому мы стремимся. Вспомните вашу клятву.

Она схватила Гарви за руку, чтобы послать молчаливый успокоительный сигнал, и сказала:

– Извините за такой срыв. Для меня было просто шоком узнать... возможность... – Ваши эмоциональные излишества принимаются во внимание, как смягчающие обстоятельства, – сказал Глиссон, – Поэтому хорошо, что я предупредил вас о том, что произойдет. Вы услышите о вашем сыне то, что не должно волновать вас.

– Что? – прошептала Лизбет.

– Внешняя сила неизвестного происхождения иногда вмешивается в ожидаемый курс генетической операции, – сказал Глиссон, – Есть основание полагать, что это произошло с вашим сыном.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Гарви.

– Хочу сказать? – усмехнулся Глиссон, – Вы задаете вопросы, на которые нет ответа.

– Что эта... вещь делает? – добавила Лизбет.

Глиссон посмотрел на нее, – Она ведет себя неким образом, как заряженная частица, проникает в генетическое ядро и изменяет его структуру. Если это произошло с вашим сыном, вы можете это считать благоприятным, потому что, вероятно, оно предотвращает формирование оптимена.

Дюраны пытались переварить то, что услышали. Наконец, Гарви сказал:

– Вы требуете еще что-нибудь от нас? Или нам можно идти?

– Вы останетесь здесь, – сказал Глиссон. Они уставились на него.

– Вы будете ждать дальнейших приказаний, – сказал Глиссон.

– Но нас потеряют, – сказала Лизбет, – Наша квартира, ОНИ... – Мы вырастили двойников, которые будут играть ваши роли столько, сколько потребуется, чтобы вы скрылись из Ситака, – сказал Глиссон, – Вы никогда не сможете вернуться туда. Вам следует бы знать об этом.

Тогда губы Гарви задвигались и произнесли:

– Убежать? Что это... зачем... – Существует угроза насилия, – сказал Глиссон, – Даже сейчас. Наступает культ желаний смерти, – Киборг поднял взор к потолку, – Война... кровь... убийства. Будет так, как было перед тем, когда небеса вспыхнули и земля расплавилась.

Гарви кашлянул. Войны... слова Глиссона производили впечатление того, что войны эти были недавно, чуть ли не вчера. Что касается этого Киборга, то это могло быть и правдой. Говорили, что дед Глиссона сражался в войне Киборгов против оптименов. Никто из простых людей подпольного Центра не знал, сколько идентификаций прожил Глиссон.

– Куда мы пойдём? – спросил Гарви. Он просигналил Лизбет, чтобы она не вмешивалась.

– Место уже приготовлено, – сказал Глиссон.

Киборг поднялся, отсоединил кабели от компьютерной панели и сказал:

– Вы подождете здесь. Не пытайтесь уйти. Вас обеспечат всем, что необходимо.

Глиссон ушел через шлюз, и тот закрылся с тяжелым стуком.

– Они такие же плохие, как и оптимены, – просигналила Лизбет.

– Наступит день, когда мы освободимся и от тех, и от других, – сказал Гарви.

– Этого никогда не будет, – сказала она.

– Ну, не скажи, – упрямо заявил он.

– Если бы только знать, что хирург к нам дружелюбен, – сказала она, – Мы бы могли взять сына и убежать.

– Но это же глупо! Как бы мы смогли обслуживать чан без всех этих механизмов и... – У меня этот механизм внутри, – сказала она, – Я... родилась с ним.

Гарви уставился на нее, потрясенный до глубины души и лишившийся дара речи.

– Я не хочу, чтобы Киборги или опыты контролировали жизнь нашего сына, – сказала она, – регулировали его мозг с помощью гипнотического газа, делали из него двойников ради каких-то своих целей, толкали его и вели его и... – Не заводись, – сказал он.

– Ты же слышал, что он сказал, – сказала она, – Двойники! Они могут управлять всем – даже нашим существованием! Они могут привести нас в состояние... чтобы мы... сделали все, что угодно! Из всего, что нам известно, они сделали так, что мы сейчас очутились здесь!

– Лиз, ну будь благоразумной.

– Благоразумной! Посмотри на меня! Они могут взять часть моей кожи и вырастить идентичную копию. Меня!

Идентичную мне! И как ты тогда отличишь, где я? Как ты узнаешь, что это та самая я? Ну как?

Он схватил ее свободную руку и на мгновение не мог найти нужных слов. Наконец, он заставил себя расслабиться, потрянул головой, – Ты, это ты, Лиз. Ты не плоть, выращенная из клетки. Ты... все, через что мы прошли вместе, и были... и сделали вместе. Они ведь не могут сделать двойник памяти... это недоступно двойнику.

Она прижалась щекой к грубой ткани его куртки, ища в ней успокоения, живого ощущения того, что бы сказала ее телу, что он здесь, что он настоящий.

– Они сделают двойников из нашего сына, – сказала она, – Вот каковы их планы. Ты знаешь об этом.

– Тогда у нас будет много сыновей.

– С какой целью? – она взглянула на него, ресницы ее были влажными от непролитых слез, – Ты слышал, что сказал Глиссон. Что-то извне помогло формированию нашего эмбриона. Что это было?

– Откуда мне знать?

– Кто-то должен знать.

– Я знаю тебя, – сказал он, – Ты можешь верить, что это бог.

– А что еще это могло быть?

– Любое – шанс, случайность, какой-нибудь манипулятор высшего порядка. Может быть, кто-то открыл такое, о чем они и не подозревают.

– Один из нас? Они бы не смогли!

– Тогда сама природа, – сказал Гарви, – Природа сама встала на защиту интересов человека.

– Иногда ты говоришь как приверженец культа.

– Но это же не Киборги, – сказал он, – Мы знаем это.

– Глиссон сказал, что это благоприятно.

– Но это же генетическое формирование. Это же для них богохульство. Физическое изменение биорамы, вот что это такое по-ихнему.

– Таких, как Глиссон, – сказала она, – Это робот с человеческой плотью, – Она снова прижалась к нему щекой, – Вот чего я боюсь – они сделают это с нашим сыном, с нашими сыновьями.

– Служба курьеров считает, что Киборгов приходится один на сотню, – сказал он, – Пока мы будем держаться вместе, мы победим.

– Но мы ведь просто плоть, – сказала она, – и такие слабые.

- И мы можем сделать то, что все эти стерри, взятые вместе, не смогут сделать, – напомнил он ей, – Мы можем сохранить навсегда наш род.
- Какое это имеет значение? – спросила она, – Оптимены никогда не умирают.

Глава 8

Свенгаард подождал до вечера и проверил все места через экраны наблюдения в своем кабинете прежде, чем идти в комнату с чаном. Несмотря на то, что это была его больница, и у него были здесь все права, он сознавал, что совершает недозволенное. Значимость беседы в Централке не ускользнула от него. Оптименам это бы не понравилось, но он должен был взглянуть в этот чан.

Он задержался в темноте комнаты с чаном, постоял там возле двери, ощущая то непривычное чувство, что он никогда не присутствовал в этой комнате без того, чтобы она не была полностью в блеске огней. Видны были только сияющие лампочки, в приборах и записывающих устройствах – слабые точки и кружки люминесценции, по которым он ориентировался.

Звук – трам-трам-трам – жизнеобеспечивающих насосов создавал странный контрапунктный ритм, который наполнял полумрак ощущением срочности. Свенгаард представил все эмбрионы (по утренним подсчетам двадцать один), клетки их вытягивались, двоились и еще раздваивались, и еще раз в странном экстазе роста – становясь уникальными, отличными, разными индивидуальностями.

Контрацептивный газ, который пронизывал все пространство, в котором находились простые смертные, был не для них. Еще не для них. Сейчас они могли расти почти так же, как их предки выросли до того, как появились генные инженеры.

Свенгаард принялся.

Обоняние его, инстинктивно обостренное темнотой, ощущало аминотическую засоленность воздуха. Из-за этого запаха эту комнату можно было бы принять за естественный берег моря с бурлящей жизнью его живительного озона.

Свенгаард встряхнулся и напомнил себе: «Я субмолекулярный инженер, генный хирург, и здесь нет ничего необычного».

Но даже и эта мысль не действовала.

Он оторвался от двери, направился по линии, ведущей к чану с эмбрионом Дюранов. В мозгу у него ясно запечатлелась картина, которую он увидел в этом эмбрионе – вторжение, которое наполнило клетки аргинином. Вторжение. Откуда оно взялось? Может Поттер был прав? Это какой-то неизвестный создатель стабильности? Стабильности... порядка... систем. Расширенных систем... бесконечных аспектов энергии, которая оставляла все вещество несубстанциальным.

В шепчущей темноте эти мысли вдруг стали устрашающими. Он споткнулся о низкую подставку для инструментов, тихонько ругнулся. Желудок его напрягся от ощущения срочности, тревоги и страстным желанием закончить визит до того, как дежурная сестра пойдет с ежечасным обходом.

Фигура насекомого, тень против тени, выступила на стене перед ним. Он застыл на месте, и ему понадобилась минута, чтобы узнать в тени знакомые очертания мезонного микроскопа.

Свенгаард повернулся к светящимся цифрам на чанах – двенадцать, тринадцать, четырнадцать... пятнадцать. Вот наконец и нужный. Он проверил фамилию на надписи, прочитав ее при свете лампочки прибора: «Дюран».

Что-то в этом эмбрионе заставило встревожиться оптименов, а в Безопасности поднялся шум. Его постоянная компьютерная сестра ушла – куда, никто не мог сказать. Замена ее ходила, как мужчина.

Свенгаард обошел вокруг микроскопа, мягко двигаясь в темноте, установив инструмент над

чаном, устроил удобно ноги. Под пальцами ощущалось биение в чане. Он настроил на сканирование и наклонился.

Из бурлящей клеточной массы вверх шел гидрофелический генный сегмент. Он сфокусировал на него, забыв про темноту, когда он направил взор в поле зрения микроскопа. Мезонные пробы скользили вниз... вниз в митохондрильную структуру. Он нашел альфогеничные структуры и начал проверять полипептидные цепи.

На лбу у него появилась хмурая озадаченность. Он перешел еще на одну клетку, затем еще одну.

В клетке сейчас было мало аргенина – он видел это. Мысли проносились в мозгу, когда он рыскал взглядом и выискивал нужное, как могло в эмбрионе Дюранов из всех других эмбрионов, быть так мало аргенина? Любой нормальный мужчина имел бы больше проталина спермы, чем этот. Как могла система обмена АДП-АТП не иметь даже признаков оптимена? Формирование не могло бы привести к такому большому различию.

Внезапно Свенгаард послал инструмент в идентификатор пола, просканировал нависающие спирали.

Женские!

Он выпрямился, проверил номер и табличку: «Пятнадцать. Дюран».

Свенгаард наклонился к инспекционной карте, прочитал на светящихся приборах. Она отражала записи дежурной сестры на восемьдесят первый час. Он взглянул на часы: еще двадцать минут до того, как она проведет проверку восемьдесят второго часа.

«Эмбрион Дюранов никоим образом не мог быть женским, – думал он, – несмотря на операцию Поттера».

Он понял, что кто-то подменил эмбрионы. Один эмбрион реагировал на жизнеобеспечивающие системы чана точно так же, как и другой. Без наблюдения в микроскоп такое изменение нельзя заметить.

Кто?

В уме Свенгаарда самыми вероятными кандидатами на такую подмену были оптимены. Они заменили эмбрион Дюранов, а его перенесли в другое безопасное место.

Почему?

«Наживка, – думал он, – приманка».

Он выпрямился, во рту у него пересохло, сердце бешено колотилось. Звук на стене слева заставил его резко обернуться. Компьютерная панель чрезвычайной ситуации комнаты с чанами пришла в движение, ленты начали вращаться, огни мигать. Табло считки затрещало.

Но никакого оператора не было!

Свенгаард резко повернулся, чтобы выбежать из комнаты, столкнулся с неподвижно ставшей на пути преградой. Руки и кисти сжали его с безжалостной силой, и он увидел, как за спиной схватившего его секция стены открылась и в открытом пространстве в тусклом свете было видно движение.

В черепе разлилась темнота.

Глава 9

Новая компьютерная сестра ситакской больницы вызвала по телефону Макса Олгуда только после короткой задержки, пока агенты Безопасности отыскивали его. Глаза Олгуда казались ввалившимися. Рот вытянулся в тонкую линию.

– Да, – сказал он, – Ага, это вы.

– Произошло что-то важное, – сказала она, – В комнате для чанов Свенгаард изучает под микроскопом эмбрион Дюранов.

Глаза Олгуда округлились:

– О-о, ради всех... Это поэтому вы вытащили меня из... вот почему вы вызвали меня?

– Но был шум, и вы сказали... – Забудьте об этом.

– Я говорю вам, что в той комнате было какое-то движение, а сейчас пришел д-р Свенгаард. Я не видела, когда он уходил.

– Он, вероятно, ушел через другую дверь.

– Но другой двери нет.

– Послушайте, золотко, у меня там полсотни агентов, прикрывающих эту дверь, как одеялом. Туда не может и муха влететь, чтобы ее не засекли сканеры.

– Тогда проверьте с ними, куда ушел Свенгаард.

– О-о, ради... – Проверьте!

– Ладно! – Олгуд переключился на экстренную связь, вызвал дежурного агента. Компьютерная сестра слышала, как он говорит по свободной линии:

– Где Свенгаард?

Смешавшийся голос ответил:

– Только что вошел и изучал эмбрион Дюранов под микроскопом, потом ушел.

– Вышел через дверь?

– Только что вышел.

Лицо Олгуда снова появилось на экране сестры, – Вы слышали это?

– Я слышала, но я была в конце зала с тех пор, как он вошел. Он не выходил.

– Вероятно, вы отвернулись на пять секунд? – Ну... – Вы отворачивались не так ли?

– Может быть, я могла бы отвернуться только на секунду, но... – Итак, вы упустили его.

– Но я слышала там какой-то шум!

– Если бы там было что-нибудь не в порядке, то мне бы сообщили об этом агенты. Ну, а теперь забудьте об этом. Свенгаард – это не проблема. ОНИ говорили, что он, вероятно, сделает это, и мы можем не обращать на это внимание. ОНИ никогда не ошибаются в таких делах.

– Ну, если вы уверены.

– Я уверен.

– Скажите, почему мы так печемся об этом эмбрионе?

– Вам, милочка, не следует этого знать. Отправляйтесь на работу, а мне дайте хоть немного соснуть.

Она прервала связь, все еще размышляя о том шуме, который там слышала. Было похоже, что там что-то били.

Олгуд сидел, уставясь в пустой экран после того, как сестра отключилась. Шум? Возня? Он округлил рот, медленно выдохнул. Ненормальная сестра, черт бы ее побрал!

Он резко встал, вернулся на кровать. Гуляющая девка, которую он привел на ночь, лежала там в розовом свете ночника, полусонная, глядя на него. Глаза ее под длинными ресницами наполнили его неожиданной яростью.

– Пошла отсюда вон, к чертовой матери, – взревел он. Она села прямо в кровати, сразу же проснувшись, и уставилась на него.

– Вон, – сказал он, указывая на дверь.

Она скатилась с кровати, схватила одежду и выбежала за дверь, мелькнув голым телом.

Только после того, как она ушла, Олгуд понял, кого она напоминала ему – Калапину, глупую Калапину. Тогда он удивился про себя. Киборг сказал, что те приспособления, которые они сделали, помогут ему контролировать свои эмоции, помогут ему безнаказанно врать даже оптименам. А сейчас этот взрыв – он испугал его. Он уставился на один из своих шлепанцев на сером ковре, его пара куда-то исчезла. Он пнул тапок, начал шагать взад, вперед.

Что-то было не так. Он чувствовал это. Он уже прожил четыреста прекрасных лет, почти все они на службе у оптименов. У него уже хорошо сформировался инстинкт на доброе и плохое.

Что-то дурное произошло.

Что, Киборг соврал ему? Неужели они используют его в каких-то своих целях?

Он споткнулся о тапочек, не обращая на него внимания.

Шум. Возня.

С тихим проклятием он включил срочную связь, вызвал дежурного агента. Лицо человека на экране было как у младенца – пухлые губы, большие вопрошающие глаза.

– Идите в комнату для эмбрионов и проверьте все, – сказал Олгуд, – Все до былинки. Ищите признаки возни.

– Но если нас кто-нибудь увидит... – К черту все! Делайте, как я сказал!

– Да, сэр! Агент отключился.

Олгуд сбросил пижаму, забыв про весь сон, принял быстро душ и начал одеваться.

Что-то плохое произошло. Он чувствовал это. Перед тем, как уйти из квартиры, он позвонил, чтобы взяли Свенгаарда и привели его на допрос.

К восьми часам утра улицы и переулки промышленного северного района Ситака кишели от машинного и пешеходного движения – спешащие безликие люди, следующие по обжитым каналам своих личных забот. Контроль погоды объявил, что днем будет держаться до приятных семидесяти восьми градусов по Фаренгейту и будет безоблачно. Через час после этого, когда день вступал в свой привычный рабочий ритм, движение становилось менее интенсивным. Д-р Поттер видел город в его рабочем режиме много раз, но никогда раньше ему не приходилось смешиваться с этой снующей в обе стороны толпой.

Он понимал, что подпольный Центр Родителей выбрал это время для естественного прикрытия. Он и его сопровождающий были здесь лишь еще двумя безликими. Кто заметит их? Хотя это не уменьшало его возбужденного интереса к картине, которая была новой для него.

Большая толстая стерри в зелено-белой полосатой форме оператора машинного пресса комплекса тяжелой индустрии проталкивалась вперед мимо него. Она была для Поттера, как одна из серии В2022419*Г8 с кремовой кожей и тяжелыми чертами лица. В правом ухе в виде золотой петли она носила прыгающую куклу, знак селекционера.

Почти в ногу с ней немного позади шел низкий мужчина со сторбленными плечами, несущий короткую медную трость. Он метнул презрительную усмешку на Поттера, когда они проходили мимо, как бы говоря: «Вот единственный способ пробиться через такую толпу, как эта».

Сопровождающий Поттера завел его в дорожку ступенью ниже, а затем в боковую улицу. Сопровождающий был для Поттера непостижимой загадкой, так как он никак не мог припомнить тип его генного формирования. На гиде был простой коричневый рабочий костюм, почти болезненная кожа. Его глубоко посаженные глаза блестели, почти как линзы. Кепка почти скрывала его волосы, за исключением нескольких темно-каштановых прядей, которые были похожи на искусственные. Руки его, когда он трогал Поттера, чтобы указать направление, были холодные и вызвали слегка отталкивающее чувство.

Толпа здесь поредела, когда они пошли по дорожке ступенькой ниже и повернули за угол в боковой каньон между возвышающимися зданиями без окон. На этой извилистой улице, поднимающейся вверх и почти скрывающейся среди отдаленных мостов, была пыль. Поттер размышлял о природе этой пыли. Было похоже на то, что директор местного бюро погоды разрешил выпустить сюда пыль, в подсознательном стремлении к естественности.

Мимо них быстро прошел мускулистый мужчина, и Поттер поймал себя на том, что смотрит на его кисти – толстые запястья, узловатые пальцы, заостренные мозоли. Он понятия не имел, что работа может вызывать такие деформации.

Гид вел его сейчас по последовательно опускающимся дорожкам в пещеру аллеи. Толпа осталась сзади. Чувство причастности охватило Поттера. Он чувствовал, что вновь переживает старое и знакомое состояние.

«Почему я пошел с этим человеком?» – удивлялся он.

На гиде был блузон с колесом водителя транспорта на плечах, но он сразу сказал, что пришел от родительского подпольного Центра.

– Я знаю, что вы сделали для нас, – сказал он, – Теперь мы сделаем что-то для вас. Поворот головы, – Пошли.

После этого они говорили только урывками, но Поттер знал с самого начала, что гид представился правильно. Здесь не было подвоха.

«Тогда почему я принял его предложение?» – спрашивал Поттер себя. Конечно, в этом не

было завуалированных обещаний продлить жизнь и дать мгновенные знания. Конечно, за этим стояли Киборги, и он подозревал, что гид мог быть одним из них. Большинство оптименов и обслуживающих верхи не хотели верить в народные слухи о том, что Киборги действительно существуют. Но Поттер никогда не присоединился ни к циникам, ни к злопыхателям. Он больше ничем не мог объяснить свое присутствие здесь, в этой аллеинной пещере, шагая между темными пласмелдовыми стенами, освещенными мерцающими, как привидения, осветительными трубками наверху.

Поттер подозревал, что он, наконец, восстал против одного из трех курсов века – сдержанности, наркотиков и алкоголя. В свое время наркотические удовольствия и алкоголь притягивали его и, в конце концов, умеренность. Он знал, что это ненормально для таких времен. Лучше уж связаться с одним из диких культов секса. Но бесцельный секс, даже без малейшей надежды на результат, надоел ему, хотя он знал, что это уже знак окончательного распада.

Аллея привела на одну из затерянных площадей мегаполиса – треугольник асфальта и фонтан, который был похож на натуральный камень, зеленый от слизи веков.

"Оптимены не знают об этом месте, – подумал Поттер.

– Они презирали камень, который съеден эрозией и износился – в свое время. Самовосстанавливающийся пласмелд – это вещь. Он стоял неподвижный и несдвигающийся на все времена".

Гид замедлил шаг, когда они вышли на открытое место. Поттер заметил, что от человека слабо пахнет химикалиями, приятный запах бензина, а также тонкий шрам, который шел по диагонали вниз по шее за воротник.

«Почему он даже не пытался шантажировать меня на вступление? – изумлялся Поттер, – Может быть, он был так уверен? Может ли вообще меня кто-нибудь знать так хорошо?»

– У нас есть для вас работа, – сказал гид, – Операция, которую вы должны сделать.

«Любопытство – это моя слабость, – подумал Поттер, – Вот почему я здесь».

Гид положил ладонь на руку Поттера и сказал:

– Стойте. Ждите не двигаясь.

Тон был разговорный, спокойный, но Поттер почувствовал внутреннее скрытое напряжение. Он взглянул вверх, вокруг. Здания были без окон, безликие. На углу другой аллеи впереди выступала широкая дверь. Они почти обошли фонтан, не встретив ни одного человека. Вокруг них ничего не колыхалось и не двигалось. Стоял лишь слабый гул далеко работающих машин.

– Что это? – прошептал Поттер, – Почему мы ждем?

– Ничего, – сказал гид, – Ждите. Поттер пожал плечами.

Память его унеслась назад к первой встрече с этим существом. «Как они могли узнать о том, чего я достиг в операции с этим эмбрионом? Должно быть, это компьютерная сестра. Она одна из них».

Гид отказался отвечать на этот вопрос.

«Я пришел, потому что надеюсь, что они помогут мне разрешить тайну эмбриона Дюранов, – подумал он, – Они были причиной вторжения аргинина – вот, что я подозреваю».

Он думал об описании Свенгаарда – похожее на инверсионного типа вторжение. Оно разместило богатые оргалином проталины спермы во все закрученные альфа-спирали клеток эмбриона. Затем подошла операция – в цистеиновой маске, нейтрализованный сульфидрилом и фазой АТФ... олигамицином и азидом... реакция обмена заторможена.

Поттер взглянул на клочок синего неба, ограниченный зданиями, образующими площадь. Память его сосредоточилась на формировании Дюрана, к нему пришла новая мысль. Он больше

не смотрел на небо. Сознание его снова вернулось в бурлящую клеточную структуру, следуя за митохондриальными системами, как подводный охотник.

– Ее можно было бы повторить, – прошептал он.

– Тихо, – прошипел гид.

Поттер кивнул. "Совсем на любом эмбрионе, – думал он.

– Ключ – аргининное наводнение. Я бы мог это повторить сам, на базе описания Свена. Боги! Мы могли бы сделать миллиарды Дюрановых эмбрионов! И каждый из них жизнеспособный!"

Он сделал глубокий вдох, потрясенный этим пониманием – при том, что стерта запись – его память могла быть единственным источником всей операции и ее приложений. Свенгаард и компьютерная сестра могли иметь только ее часть. Они не были там, погруженные в сердце клетки.

Блестящий хирург мог бы вывести заключение того, что случилось, и смог бы воспроизвести операцию из частичных записей, но только если бы перед ним поставили такую проблему. Кто мог бы когда-нибудь взяться за эту проблему? Не оптимены. Не этот болван Свенгаард.

Гид потянул Поттера за руку.

Поттер взглянул на это плоское лицо с холодными глазами без признаков генетической идентификации.

– Нас заметили, – сказал гид странным обезличенным тоном, – Слушайте меня внимательно. Ваша жизнь зависит от этого.

Поттер тряхнул головой, замигал. Он чувствовал, что отгорожен от личного «я», стал только сгустком ощущений, чтобы запомнить слова и действия гида.

– Вы пойдете через эту дверь впереди вас, – сказал гид. Поттер повернулся, посмотрел на дверь. Два мужчины, несущие завернутые в бумагу пакеты, появились из аллеи перед ней, поспешили вокруг площади напротив них. Гид не обратил на них внимания. Поттер услышал гул молодых голосов, становящийся громче в аллее. Гид не обратил на него тоже никакого внимания.

– Внутри этого здания вы войдете в первую дверь налево, – сказал он, – Вы увидите там женщину, которая управляет коробкой голосов. Вы скажите ей: «Мне жмет туфля». Она ответит: «У каждого свои заботы». После этого она возьмет на себя заботу о вас.

Поттер обрел голос:

– А что, если... ее нет там?

– Тогда пройдете в дверь за ее столом, а оттуда через прилегающий кабинет в задний зал. Поверните налево и идите к заднему зданию. Там вы найдете человека в форме надзирателя грузчиков, с серыми и черными полосами. Вы повторите процедуру с ним.

– А что с вами? – спросил Поттер.

– Это не ваша забота. Ну, быстро. Гид подтолкнул его в спину.

Поттер, запинаясь, пошел к двери, когда из аллеи между ним и входом в здание появилась женщина в форме учительницы, ведущая колонну ребятишек.

Ощущения Поттера при виде этой сцены были введены в шок – дети, одетые в облегающие шорты, оставляя открытыми длинные, как у фламинго, ноги. Они сейчас же окружили его, и он должен был пробиваться сквозь них к двери.

Кто-то вскрикнул позади него.

Поттер метнулся к двери, нащупал ручку, оглянулся назад.

Его гид ушел на противоположную сторону фонтана, который теперь скрывал его до пояса, но то, что оставалось видно, было достаточным, чтобы Поттер задохнулся от волнения и застыл.

Грудь человека была голой, открывающей один молочно-белый купол, из которого струился незабываемый сжигающий свет.

Поттер повернул налево, увидел шеренгу людей, появляющихся из другой аллеи, именно их поражал и сжигал этот испепеляющий свет. Дети кричали, плакали, убегали назад в аллею, из которой они появились, но Поттер не замечал их, он был зачарован этой машиной уничтожения, которой было это человеческое существо.

Одна из рук гида поднялась, указывая вверх над головой. Из растопыренных пальцев вырывались вверх голубые сжигающие полосы. Там, где свет заканчивался, с неба падали авиакары. Воздух вокруг стал адом озонового треска, взрывов, криков, визга.

Поттер стоял, наблюдая, не способный сдвинуться; забыв о данных ему инструкциях, про дверь и про руку на ручке двери.

На гида сейчас обрушился ответный огонь. Его одежда задымилась, исчезла в дыме, открыв вооруженное мышцами тело, которые, должно быть, были из пласмелдовых волокон. Страшные лучи продолжали изливаться из его рук и груди.

Поттер понял, что не может больше смотреть. Он с силой рванул дверь, ввалился, споткнувшись, в относительный полумрак фойе с желтыми стенами. Он с силой захлопнул за собой дверь, когда здание потряс взрыв. Дверь позади него затрещала.

Слева от него распахнулась дверь. В дверях стояла крошечная голубоглазая блондинка и пристально смотрела на него. Поттер поймал себя на том, что даже сейчас узнает следы ее генетического типа. В комнате позади нее он увидел коробку с голосами и пульт управления.

– Мне жмет ботинок, – сказал Поттер. Она выдавила:

– У всех свои беды.

– Я д-р Поттер, – сказал он, – Я думаю, что моего сопровождающего только что убили.

Она шагнула в сторону, сказала:

– Сюда.

Поттер проскочил за ней в кабинет с линиями пустых столов. В голове у него был сумбур. Он чувствовал, что потрясен до основания проявлениями насилия, которые он только что наблюдал.

Женщина взяла его за руку, повела к другой двери, – Сюда, – сказала она, – Мы должны добраться до подземки для служащих. Это единственный путь. Они через несколько минут окружают это место.

Поттер остановился, буквально как вкопанный. Он не рассчитывал. Он не знал, что его ожидает, но только не насилие.

– Куда мы идем? – потребовал он, – Что вы хотите от меня?

– Разве вы не знаете? – спросила она.

– Нет... он так и не сказал.

– Вам все объяснят, – сказала она, – Поспешите.

– Я не сдвинусь ни на йоту, пока вы не скажите, – сказал он.

Крепкое уличное ругательство сорвалось с ее губ. Она сказала:

– Если я должна, то должна. Вы должны имплантировать эмбрион Дюранов в чрево матери. Это единственный способ, откуда мы можем его получить.

– В мать?

– Древним способом, – сказала она, – Я знаю, что это отвратительно, но это единственный способ. Ну, быстрей.

Поттер позволил увести себя через эту дверь.

В центре контроля, в красном Шаре Обзора, Туеры заняли свои троны на поворачивающемся треугольнике, снова и снова просматривая данные – соотнося, делая выводы, суммируя. 120-градусный скан изогнутой стены, доступный каждому из них, зажигал данные о многочисленных видах – картины из шпионских экранов наблюдения, как функции вероятности в математических дисплеях, как глубинно-модульные аналоги решений, в качестве внешних и внутренних единиц пропорциональных распределений, видео сообщений, как мотивационные кривые, отягощенные данными для действия и представленные в виде бегущих зеленых линий... В верхних квадратах, мерцали глаза сканеров, чтобы показать, сколько оптименов следили за деятельностью в шаре – в это утро свыше тысячи.

Калапина, которую беспокоило кольцо предписания на большом пальце левой руки, чувствовала жужжание власти в нем, когда она прижимала или скользила им по коже. Она была беспокойна, ее наполняли требования, для которых она не могла найти нужных слов. Обязанности, связанные с деятельностью в шаре, становились отталкивающими, а ее спутники ненавистными. Здесь внутри время стало непрерывным пятном без дней и ночей. Каждый компаньон, которого она когда-либо знала, становился таким же компаньоном, поглощенным, бесконечно поглощенным.

– Я снова изучил ленту синтеза белков эмбриона Дюранов, – сказал Нурс. Он взглянул на Калапину в рефлекторе возле своей головы, постучал пальцами, которые двигались взад и вперед по ручке трона, по выгравированному пласмелду.

– Что-то мы упустили, что-то упустили, – съехидничала Калапина. Она посмотрела на Шруилла, захватила момент, когда он вытирал ладони о платье на бедрах, движение, которое, казалось, так и сверкало искрами, выдающими его нервозность.

– Кажется, сейчас я обнаружил то, что мы упустили, – сказал Нурс.

Движение головы Шруилла привлекло внимание Нурса. Он повернулся. Мгновение они пристально смотрели друг на друга в призмы. Нурсу показалось интересным то, что Шруилл не скрыл крошечное пятно на коже возле носа.

«Странно, – подумал Нурс, – Как может один из нас иметь пятно, подобное этому? Конечно, может же быть ферментная несбалансированность».

– Ну, что еще там? – потребовал Шруилл.

– У тебя пятно около носа, – сказал Нурс. Шруилл пристально посмотрел на него.

– Ты заключил это после анализа ленты эмбриона? – спросила Калапина.

– А-о? О-о, ... конечно нет.

– Тогда, что же ты обнаружил?

– Да. Ну... сейчас кажется довольно очевидным, что операция, проведенная Поттером, может быть повторена – если дать общий тип эмбриона и достаточное снабжение проталином спермы.

Шруилл вздрогнул.

– Ты сделал заключение из хода операции? – спросила Калапина.

– Не из самой операции, но в общих чертах, да, – Поттер мог бы повторить ее? – спросила она.

– Вероятно, даже Свенгаард.

– Убереги и сохрани нас, – пробормотала Калапина. Это было ритуальное изречение, чей смысл редко доходил до сознания оптименов, но она услышала себя на этот раз, и слово «сохрани» выделилось, как будто вычерченное огнем.

Она резко отвернулась.

– Где Макс? – спросил Шруилл.

Хныканье в голосе Шруилла вызвало усмешку на губах Нурса.

– Макс работает, – сказал Нурс, – Он занят. Шруилл взглянул на светящиеся сканеры, думая о всех тех товарищах, скрытых за линзами глаз – Акционисты, рассматривая события как спрос на свои таланты; не понимающие, что здесь может быть взрыв насилия; Эмоционалы, боящиеся и жалующиеся, доведенные чувством вины до состояния почти полной неэффективности; Циники, заинтересованные новой дичью (большинство наблюдателей, чувствовал Шруилл – циники); Гедонисты, рассерженные текущими ощущениями срочности чрезвычайного положения, обеспокоенные, потому что такие дела мешали им развлекаться; и Изнеженные, смотрящие на все это, как на что-то новое, над чем можно поиздеваться.

«Не следует ли сейчас начать формировать новую партию? – спросил себя Шруилл, – Может быть, нам стоило бы иметь Жестоких, вся чувствительность которых была бы направлена на нужды самосохранения? Нурс и Калапина даже не задумывались еще над этим».

Он снова вздрогнул.

– Вызывает Макс, – сказала Калапина, – Я вижу его на своем переносном экране.

Шруилл и Нурс включили свои дубликаторы канала, взглянули на противную, плотную, мускулистую фигуру Олгуда на переносных экранах.

– Я сообщаю, – сказал Олгуд.

Калапина следила за лицом шефа Безопасности. Он кажется странно несосредоточенным, испуганным.

– Что с Поттером? – спросил Нурс. Олгуд заморгал.

– Почему он медлит с ответом? – спросил Шруилл.

– Это потому, что он обожает нас, – сказала Калапина.

– Обожание – продукт страха, – сказал Шруилл, – Вероятно, он желает что-то показать нам, проекцию или дополнительные данные. Не так ли, Макс?

Олгуд уставился на них с экрана, переводя взгляд с одного на другого. Они снова завязли в этом ощущении потерянного времени, бесконечная игра слов и непочтение ко времени в этих вопросах о данных – этом побочном эффекте бесконечной жизни, бесконечностью занятости тривиальностями. На этот раз, он боялся, этому не будет конца.

– Где Поттер? – потребовал Нурс.

Олгуд проглотил комок, – Поттер... временно ускользнул от нас, – он знал, что сейчас лучше лавировать, чем лгать.

– Ускользнул? – спросил Шруилл.

– Как? – спросил Нурс.

– Там было... насилие, – сказал Олгуд.

– Покажи нам это насилие, – сказал Шруилл.

– Нет, – сказала Калапина, – Мне достаточно слова Макса вместо этого.

– Вы сомневаетесь в Максе? – спросил Нурс.

– Не сомневаюсь, – сказал Шруилл, – Но я хочу увидеть это насилие.

– Как ты можешь? – спросила Калапина.

– Уйди, если хочешь, – сказал Шруилл. Он подбирал нужные слова:

– Я... хочу... видеть... это... насилие. Он посмотрел на Олгуда:

– Макс?

Олгуд проглотил комок. Такого развития событий он не ожидал.

– Это произошло, – сказал Нурс, – Мы знаем об этом, Шруилл.

– Конечно, это произошло, – сказал Шруилл, – Я увидел отметку там, где его стерли с

наших каналов. Насилие. А сейчас я хочу обойти клапан безопасности, который защищает нашу чувствительность... – Он еще раз повторил:

– Чувствительность!

Нурс внимательно посмотрел на него, заметив, что все следы нитя исчезли из голоса Шруилла.

Шруилл взглянул на сканеры, увидев, что многие отключились. Он привел в отвращение даже циников, в этом не было сомнения. Хотя некоторые остались.

«Останутся ли они, досмотрев сцену до конца?» – размышлял он.

– Покажите насиле, Макс, – приказал Шруилл. Олгуд вздрогнул.

Нурс повернул трон кругом, подставив спину экрану, Калапина закрыла лицо руками.

– Как прикажете, – сказал Олгуд. Лицо его исчезло с экрана, его заменил вид сверху вниз на маленькую площадь между зданиями без окон. Две крошечные фигуры шли вокруг фонтана на площади. Они остановились, и вид крупным планом показал их лица – Поттер и незнакомец, странного вида человек с пугающе холодными глазами.

Снова вид изменился – два других человека появились из аллеи, неся завернутые в бумагу свертки. За ними вышла колонна детей со взрослым воспитателем в форме учителя.

Внезапно Поттер стал убегать, протискиваясь через толпу детей. Его сопровождающий бежал в другую сторону вокруг фонтана.

Шруилл рискнул бросить взгляд на Калапину, успев увидеть, что она подглядывает сквозь пальцы.

Пронзительный крик с экрана привлек его внимание, он снова уселся назад.

Сопровождающий Поттера стал существом, извергающим ужас, одежда с него упала, молочно-белый купол поднялся из груди и стал метать сверкающий свет.

Экран погас, снова ожил и показал сцену немного под другим углом.

Быстрый взгляд показал, что Калапина прекратила все притворство с закрытием глаз и внимательно смотрела на экран. Нурс тоже следил через плечо.

Еще одна вспышка огня прорвалась из фигуры на экран, снова экран потух.

– Это Киборг, – сказал Шруилл, – Знайте об этом, когда наблюдаете.

Снова ожил экран, теперь с другого угла, на этот раз высоко сверху. Действие в пласмелдовом каньоне сократилось до движения неясных фигур, но было не очень трудно найти центр насилия. Струи сверкающего огня прыгали вверх от бегущей фигуры на площади. Авиакары взрывались и разбивались в воздухе на куски.

Одна машина безопасности появилась позади Киборга. Пульсирующий луч различного света появился из нее и пустил длинный след к стене здания. Киборг повернулся, поднял руку, из которой ослепляющий синий палец, казалось, вытягивался до бесконечности. Палец встретил нырнувшую машину, расщепил ее пополам. Одна половина ударилась в здание, отскочила рикошетом и влетела прямо в Киборга.

На площади появился шар желтого сияния. Через секунду оглушительный взрыв потряс сцену.

Шруилл взглянул вверх и увидел, что круг следящих сканеров исчез, каждый линзовый глаз горел красным цветом.

Калапина кашлянула, – Поттер вошел в это здание направо.

– Это все, что ты можешь сказать? – спросил Шруилл. Нурс повернул свой трон, взглянул на Шруилла.

– Разве было неинтересно? – спросил Шруилл.

– Интересно? – переспросил Нурс.

– Это называется военные действия, – сказал Шруилл. На экране снова появилось лицо

Олгуда, смотрящее на них с завуалированной напряженностью.

«Естественно, ему любопытно увидеть нашу реакцию», – подумал Шруилл.

– Вы знаете о наших видах оружия, Макс? – спросил Шруилл.

– Я знаю ваши виды оружия, – сказал Олгуд, – Они полностью обеспечивают безопасность ваших личностей.

– Конечно, у нас есть виды оружия, – закричал Нурс, – Но почему должны мы... – Нурс, ты унижаешь себя, – сказала Калапина. Нурс снова опустился в трон, ладони его схватили ручки трона, – Унижаюсь!

– Давайте сделаем обзор этих новых событий, – сказал Шруилл, – Мы знали, что Киборги существуют. Они постоянно избегают нас. Таким образом, они контролируют каналы, дающие записи через компьютеры, и они пользуются сочувствием среди простых смертных. Таким образом, мы видим, у них есть Рука Действия, которые могут приносить в жертву... Я говорю, они могут пожертвовать одним членом для блага всех.

Нурс уставился на него, широко открыв глаза, впитывая его слова.

– И мы, – сказал Шруилл, – Мы уже забыли, что такое быть действительно жестоким.

– Фу-у-у! – рявкнул Нурс.

– Можно ли ранить человека с оружием, – сказал Шруилл, – Кто имеет ответственность: эта группа людей, оружие или те, кто размахивает им?

– Объяснитесь, – прошептала Калапина.

Шруилл указал на Олгуда на экране, – Существует наше оружие. Мы размахивали им бесчисленное количество раз, пока оно не научилось размахивать само. Мы не забыли, как быть жестокими, мы просто забыли, что были жестокие.

– Какая чушь, – сказал Нурс.

– Посмотрите, – сказал Шруилл. Он указал вверх на следящие сканеры, все они снова ожили, – Вот мое свидетельство, – сказал Шруилл, – Когда еще так много следили за деятельностью в этом шаре?

Несколько огоньков замигали и погасли, но снова возвращались, когда в канал включались другие наблюдатели.

Олгуд, наблюдая с экрана, чувствовал себя просто полностью зачарованным. Острое ощущение в груди мешало ему глубоко дышать, но он не замечал этого. Оптимены наблюдали за насилием! После пожизненной игры эвфемизмами Олгуд считал, что это почти невозможно. Все произошло так быстро. Но ведь это были вечноживущие, люди, которые никогда не ошибаются. Что же происходит сейчас в их головах?

Шруилл, обычно молчаливый и наблюдательный, взглянул на Олгуда и сказал:

– Кто еще ускользнул от нас, Макс?

Олгуд почувствовал, что не может говорить.

– Дюраны пропали, – сказал Шруилл, – Свенгаард не найден. Кто еще?

– Никто, Шруилл. Никто.

– Мы хотим, чтобы их схватили, – сказал Шруилл.

– Конечно, Шруилл.

– Живыми, – сказала Калапина.

– Живыми, Калапина, – сказал Олгуд.

– Если это возможно, – сказал Шруилл. Олгуд кивнул:

– Повинуюсь, Шруилл.

– Ты можешь возвращаться на работу, – сказал Шруилл.

Экран потух.

Шруилл занялся приборами контроля на ручке трона.

– Что ты делаешь? – спросил Нурс и, услышав раздражение в собственном голосе, выразил ему презрение.

– Я вынимаю сенсоры, которые исключили насилие из нашего видения, за исключением оставленных данных, – сказал Шруилл, – Настало время, когда мы должны следовать реальности своей земли.

Нурс вздохнул:

– Если ты считаешь это необходимым.

– Я знаю, что это необходимо.

– Очень интересно, – сказала Калапина.

Нурс посмотрел на нее, – Что ты находишь интересного в этом бесстыдстве?

– Я чувствую приятное возбуждение, – сказала она, – Это очень интересно.

Нурс отвернулся от нее, посмотрел на Шруилла. Сейчас он определенно мог видеть, что на лице Шруилла было пятно на коже – около носа.

Для Свенгаарда, выросшего в мире приказов оптименов, мысль о том, что ОНИ уязвимы, пришла, как ересь. Он пытался выкинуть ее из головы и ушей. Быть уязвимым значит подвергаться опасности смерти. Только существа низшего порядка страдали от этого. Но не оптимены. Как могли ОНИ быть уязвимы?

Он знал хирурга, сидящего перед ним в тусклом свете, который просачивался через узкие щели в куполе потолка. Человеком этим был Тур Иган, один из хирургической элиты Централа, человек, которому доверялись самые тонкие генетико-медицинские проблемы.

Комната, которую они занимали, была тесным маленьким помещением, встроенным в промежутке между стенами шапки воздушной системы, обслуживающей подземные «муравейники» комплекса каскадов. Свенгаард сидел в удобном кресле, но руки и ноги его были связаны. Другие люди, которые заполняли это пространство, были позади небольшого стола, где сидел Иган. У людей были странного вида пакеты. По большей части они игнорировали Игана и его спутника.

Свенгаард изучал темные, напряженные черты лица хирурга Централа. Углубленные линии на лице человека выдавали начало ферментного разбалансирования. Он начинал стареть. Но глаза были синевы летнего неба и еще молодые.

– Вы должны выбрать на чьей вы стороне, – сказал ему Иган.

Свенгаард позволил себе немного отвлечься и осмотреться. Прошел человек, несущий золотистый металлический шар. Из одного кармана у него высовывалась короткая серебряная цепочка, на которой болтался знак селекционера в виде лингама.

– Вы должны ответить, – сказал Иган.

Свенгаард посмотрел на стену рядом с собой – пласмелд, неизбежный пласмелд. Во всем пространстве чувствовалось зловоние дезинфицирующих средств и парниковый эффект использования средств очистки воздуха.

Люди продолжали проходить. Одинаковость их одежды начинала давить на Свенгаарда. Кто эти люди? То, что они члены подпольного Центра Родителей, было очевидным. Но кто они такие?

Женщина коснулась его, проталкиваясь мимо. Свенгаард посмотрел на белозубую улыбку на черном лице, узнал в женщине тип Зиков, лицо, похожее на Поттера, но кожа темнее... ошибка хирурга. На правом запястье ее был браслет из человеческих волос. Волосы были белые. Свенгаард упорно смотрел на браслет, пока женщина не скрылась из вида за углом комнаты.

– Сейчас это открытая борьба, – сказал Иган, – Вы должны верить мне. От этого зависит ваша собственная жизнь.

«Моя собственная жизнь?» – размышлял Свенгаард. Он попытался думать о своей собственной жизни, идентифицировать ее. У него была третичная жена, нечто чуть большее, чем любовница, женщина, как и он сам, на каждую просьбу которой к селекционеру о разрешении иметь детей она получала отрицательный ответ. Он попытался на мгновение вспомнить ее лицо, но не смог, оно затерялось в памяти о предыдущих женах и любовницах.

«Она не является моей жизнью, – думал он, – Кто моя жизнь?»

Он сознавал усталость, которая доходила до костей, и остатки воздействия наркотиков, которые использовали прошлым вечером его похитители. Он вспомнил руки, охватившие его, этот дикий взгляд на стену, которая не могла быть дверью, но была ею, освещенное пространство позади. И он вспомнил свое пробуждение здесь, а Иган сидел напротив него.

– Я ничего не скрыл, – сказал Иган, – Я все вам рассказал. Поттер едва успел скрыться,

чтобы спасти свою жизнь. Уже вышел приказ, чтобы взять вас. Ваша компьютерная сестра мертва. Но умрут еще многие. ОНИ должны быть уверены, разве вы не понимаете? ОНИ не могут ничего предоставить случаю.

«Что такое моя жизнь?» – спросил себя Свенгаард, и он подумал сейчас о своей удобной квартире, старинных предметах, предметах для развлечения, справочной литературе, друзьях, об обычных гарантиях безопасности своего положения.

– Но куда я пойду? – спросил Свенгаард.

– Место уже подготовлено.

– Но от них не найти безопасного места, – сказал Свенгаард. Произнося эту фразу, он впервые в жизни ощутил всю глубину собственной неприязни к оптименам.

– Есть много безопасных мест, – сказал Иган, – ОНИ просто притворяются, что у них сверхчувствительное восприятие. А истинные их способности заключены в машинах и приборах, а также секретной службе наблюдения. Но машины и инструменты могут быть использованы в других целях. А чтобы осуществлять насилие, оптимены зависят от простых смертных людей.

Свенгаард потряс головой:

– Но ведь это все чушь.

– За исключением одного, – сказал Иган, – все они, как и мы – совершенно разные. Мы знаем это по опыту.

– Но зачем им надо делать все то, в чем вы их обвиняете?

– запротестовал Свенгаард, – Это же бессмысленно. ОНИ действительно добры к нам.

– Единственный их интерес состоит в сохранении себя, – сказал Иган, – Они ходят по скользкой дорожке. Пока не будет сколько-нибудь значительных изменений в условиях их жизни, они будут продолжать жить... неопределенно долго. Но как только существенные перемены вкрадутся в их жизнь, и они, как мы, будут подвержены капризам природы. Вы видите, что для них не может быть природы – живой природы, которую бы они не контролировали.

– Я не верю этому, – сказал Свенгаард, – ОНИ же, кто любит нас и заботится о нас. Посмотрите на все, что ОНИ сделали для нас.

– Я уже насмотрелся, – Иган тряхнул головой. Свенгаард был еще более пустоголовый, чем они ожидали. Он отгораживался от всех аргументов и придерживался старых догм.

– Вы хотите, чтобы ОНИ лишили нас эволюции, – сказал Иган.

Свенгаард уставился на него, – Чего?

– ОНИ сделали себя единственными свободными личностями в нашем мире, – сказал Иган, – Но личности не эволюционируют. Эволюционируют популяции, а не личности. У нас нет населения.

– Но народ... – Да, народ. Кому из нас дозволено иметь потомство? – Иган потряс головой, – Вы генный хирург, мужчина! Разве вы еще не опознали образец?

– Образец? Какой образец? Что вы этим хотите сказать!

– Свенгаард дернулся, чтобы встать со стула, ругнулся на то, что связан. Руки и ноги его онемели.

– Оптимены придерживаются одного кардинального правила в вопросах продолжения рода, – сказал Иган, – Возврат к нормативному среднему. Они допускают непреднамеренный обмен с нормативным средним фашизмом, чтобы подавлять развитие уникальных личностей. Такие несколько уникальных личностей, когда они встречаются, не имеют права иметь потомство.

Свенгаард тряхнул головой:

– Я не верю вам, – сказал он. Но он почувствовал начало сомнений. Взять хотя бы его самого – какую бы он жену себе ни выбирал, ему отказывали в праве на потомство. Он сам проверил генетические черты своих жен и видел сам, что мог бы получить жизнеспособный эмбрион, но оптимены сказали нет.

– Но вы же действительно верите мне, – сказал Иган.

– Но посмотрите, какую долгую жизнь ОНИ нам дают, – сказал Свенгаард, – Я могу рассчитывать почти на двести лет.

– Медицина дает это, не оптимены, – сказал Иган, – Тонко рассчитанные предписания ферментов – вот ключ. Это, плюс точно расписанная жизнь, в которой эмоциональные неприятности сведены к минимуму. Подобранные упражнения и диеты для ваших специфических нужд. Это можно было бы сделать почти для каждого.

– Неопределенная жизнь? – прошептал Свенгаард.

– Нет! Но долгая жизнь, намного дольше, чем мы получаем сейчас. Я сам собираюсь прожить четыреста лет – как и несколько моих современников. Почти четыреста прекрасных лет, – сказал он, вспоминая злобную фразу Калапины... и смешок Нурса.

– Четыреста – вы? – спросил Свенгаард.

– Я согласен, что это ничто по сравнению с их многими тысячами, – сказал Иган, – Но почти каждый мог бы иметь эти же самые годы, да только вот они не разрешают.

– Почему? – спросил Свенгаард.

– Таким путем они могут продлевать жизнь лишь немногим избранным, – сказал Иган, – награда за службу. Без этого правила у них не было бы монеты, чтобы купить нас. Вы знали об этом. Вы сами пытались продать себя им за свою жизнь.

Свенгаард посмотрел вниз на свои связанные руки. «И это моя жизнь? – удивлялся он, – Связанные руки? Кто купит мои связанные руки?»

– И вам следовало бы послушать, как хихикал Нурс над моими жалкими четырехстами годами, – сказал Иган.

– Нурс?

– Да, Нурс из Туеров. Нурс – циник, Нурс, которому уже более сорока тысяч лет. Почему, по-вашему, Нурс является циником? – спросил Иган, – Есть и постарше оптимены, намного старше. Большинство из них не циники.

– Я не понимаю, – сказал Свенгаард. Он уставился на Игана, чувствуя что слабеет, заходит в тупик, не может противостоять силе этих слов и аргументов.

– Я забыл, что вы не из Централы, – сказал Иган, – ОНИ классифицируются по тончайшим долям эмоций, которые им разрешены. ОНИ – акционисты, эмоционалы, циники, гедонисты и изнеженные. ОНИ проходят через цинизм по пути к гедонизму. Туеры уже вплотную заняты погоней за личными удовольствиями.

Иган изучал Свенгаарда, взвешивая эффект своих слов. Это было существо, стоящее лишь чуть выше уровня простого смертного. Это был человек средневековья. Для него Централ и оптимены были главными двигателями всех систем небожителей. За пределами Централы находился только райский дом создателя... а для свенгаардов мира было лишь малое различие между оптименом и Создателем. Оба они были выше луны и абсолютно беспорочны.

– Куда мы можем убежать? – спросил Свенгаард – Нет такого места, где можно спрятаться. Они контролируют ферментные предписания. В ту же минуту, когда каждый из нас явится в аптеку для получения очередной дозы, там ему и конец.

– У нас есть свои источники, – сказал Иган.

– Но почему вам нужен я? – спросил Свенгаард. Он не поднимал глаз от своих связанных рук.

– Потому что вы уникальная личность, – сказал Иган.

– Потому что вы нужны Поттеру. Потому что вы знаете об эмбрионе Дюранов.

«Эмбрион Дюранов, – подумал Свенгаард, – В чем значение этого эмбриона Дюранов? Все опять возвращается к этому эмбриону».

Он взглянул вверх, встретился со взглядом Игана.

– Вам трудно узнать оптименов в моем описании их, – сказал Иган.

– Да.

– Они являются чумой на лике земли, – сказал Иган.

– Они болезнь земли!

Свенгаард восторженно вскрикнул от горечи в голосе Игана.

– Саул стер с лица земли тысячи, и Давид – десять тысяч, – сказал Иган, – Но оптимены стирают будущее.

Плотная фигура мужчины втиснулась в узкое пространство у стола и устроилась спиной к Свенгаарду.

– Ну? – спросил он. В голосе звучали тревожные ноты неотложности, просто в одном этом слове. Свенгаард попытался разглядеть лицо человека, но не мог сдвинуться так далеко в сторону. Была только эта широкая спина в серой куртке с поясом.

– Я не знаю, – сказал Иган.

– Больше мы не можем терять времени, – сказал вновь пришедший, – Поттер закончил работу.

– Результат? – спросил Иган.

– Он говорит успешный. Он использовал ферментную инъекцию для быстрого восстановления. Мать скоро сможет ходить. Плотная рука показалась через плечо, указывая большим пальцем на Свенгаарда, – Что нам делать с ним?

– Берите его, – сказал Иган, – Что делает Централ?

– Приказано арестовать и заключить в тюрьму всех хирургов.

– Так быстро? Они взяли д-ра Хэнда.?

– Да, но он сыграл в ящик.

– Остановил сердце, – сказал Иган, – Это единственное и правильное решение. Мы не можем позволить им допросить хоть одного из нас. Сколько нас всего осталось?

– Семь.

– Включая Свенгаарда?

– Тогда восемь.

– Мы подержим Свенгаарда пока некоторое время, – сказал Иган.

– Они начинают вытаскивать своих особых людей из Ситака, – сказал большой мужчина.

Свенгаарду была видна только половина лица Игана из-за незнакомца, но эта часть была сильно нахмурена и сосредоточена. Один видимый ему глаз смотрел на Свенгаарда, но не видел его.

– Тогда ясно, – сказал Иган.

– Да – они собираются уничтожить мегаполис.

– Не уничтожить, стерилизовать.

– Ты слышал, как Олгуд говорил о народе?

– Много раз. Паразиты в своих муравейниках. Он наступит на целый район без тошноты.

Все готово к действию?

– Можно сказать готово.

– Шофер?

– Запрограммирован на желательный ответ.

– Тогда дай этому Свенгаарду пулю, чтобы успокоился. У нас нет на него времени, если мы встали на этот путь.

Свенгаард застыл.

Могучая спина повернулась. Свенгаард взглянул в блестящие глаза, серые, оценивающие, лишённые эмоций. Одна из могучих рук поднялась, держа выстреливаемую ампулу. Рука коснулась его шеи, и он почувствовал толчок.

Свенгаард уставился вверх на это большое лицо, и через мозг его прошли суетливые волны. Горло его отяжелело, язык отнялся. Он хотел протестовать, но не мог выдать ни звука. Сознание его превратилось в уплотняющийся шар, сконцентрированный на крохотном пятнышке с щелевыми отверстиями. Это пространство становилось все меньше и меньше – пока не сократилось с сумасшедшей скоростью до окружности величиной с глаз с узкими щелями зрачков.

Он провалился в мягкий колодец темноты.

Лизбет лежала на скамейке, а рядом с ней, успокаивая ее, сидел Гарви. В этом кубическом пространстве размером не более большого упаковочного ящика, было пять человек. Единственная осветительная трубка в углу над ее головой освещала внутренность ядовитожелтым светом. Она видела врачей Игана и Бумура на грубой скамейке напротив нее, ноги их были вытянуты над связанным, с кляпом во рту Свенгаардом, который без сознания лежал на полу.

«Гарви сказал, что на улице уже ночь. Это должно было означать, что они проехали довольно большое расстояние», – думала она. Ее немного поташнивало, и она чувствовала боль в животе, вокруг швов. Мысль, что она внутри себя носит своего сына, приносила странную неуверенность. В животе чувствовалась наполненность. Поттер сказал, что она может обходиться без регулярных приемов ферментов, пока вынашивает эмбрион. Он, вероятно, думал, что эмбрион переместят в чан, когда они доберутся до безопасного места. Но она знала, что будет против этого. Она хотела выносить своего сына полный положенный срок. Ни одна женщина не делала этого в течение тысяч лет, а она хотела этого.

– Мы набираем скорость, – сказал Иган, – Мы уже, должно быть, скоро выберемся из подземки в воздушный путь.

– Будут ли какие-нибудь проверки? – спросил Бумур.

– Должны быть.

Гарви почувствовал точность оценки Игана. Скорость? Да – тела их испытывали большую нагрузку на поворотах. Воздух проходил немного быстрее через вентилятор над скамейкой Лизбет. К состоянию подвешенности добавилась новая тяжесть кроме эффекта притяжения земли – меньше тряски. Звук турбин громко отдавался в узком ящике, и он чувствовал запах несгоревшей углекислоты.

Проверки? Агенты Безопасности будут использовать все средства, чтобы не дать никому ускользнуть из Ситака. Он хотел знать, что же тогда должно случиться с мегаполисом. Хирурги говорили об отравляющем газе в вентиляторах, звуковых барьерах. У Централа много видов оружия, говорили они. Гарви выставил руку, чтобы поддержать Лизбет, когда они делали крутой поворот.

Он еще не знал, какое чувство испытывает к Лизбет, когда она носит их сына в своем теле. Это было странно. Не то, чтобы отвращение или непристойность, просто странно. Внутри его зародился какой-то инстинктивный рефлекс, и он оглянулся вокруг, ища опасность, от которой он мог бы защитить ее. Но здесь была только коробка, заполненная запахом кислого пота и бензина.

– Что это за груз вокруг нас? – спросил Бумур.

– Всякая всячина, – сказал Иган, – Части машин, некоторые старые произведения искусств, несущественные мелочи. Мы брали все, что могли похитить, чтобы составить по виду нормальный груз.

«Несущественные мелочи, – думал Гарви. Он чувствовал, как его захватило это открытие, – Несущественные мелочи. Они везли части к вещам, которые могут быть никогда не построены».

Рука Лизбет вытянулась, нашла его:

– Гарви?

Он нагнулся над ней, – Да, дорогая?

– Я чувствую... так... необычно.

Гарви бросил отчаянный взгляд на врачей.

– С ней все в порядке, – сказал Иган.

– Гарви, я боюсь, – сказала она, – Мы можем не выпутаться из всего этого.

– Вот об этом вы не должны думать, – сказал Иган.

Она взглянула вверх, нашла лицо генного хирурга, изучающее ее через узкое пространство коробки. Глаза его были похожи на сверкающие инструменты на узком, надменном лице. «Он тоже Киборг?» – раздумывала она. Эта холодная манера, с которой глаза изучающе смотрят на нее, прорвались через ее контроль.

– Я не о себе забочусь, – прошептала она, – А о своем сыне.

– Лучше успокоиться, мадам, – сказал Иган.

– Я не могу, – сказала она, – Нам с этим не справиться!

– А вот это не разговор, – сказал Иган, – Наш шофер – лучший из возможных Киборгов.

– Он никогда не провезет нас мимо них, – простонала она.

– Вам бы стоило успокоиться, – сказал Иган.

Наконец, Гарви нашел объект, от которого следовало защитить жену, – Не разговаривайте с ней в таком тоне, – рявкнул он.

Иган заговорил в терпеливом тоне:

– Ну и вы туда же, Дюран. На полтона ниже. Вы же знаете так же, как и я, что на всей воздушной трассе у них подслушивающие станции. Нам не следует разговаривать, разве что только в случае крайней необходимости.

– Сегодня, ничего не может проскочить мимо них, – прошептала Лизбет.

– Наш шофер – это не просто оболочка плоти вокруг компьютера, – сказал Иган, – Он запрограммирован как раз на выполнение таких задач. Он провезет нас, уж если только кто и может, так это он.

– Если кто-нибудь может, – прошептала она. Она начала плакать – раскачивающиеся, вздрагивающие движения сотрясали все ее тело.

– Видите, что вы наделали! – сказал Гарви.

Иган вздохнул, вытащил руку с капсулой и протянул капсулу Гарви:

– Дайте ей это.

– Что это? – строго спросил Гарви.

– Просто успокоительное.

– Я не хочу успокоительного, – рыдала она.

– Это для вашего же блага, дорогая, – сказал Иган, – Эти рыдания могут привести к выкидышу эмбриона. Вы должны оставаться спокойной и тихой. Прошло так мало времени после операции.

– Она не хочет, – сказал Гарви. Глаза его горели от гнева.

– Она должна принять это, – сказал Иган, – Даже если она не хочет.

Иган старался придать голосу убедительность:

– Дюран, я только стараюсь спасти нам жизнь. Сейчас вы злы и... – Вы правы, черт бы вас побрал, я зол! Я уже устал от того, что все вокруг приказывают мне!

– Если я чем-нибудь обидел вас, прошу прощения, Дюран, – сказал Иган, – Но я должен предупредить вас, что реакция ваша на данную ситуацию предопределена вашим генным формированием. У вас чрезмерная тяга мужчины к опеке, защите. С вашей женой все будет в порядке. Это успокоительное безвредно. У нее реакция истерики, потому что у нее слишком большое стремление к материнству. Это ошибки в вашем генном формировании, но с вами двумя все будет в порядке, если вы будете оставаться спокойными.

– Кто говорит, что в нас ошибки? – потребовал Гарви, – Могу держать пари, что вы стерри, которые никогда... – Этого вполне достаточно, Дюран, – сказал другой врач. Голос его был

раскатистый и властный.

Гарви посмотрел на Бумура, заметил его заостренное, похожее на эльфа лицо на большом теле. Хирург казался мощным и опасным, а лицо его странно нечеловеческим.

– Мы не можем драться между собой, – прогремел Бумур, – Мы, должно быть, близко от проверочного пункта. И у них, конечно, есть подслушивающие устройства.

– Нет у нас никаких ошибок, – огрызнулся Гарви.

– Может быть, вы правы, – сказал Иган, – Но вы оба уменьшаете наши шансы на успешный побег. Если кто-нибудь из вас взорвется на пропускном пункте, всем нам конец, – Он передвинул руку к Лизбет:

– Пожалуйста, примите это, мадам. Она содержит успокаивающее средство. Совершенно безвредно. Уверю вас.

Лизбет заколебалась, но взяла капсулу. На ощупь она была холодная и студенистая – отталкивающая. Она хотела запустить ее в Игана, но Гарви тронул ее за щеку.

– Может быть, тебе лучше принять ее, – сказал он, – Для ребенка.

Она поднесла руку вверх, положила капсулу на конец языка и проглотила. Наверное, она безвредная, если Гарви согласился. Но ей не понравился уязвленный, вызывающий взгляд.

– А сейчас расслабьтесь, – сказал Иган, – Это быстродействующее – три или четыре минуты, и вы почувствуете себя совершенно спокойной, – Он откинулся назад, взглянул на Свенгаарда. Распростертая фигура все еще, казалось, была без сознания, грудь вздымалась и опускалась в ровном ритме.

В течение всего, теперь уже продолжительного, как казалось Свенгаарду, времени, он ощущал нарастающее чувство голода и забывтья, и раскачивающее движение, которое откатывало его тело о какую-то твердую поверхность. В этом движении было ощущение быстроты. Он ощущал запах человеческого пота, слышал рев турбин. Звук начинал давить на сознание. Сквозь неподвластные ему веки он ощущал свет, тусклый и мерцающий. Он почувствовал колющий губы кляп и связанные руки и ноги.

Свенгаард открыл глаза.

На мгновение все расплылось, но затем он почувствовал, что смотрит на низкий потолок, крошечную осветительную трубку в углу, под которой разговорный динамик выступал рядом с красным позывным огнем. Потолок казался слишком близко от него, а справа от него была тень в пятнах какой-то фигуры – протянутая над ним нога. Единственный свет испускал желтое свечение, которое почти не могло рассеять темноту.

Рубиновый свет начал мигать, красный свет то появлялся, то исчезал, то появлялся, то исчезал.

– Пропускной пункт, – прошептал Иган, – Все тихо.

Они чувствовали, что скорость стала снижаться. Давление воздуха все меньше и меньше. Турбины снижали обороты. Они остановились, и турбины заглохли.

Взгляд Свенгаарда метался по замкнутому пространству. Грубая скамейка над ним и справа... на ней сидящие две фигуры. Острый край металла высовывался из ножки скамьи возле его щеки. Мягко, осторожно Свенгаард подвинул голову к металлическому выступу, почувствовал, как острие прошло через кляп. Он сделал мягкий толчок головой вверх, и кляп слегка поддался вниз. Выступ корябал щеку, но он не обращал на это внимания. Еще один мягкий толчок, и кляп опустился еще на долю миллиметра. Он повернул глаза, проверяя окружение, увидел лицо Лизбет над ним слева, глаза ее закрыты, руки перед ртом. В ней было ощущение застывшего ужаса.

Свенгаард снова двинул головой.

Где-то в отдалении слышались голоса – резкие звуки вопросов, бормотание ответов.

Руки Лизбет опустились и открыли рот. Губы ее беззвучно двигались.

Звук разговора прекратился.

Транспорт начал движение.

Свенгаард резко мотнул головой. Кляп его вылетел. Он выкинул его изо рта кашлем и закричал:

– Помогите! Помогите! Я пленник! Помогите!

Иган и Бумур подпрыгнули в шоке. Лизбет вскрикнула:

– Нет! О, нет!

Гарви бросился вперед, нанес удар кулаком в челюсть Свенгаарда, упал на него и одной рукой закрыл ему рот. Они оставались в этом положении, напряженно прислушиваясь, когда транспорт продолжал набирать скорость.

Иган сделал дрожащий вдох, посмотрел на противоположную сторону в напряженно смотрящие глаза Лизбет.

Через разговорный динамик послышался голос водителя:

– Что там стряслось? Разве нельзя соблюдать простейшие меры предосторожности?

Лишенный эмоций голос, в котором звучали обвинения, вызвал у Гарви дрожь. Затем он стал размышлять о водителе, почему это существо выбрало этот тон, а не просто сказало им, что они себя раскрыли. Он почувствовал, что Свенгаард под ним обмяк и лежит без сознания. Он испытывал дикое желание задушить хирурга здесь и сейчас, он почти ощутил, что руки его тянутся к горлу человека.

– Они слышали нас? – прошептал Иган.

– Очевидно, нет, – прохрипел водитель, – Нет признаков преследования. Я полагаю, вы больше не допустите еще такого грубого просчета. Пожалуйста, сообщите, что произошло.

– Свенгаард очнулся от наркотика раньше, чем предполагали.

– Но у него был кляп.

– Ему... удалось как-то вытащить кляп.

– Вероятно, вам стоило бы убить его. Очевидно, он не примет новые условия.

Гарви оторвался от Свенгаарда. Сейчас, когда Киборг сделал предложение, он больше не чувствовал желание убить Свенгаарда. «Кто находился там в кабине транспорта?» – размышлял Гарви. Голоса всех Киборгов, кажется, звучат похоже, компьютерная характеристика, соединенная с логикой мышления, уровень которой казался намного выше человеческого. Голос этого, однако, показался ему еще более отдален от человеческого, чем обычно.

– Мы... решим, что делать, – сказал Иган.

– Свенгаард снова в безопасности?

– О нем позаботились.

– Не благодаря вашим усилиям, – сказал Гарви, уста-вась на Игана, – Вы были прямо над ним.

Лицо Игана побледнело. Он вспомнил свою застывшую неподвижность после прыжка от страха. Его пронзил гнев. Какое право имеет этот болван допрашивать хирурга? Он заговорил напряженно:

– Сожалею, что я не человек насилия.

– Вам бы следовало лучше научиться чему-то, – сказал Гарви. Он почувствовал руку Лизбет на плече, позволил ей посадить себя назад на скамейку, – Если у вас есть еще этот нокаутирующий состав, может быть, вы бы дали ему еще одну дозу до того, как он очнется снова. Иган подавил резкий ответ.

– В сумке под нашей скамейкой, – сказал Бумур, – Разумное предложение.

Иган вытащил стреляющую капсулу и механически заученными движением усыпил

Свенгаарда.

Снова через переговорное устройство рывкнул голос водителя:

– Внимание! Мы не должны исходить из предположения о незамеченных признаках немедленного и очевидного преследования, что им не удалось услышать выкрик. Я выполняю план Гамма.

– Кто этот водитель? – прошептал Гарви.

– Я не видел, которого они программировали, – Он изучал Гарви. Это был ожидаемый вопрос. Голос водителя действительно звучал странно, намного необычайней, чем привычная аномальность голоса Киборга. Говорили, что водителем будет запрограммированный рефлекторный компьютер, машина, предназначенная давать самый уверенный ответ, чтобы совершить удачный побег. Кого они выбрали для этой программы?

– Что это за план Гамма? – прошептала Лизбет.

– Мы сходим с подготовленного маршрута побега, – сказал Бумур. Он устоял на переднюю стенку их коробки. Уход с намеченного маршрута... это означало, что они будут полностью зависеть от способности водителя Киборга... а какие бы оставшиеся ячейки подпольного Центра были еще доступны. Конечно, с любой из этих ячеек можно было бы найти компромисс. Обычно крепкая натура Бумура начала испытывать странные наплывы страха.

– Водитель! – позвал Гарви.

– Молчать! – рывкнул водитель.

– Придерживайтесь намеченного плана, – сказал Гарви, – У них там приготовлены медицинские условия, если моя жена... – Безопасность вашей жены – не превалирующий фактор, – сказал водитель, – Элементы вдоль подготовленного маршрута не должны быть раскрыты. Не отвлекайте меня вашими протестами. Выполняется план Гамма.

– Выбирает, что легче, – сказал Бумур, когда Гарви сорвался вперед, опираясь рукой о скамейку, – Что вы можете сделать, Дюран?

Гарви опустился снова на скамейку, поискал и нашел руку Лизбет. Она схватила ее, просигналила:

– Подожди. Разве ты не читаешь мысли врачей? Они тоже испуганы... и обеспокоены.

– Я беспокоюсь за тебя, – просигналил Гарви.

Итак ее безопасность – а предположительно и наша – не являются превалирующей задачей. Какую же программу выполняет наш компьютер во плоти?

Только Нурс из Туеров занимал трон в шаре обзора, внимание его было занято лучами, мигающими огнями и приборами, каскадом световых данных, которые сообщали о делах народа. Передатчик новостей сказал ему, что на улице в этом полушарии ночь – темнота протянулась по земле от Ситака да мегаполиса Ново-Скотия. Он увидел физическую темноту как знак устрашающих событий и хотел, чтобы быстрее вернулись Шруилл и Калапина.

На экране появился визуальный доклад. Нурс повернулся, чтобы просмотреть его, и увидел появляющееся там лицо Олгуда. Босс Безопасности поклонился Нурсу.

– Что это? – спросил Нурс.

– Восточный пропускной пункт Ситака сообщает, что проследовал транспорт со странным грузом контейнеров, Нурс. Турбины его заглушали звуки, которые мы расшифровали. Скрытые звуки включали дыхание – пять человек, спрятанных в грузе. Голоса выкрикивали из транспорта, когда он двинулся в путь. Действуя по вашим указаниям, мы пометили транспорт и сейчас держим его под наблюдением. Каковы ваши приказания?

«Начинается, – подумал Нурс, – когда я здесь один». Нурс посмотрел на приборы, покрывающие пропускной пункт Востока Ситака. На экране транспорт был движущейся зеленой точкой. Он прочитал бинары банка сведений, описывающие инцидент, сравнил их с общим планом мотивационного анализа. Аналогии вероятности, которые он получил, наполнили его чувством обреченности.

– Голоса были идентифицированы, Нурс, – сказал Олгуд, – оттиски голосов были... – Свенгаард и Лизбет Дюран, – сказал Нурс.

– Там, где она, поблизости должен быть и муж, – сказал Олгуд.

Логически малые объяснения Олгуда стали раздражать Нурса. Он сдерживал эмоции, пока замечал, что человек забывает использовать имя оптимена, обращаясь к нему. Это был малый знак, но значительный, особенно, когда Олгуд, казалось, не замечал своей ошибки.

– Что представляют еще двое неидентифицированных, – сказал Нурс.

– Мы можем сделать догадку по образованию... Нурс. Нурс взглянул на аналогии вероятности, сказал:

– Двое из наших фармацевтов.

– Одним, может быть, был Поттер, Нурс.

Нурс покачал головой:

– Поттер остается в Ситаке.

– У них может быть переносной чан, Нурс, и этот эмбрион с ними, – сказал Олгуд, – но нам не удалось засечь подходящие механизмы.

– Вы не услышите об использовании механизмов, – сказал Нурс, – или, услышав, не идентифицируете их.

Нурс взглянул на банки данных сканеров – каждый из них ожил – они показывали, что оптимены наблюдают за Шаром обзора. Будь то ночь или день, а каналы слежки перегружены. «Они знают, что я имею в виду, – думал он, – Может быть, они испытывают отвращение, или это еще один интересный аспект насилия?»

– Как можно было предположить, – сказал Олгуд, – мне не удалось понять, что имеет в виду Нурс.

– Необязательно, – сказал Нурс. Он смотрел в лицо на экран. Оно показалось таким молодым, что Нурс вдруг подумал: «В Центrale много кажущихся молодыми, но нет молодости. Даже слуги стерри вписывались в эту общую картину, различимую невооруженным

взглядом». Вдруг он почувствовал себя сам, как простой смертный стерри, следя за каждым вторым о признаках старения, надеясь, что при сравнении их собственная внешность будет процветающей.

– Каковы указания Нурса? – спросил Олгуд.

– Выкрик Свенгаарда говорит о том, что он пленник, – сказал Нурс, – Но мы не должны исключать возможность, что это преднамеренный трюк. Он говорил сдержанным усталым голосом.

– Должны ли мы уничтожить транспорт, Нурс?

– Уничтожить... – Нурс вздрогнул, – Нет, пока нет. Держите его под наблюдением. Введите положение о всеобщей готовности. Мы должны узнать, куда они направляются. Каждый их контакт следует взять на заметку и сделать знаки для наблюдения за ними.

– Если они ускользнут от нас, Нурс, можно ли... – Вы отменили соответствующие ферментные предписания?

– Да, Нурс.

– Тогда, они не могут улететь далеко... надолго.

– Как прикажете, Нурс.

– Вы можете идти, – сказал Нурс.

Он долго смотрел на экран после того, как он погас. Уничтожить транспорт? Это было бы окончанием. Он чувствовал, что не хочет, чтобы эта игра кончалась – никогда. Удивительное чувство восторга охватило его.

Сегмент входа в Шар распахнулся перед ним. Вошла Калапина, за ней Шруилл. Они прибыли на лучах, которые доставили их до мест на треугольнике. Все молчали. Казалось, они сдержаны, странно спокойны. Нурс подумал о сдерживаемой буре, когда посмотрел на них – в нем сдерживались и гром, и молния, так чтобы не навредить своим товарищам.

– Разве не время? – спросила Калапина. У Нурса вырвался вздох.

Шруилл активировал сенсорный контакт со сканерами в горах. На принимающих экранах вдруг появился лунный свет, звуки ночных птиц, шуршание сухих листьев. Далеко за холмами, облитыми холодным лунным светом, лежали линии и пятна света, пересекающие побережье и гавани мегаполиса и многоуровневые сети воздушных путей.

Калапина пристально смотрела на сцену, думая о драгоценных и случайных безделушках, развлекательных вещах бесцельного времяпрепровождения. На протяжении нескольких веков у нее не было склонности к занятиям с этими игрушками. «Почему я должна думать об этом сейчас? – изумилась она, – Ведь все эти огни – далеко не игрушки».

Нурс изучал бинарные пирамиды, аналогии действия, показывающие курс деятельности народа в мегаполисе.

– Все нормально... и в готовности, – сказал он.

– Нормально! – сказал Шруилл.

– Который из нас? – прошептала Калапина.

– Я уже давным-давно видел эту необходимость, – сказал Шруилл, – Я сделаю это, – Он покрутил петлю кольца ручки своего трона, и когда он двинул ее, он был устрешен быстротой действия. Это кольцо и силы, которые оно контролировало, были в руках вечности. Все, что оно потребовало – движения руки и воли, скрытых за этой ручкой. Калапина следила за картиной на своих экранах – лунный свет на горах, за ним мегаполис, предмет оживленной игрушки ее прихотей. Последний кадр о специальном персонале ушел, осознала она. Незаменимые объекты, которым могла угрожать опасность, были перевезены. Все было готово и обречено.

Начали появляться мигающие вспышки через ожерелья огней – золотисто-желтые вспышки. Экраны Туеров покрылись помехами, когда завибрировали звуковые барьеры отдаленных

сканеров. Начали исчезать огни. Огни исчезали по всему району – целыми группами и поодиночке. Над всей, картиной простирался низкий зеленый туман, заполняющий долины, переваливающийся через холмы.

Вскоре стали не видны огни. Остался только зеленый туман. Он продолжал выползать под безличной луной, двигаясь все дальше и шире, пока оставался только он и ничего больше.

Шруилл следил за накопившимися численными аналогами, этими рапортами, лишенными эмоций, которые просто считали, предоставляли выводы явлений, остатки... нули. Не было показаний того, что в подземках и «муравейниках»... на улицах... на местах работы... игр умирал народ.

Нурс сидел и плакал.

«Они все мертвые, все мертвы», – думал он. Мертвые. Это слово оставляло особое чувство в его мозгу, лишенное личного значения. Это был термин, который, вероятно, мог быть применим к бактериям... или сорнякам. Так стерилизовались площади, куда затем переносили прекрасные цветы. «Почему я плачу?» – Он пытался вспомнить, плакал ли когда-нибудь раньше. «Вероятно, было время, когда я плакал, – думал он, – Но это было так давно. Много... много... много... лет тому назад... плакал... плакал». Теперь это стало словами, не имеющими значения. «Вот в этом беда бесконечной жизни, – думал он, – При наличии такого огромного количества повторений все теряет значение».

Шруилл изучал зеленый туман на своих экранах. «Немного переделок, и мы сможем послать туда новый народ, – думал он, – Мы заселим его народом более безопасной формации». Затем он стал размышлять над тем, где же они найдут этот более безопасный народ. Табло анализа в Шаре показали, что проблема Ситака была лишь одной из многих, которые им предстояло решить. Симптомы отовсюду одинаковые.

Он видел ошибку. В корне ее лежала изоляция одного поколения от другого. Отсутствие традиций и преемственности стало болезнью народа... потому что, казалось, они продолжали общение, несмотря на все репрессии, которые были использованы. Народные пословицы дадут всходы и покажут глубокие подводные течения.

Шруилл процитировал себя: «Когда Бог впервые создал неудовлетворенного человека, Он поместил этого человека за пределами Централа».

«Но мы создали этот народ, – думал Шруилл, – Как же мы создали неудовлетворенных людей?»

Он повернулся и увидел, что Калапина и Нурс плакали.

– Почему вы плачете? – требовательно спросил он.

Но они не ответили.

Там, где заканчивался последний воздушный путь, транспорт свернул от подземки под горой и пошел по широкому наземному пути по лестеровскому ответвлению. Он вел вверх через старые туннели к диким местам и покинутым селекционерами курортам вдоль почти пустынной дороги, открытой воздушным потокам. Здесь не было сервисного освещения работ, только луна и пучки лучей прожекторов транспорта.

Случайный омнибус прошел мимо них, пассажирские места в нем занимали тихие, задумчивые пары, их отпуск по уходу за потомством закончился, и они направлялись в мегаполис. Если кто-нибудь из них и обратил внимание на этот транспорт, то тут же забыл о нем.

На крутом повороте ниже Голишского курортного комплекса Киборг-водитель сделал ряд настроек своих жизненных систем. Магистралы сужались. Мягкость передвижения транспорта исчезла, турбинный рев взмывал ввысь до почти разрушительных для слуха высот. Транспорт свернул с дороги.

Внутри узкой коробки, которая скрывала их, Гарви Дюран держался одной рукой за скамейку, а другой придерживал Лизбет, когда транспорт нырнул и подскакивал на выбоинах и пригорках древней дороги справа от шоссе, прокладывая путь через заслон черной ольхи, и свернул на звериную тропу, которая шла от шоссе вверх через заросли рододендронов.

– Что происходит? – взмолилась Лизбет.

Голос водителя прохрипел через переговорное устройство:

– Мы свернули с дороги. Нет причин для страха.

«Нет причин для страха», – думал Гарви. Мысль эта показалась такой нелепой, что он должен был подавить смех, который, как он полагал, был близок к истерике.

Водитель выключил все внешние световые сигналы и полагался сейчас только на луну и свое инфракрасное зрение.

Присущее Киборгам зрение выявило тропу, змейкой извивающуюся в кустах. Транспорт проковылял по ней около двух километров, оставив пыльный вихрь с поднятыми сухими листьями, до той точки, где звериная тропа пересекала дорогу лесного патруля – очищенную трассу, устланную сухими козьими ивами и разбитую от прохождения патрульных машин. Здесь он свернул вправо, как огромный шипящий доисторический монстр, въехал вверх по холму, с шумом спустился вниз по другую сторону вершины, а затем на вершину следующего холма, где и остановился.

Турбины сбавили ход и затихли, а транспорт опустился на свои опоры. Появился водитель, плотная фигура с короткими ногами и блестящими протезными руками, прикрепленными для выполнения данной задачи. Панель отодвинулась, и Киборг начал разгружать груз, без разбора швыряя его вниз через стенку крапчатого болиголова в глубокий овраг.

Внутри своего помещения Иган вскочил на ноги, приложил губы к переговорному устройству и прошипел:

– Где мы?

Тишина.

– Это было глупо, – сказал Гарви, – Как по вашему, почему он остановился?

Иган игнорировал оскорбительный выпад. Он, в конце концов, исходил от полубразованного болвана, – Вы слышите, что он передвигает груз, – сказал Иган. Он нагнулся над Гарви, постучал ладонью по стенке ящика, – Что там происходит?

– Да сядьте вы, – сказал Гарви. Он положил ладонь на грудь Игана и оттолкнул его. Хирург

откатился назад на скамейку напротив.

Иган пытался вскочить снова, лицо его потемнело, глаза сверкали, Бумур остановил его, прогремев:

– Спокойствие, дружище Иган.

Иган уселся на свое место. Спокойное выражение лица медленно возвращалось на его лицо, – Странно, – сказал он, – как эмоции берут верх, несмотря на... – Это пройдет, – сказал Бумур.

Гарви нашел руку Лизбет, сжал ее, просигналил:

– Грудь Игана – она выгнутая и твердая, как из пласмелда. Я почувствовал это под его курткой.

– Ты думаешь, что он Киборг?

– Он нормально дышит.

– И у него эмоции. Я читаю в них страх.

– Да... но... – Мы будем осторожны.

Бумур сказал:

– Вам бы следовало больше доверять нам, Дюран. Д-р Иган сделал вывод, что нашему водителю не следовало бы двигать груз, если некоторые звуки не являются безопасными.

– Откуда нам знать, кто двигает груз? – спросил Гарви. Бумур бросил осторожный взгляд, который изменил черты его массивного спокойного лица.

Гарви прочел его, улыбнулся.

– Гарви, – сказала Лизбет – Тебе не кажется, что... – Это водитель там, – успокоил ее Гарви, – Я ощущаю запахи дикой природы в воздухе. Там не было никаких звуков борьбы. Нельзя взять Киборга без борьбы.

– Но где мы? – спросила она.

– В горах в дикой местности, – сказал Гарви, – Судя по характеру передвижения, мы залетели далеко от центральных путей сообщения.

Внезапно их помещение качнулось в сторону, задвигалось. Единственный свет потух. В неожиданной темноте стенка позади Гарви опустилась. Он схватил Лизбет, резко повернулся, почувствовал, что смотрит в темноту... лунный свет... их водитель, массивная тень на фоне отдаленной панорамы мегаполиса с мерцающей сетью огней. Луна посеребрила вершины деревьев внизу под ними, и был резкий запах лесной подстилки, резины, сырости. Кругом была тишина дикого места, которая как бы ждала, анализируя вторжение.

– Выходите, – сказал водитель.

Киборг повернулся. Гарви, увидев черты лица, неожиданно освещенные луной, сказал:

– Глиссон!

– Приветствую, Дюран, – сказал Глиссон.

– А почему вы? – спросил Гарви.

– А почему бы нет? – спросил Глиссон, – Ну-ка, выбирайтесь оттуда.

Гарви сказал:

– Но моя жена не... – Я знаю о вашей жене, Дюран. У нее было достаточно времени после лечения. Она может ходить, но только если не будет чрезмерно утруждать себя.

Иган сказал на ухо Гарви:

– У нее все в порядке. Посадите ее осторожно и дайте сойти вниз.

– Я... я чувствую себя нормально, – сказала Лизбет, – Ну вот, – Она положила руку на плечо Гарви. Вместе они сошли на землю.

Иган последовал за ними, – Где мы?

– Мы в одном месте, из которого направляемся еще в одно место, – сказал Глиссон, –

Каково состояние нашего пленника?

Из помещения раздался голос Бумура:

– Он приходит в себя. Помогите мне поднять его и вынести.

– Почему мы остановились? – спросил Гари.

– Впереди крутой подъем, – сказал Глиссон, – Мы сбрасываем груз. Транспорт не предназначен для такой работы.

Бумур и Иган провели мимо них Свенгаарда, положили его спиной к стволу рядом с дорогой.

– Подождите здесь, пока я разгрузу трейлер, – сказал Глиссон, – Вы тут пока обсудите, следует ли нам брать с собой Свенгаарда.

Услышав свое имя, Свенгаард открыл глаза, обнаружил, что смотрит вдаль и вниз на отдаленные огни мегаполиса. Челюсть его, куда ударил его Гарви, болела, и в голове стучало. Он почувствовал, что голоден и хочет пить. Руки его затекли, так как были связаны. Сухой запах вечнозеленых игл наполнил его нос, он чихнул.

– Вероятно, мы должны избавиться от Свенгаарда, – сказал Иган.

– Думаю, что нет, – сказал Бумур, – Он обученный человек, возможный союзник. Нам нужны будут обученные люди.

Свенгаард посмотрел в направлении голосов. Они стояли возле транспорта, который казался длинной серебристой фигурой позади приземистой двойной кабины. Там стоял звон металла. Трейлер заскользил назад, почти на два метра, прежде чем остановился у возвышения из грязи.

Глиссон вернулся, остановился и присел у Свенгаарда, – Каково наше решение? – спросил Киборг, – Убить его или оставить в живых?

Гарви сделал глубокий вдох, почувствовал, как Лизбет схватила его за руку.

– Давайте немного подождем, – сказал Бумур.

– Если он не будет доставлять нам больше неприятностей, – сказал Иган.

– Мы всегда можем использовать его части, – сказал Глиссон, – Или попытаться вырастить нового Свенгаарда и вновь подготовить его, – Киборг встал, – Здесь не нужно немедленное решение. Над этим следует подумать.

Свенгаард продолжал молчать, застыв от невыразимой ясности речи. «Жесткий, жестокий человек, – думал он, – Жесткий человек, готовый к любому насилию. Убийца».

– Тогда в кабину с ним, – сказал Глиссон, – Все в кабину. Мы должны добраться... – Киборг, не закончив мысль, пристально посмотрел на мегаполис.

Свенгаард повернулся к полосам бело-синего цвета, светящимся далеко вдали. Среди огней налево появилась мигающая золотистая вспышка. За ней взвилась другая – огромный костер появился на фоне далеких, залитых холодным лунным светом гор. Направо появились еще желтые вспышки. Пронизывающий до костей звук на высоких частотах потряс его, отозвался звоном металлического диссонанса сочувствия в транспорте.

– Что происходит? – прошептала Лизбет.

– Тихо! – сказал Глиссон, – Не разговаривайте и наблюдайте.

– О пресвятые боги! – шептала Лизбет – Что это?

– Это смерть мегаполиса, – сказал Бумур.

И снова металлический звон отозвался в транспорте.

– Это причиняет боль, – застонала Лизбет.

Гарви притянул ее поближе к себе, пробормотал:

– К чертям их!

– Здесь сверху он поражает, – сказал Иган, голос его звучал ужасающе безэмоционально, –

Там внизу он убивает.

Зеленый туман начал появляться из дикой местности примерно в десяти километрах ниже их. Он катился в стороны и вниз, как бушующее море под луной, поглощая все – холмы, жемчужные огни и желтые вспышки.

– Думали ли вы, что ОНИ применяют смертельный туман? – спросил Бумур.

– Мы знали, что ОНИ будут применять его, – сказал Глиссон.

– Полагаю, что так, – сказал Бумур, – Стерилизуют пространство.

– Что это? – настоятельно спросил Гарви.

– Он выходит из вентиляционных труб, через которые они пускали контрацептивный газ, – сказал Бумур, – Одна капля на вашей коже, и вам конец.

Иган повернулся кругом и пристально посмотрел вниз на лежащего Свенгаарда, – ОНИ те, кто любит нас и заботится о нас, – горько иронизировал он.

– Что происходит? – спросил Свенгаард.

– Разве вы не слышите? – спросил Иган, – Разве вы не видите? Ваши друзья оптимены стерилизуют Ситак. У вас там есть друзья?

– Друзья? – В голосе Свенгаарда что-то сломалось. Он оглянулся назад, чтобы пристально рассмотреть зеленый туман. Далекие огни все погасли.

И снова звуковые волны прошли сквозь них, сотрясли землю, отозвались звоном в транспорте.

– А сейчас, что вы думаете о них? – спросил Иган.

– Оставьте его в покое, – сказал Гарви, – У нас свои печали. Разве у вас не осталось никаких чувств?

– Он видит это и не верит, – сказал Иган.

– Как они могли? – прошептала Лизбет.

– Самосохранение, – прогремел Бумур, – Черта, которая, кажется, отсутствует у нашего друга Свенгаарда. Вероятно, ее вырезали у него, когда его формировали.

Свенгаард тупо уставился на катящееся зеленое облако. Оно было такое тихое и крадущееся. Огромное пространство темноты, где когда-то был свет и жизнь, наполнило его зачатками понимания своей собственной смертности. Он подумал о друзьях, там внизу – сотрудники больницы, эмбрионы, его полулегальная жена.

Все уничтожено.

Свенгаард чувствовал себя опустошенным, неспособным ни к каким эмоциям – даже к печали. Он смог лишь вымолвить:

– Какова была их цель?

– В кабину с ним? – сказал Глиссон, – На пол назад.

Грубые руки подняли Свенгаарда – он узнал Бумура и Глиссона. Лишенное эмоций отношение Глиссона привело Свенгаарда в замешательство. Он никогда раньше не встречал такого совершенно абстрактного отношения к действительности ни в одном человеческом существе.

Они затолкнули его на пол кабины. Острый край сиденья глубоко впился ему в бок. Вокруг него везде появились ноги. Кто-то поставил ему ноги на живот, убрал. Турбины ожили. Дверь захлопнулась. Они отправились в путь.

Свенгаард впал в какое-то оцепенение.

Лизбет, которая сидела над ним, испустила глубокий вздох. Услышав его, Свенгаард вдруг почувствовал возникшее в нем чувство сострадания к ней, первое проявление эмоций с момента шока при виде смерти мегаполиса.

«Зачем они это сделали?» – спрашивал он себя. Зачем?

В темноте Лизбет нашла руку Гарви. В случайных отрывках лунного света ей было видно очертание Глиссона, находящегося прямо перед ней. Рациональный минимум движений Киборга, ощущение силы в каждом движении наполняли ее растущим беспокойством. Послеоперационный шов вызывал зуд. Она хотела почесать, но боялась обратить на себя внимание.

Гарви просигналил через сомкнутые руки:

– Бумур и Иган, я сейчас их читаю. Они новые Киборги. Вероятно, просто первое звено имплантированных компьютеров. Они только сейчас познают цену, проявляя нормальные человеческие эмоциональные реакции, обучаясь противостоять эмоциям.

Она впитывала это, смотря на них с помощью логических выводов Гарви. Он часто читал людей лучше, чем она. Она вновь прочитала то, что видела об этих двух фигурах.

– Ты читаешь это? – просигналил он.

– Ты прав. Да.

– Это означает полный разрыв с Централом. Они никогда не смогут возвратиться назад.

– Это объясняет Ситак, – просигналила она. Она начала дрожать.

– И мы не можем доверять им, – сказал Гарви. Он покрепче прижал, утешая ее.

Транспорт пробирался через подножья гор с раскинувшимися открытыми лугами, следуя по древним дорогам, случайным руслам речушек. Незадолго до рассвета он свернул влево, в просеку, оставшуюся после пожара, в окружение сосен и кедров, пробирался по узкой тропе, а выхлопные трубы поднимали вверх тяжелое облако лесной подстилки позади транспорта. Глиссон остановил машину позади старого здания, на стенах его был мох, в маленьких окнах занавески. Псевдоутки с чернотой сорняков и признаками выросших на траве, которых разводили здесь годами, составляли маленькую шеренгу у здания – бледные лунные фигуры в свете единственной лампы высоко под карнизом здания.

Турбины взвыли и затихли. Тогда им стали слышны звуки работающих машин и, вглядываясь в сторону звука, они увидели тусклые серебристые очертания вентиляционной вышки среди деревьев.

Открылась дверь на углу здания. Появился человек с тяжелой головой и большой челюстью, сутулый, громко сморкающийся в красный платок. Он выглядел очень старым, лицо его избороздили морщины.

Глиссон сказал:

– Это условленный знак. Здесь все безопасно... на данный момент, – Он соскочил вниз, приблизился к старику, кашлянул.

– В эти дни кругом полно болезней, – сказал старик. Голос его был таким же древним, как и его лицо, с одышкой, глотающий согласные.

– Вы не одиноки с проблемами, – сказал Глиссон.

Старик выпрямился, отбросил нахмуренный взгляд и услужливую манеру, – Может вам надо местечко для укрытия, – сказал он, – Не знаю, спокойно ли здесь. Даже не знаю, должен ли я прятать вас.

– Здесь приказывать буду я, – сказал Киборг, – А вы будет подчиняться.

Старик мгновение изучал Глиссона, затем лицо его окатила волна гнева, – Черт бы побрал вас, Киборги! – сказал он.

– Придержи язык, – сказал Глиссон, голос его был ровным, – Нам нужна пища, безопасное место на день. Мне понадобится твоя помощь, чтобы спрятать транспорт. Ты должен знать окружающую местность. А ты достанешь нам другой транспорт.

– Лучше его разрезать и закопать, – сказал старик ворчливо, – Потревожили осиное гнездо. Догадываюсь, что знали об этом.

– Мы знаем, – сказал Глиссон. Он повернулся, дал знак транспорту, – Пошли. Приведите Свенгаарда.

Вскоре к нему присоединились остальные. Бумур и Иган вели Свенгаарда. Ноги Свенгаарда были развязаны, но казалось, что он едва ли может передвигаться самостоятельно. Лизбет шла осторожно, согнувшись и говорила, что неуверена, зажил ли шов, несмотря на ускоренное обеспечение.

– Мы пробудем здесь дневное время, – сказал Глиссон.

– Этот человек проводит вас в помещение.

– Какие вести из Ситака? – спросил Иган. Глиссон посмотрел на старика, сказал:

– Отвечай. Старик пожал плечами:

– Курьер оттуда прибыл пару часов назад. Сказал, живых не осталось.

– Какие-нибудь вести о д-ре Поттере? – проворчал Свенгаард.

Глиссон резко повернулся, уставился на Свенгаарда.

– Не знаю, – сказал старик, – Что у него за маршрут? Иган кашлянул, взглянул на Глиссона, затем на старика.

– Поттер? Я полагаю, что он был в группе, выходящей по подземным энергетическим коммуникациям.

Старик метнул взгляд на вентиляционную вышку, возвышающуюся отчетливо среди деревьев в ту секунду, когда луч дневного света прополз сквозь горы, – Из подземки никто не пришел, – сказал он, – Они отключили вентиляцию и заполнили газом подземку в первую очередь, – Он посмотрел на Игана, – Вентиляторы заработали снова около трех часов назад.

Глиссон изучающе смотрел на Свенгаарда, спросил:

– Почему интересуетесь Поттером?

Свенгаард не ответил.

– Отвечайте мне, – приказал он.

Свенгаард попытался проглотить ком в горле. Горло его болело. Он чувствовал, что его загнали в угол. Слова Глиссона привели его в ярость. Без предупреждения Свенгаард бросился вперед, таща за собой Бумура и Игана, пнул Глиссона ногой.

Киборг уклонился быстрым движением, поймал ногу, выдернул Свенгаарда из рук хирургов, размахнулся, широким рывком закрутил Свенгаарда и выпустил. Свенгаард упал на спину, покатился по земле, остановился. Прежде, чем он смог двинуться, Киборг уже стоял над ним. Свенгаард лежал там и рыдал.

– Почему вы интересуетесь Поттером? – потребовал Глиссон.

– Убирайтесь, убирайтесь, убирайтесь, – рыдал Свенгаард.

Глиссон выпрямился, взглянул на Игана и Бумура, – Вы понимаете это?

Иган пожал плечами:

– Это эмоции.

– Вероятно, реакция шока, – сказал Бумур.

С помощью рук Гарви просигналил Лизбет:

– Он был в шоке, это значит, что он выходит из него. Они же медики! Неужели они не могут ничего прочесть?

– Глиссон читает это, – ответила она, – Он проверял их.

Глиссон повернулся, посмотрел насупившись на Гарви. Смелое понимание в глазах Киборга отдалось волной страха, который прошел сквозь Гарви.

– Осторожно, – просигналила Лизбет, – Он подозревает нас.

– Уведите Свенгаарда в дом, – сказал Глиссон. Свенгаард взглянул на водителя. Глиссон, назвали его Дюраны. Но старик из здания назвал Глиссона Киборгом. Возможно ли это?

Неужели эти полулюди возродились, чтобы еще раз бросить вызов оптименам? Какова была причина смерти Ситака?

Бумур и Иган подняли его, проверили, прочно ли завязаны руки, – Давайте больше не будем делать глупостей, – сказал Бумур.

«Они такие же, как Глиссон? – спрашивал себя Свенгаард, – Они тоже частично люди, а частично машины? А что насчет этих Дюранов?»

Свенгаард почувствовал слезы на глазах. «Истерика, – подумал он, – Выхожу из шока». Тогда он начал размышлять о себе и почувствовал странное ощущение вины. Почему меня так поразила смерть Поттера, больше, чем смерть всего Мегаполиса, исчезновение жены и друзей? Что для меня олицетворял Поттер?

Его полунесли, полувели в дом, по узкому залу в плохо освещенную, мрачную, большую комнату с потолком, который вел вверх к голым балкам двумя этажами выше. Они бросили его на пыльную кушетку – простые пластиковые гидравлические контур-шойперы, которые неохотно прогнулись. Свет шел от двух светящихся шаров высоко над балками. Он открыл взору странную мебель, разбросанную везде по комнате, и странных форм возвышения, покрытые гладким лоснящимся материалом. Слева от него стол, сделанный из досок. Дерево! За ним стояла раскладушка и древнее шведское бюро без одного выдвигного ящика, а также разного стиля стулья. Камин, запятнанный и замазанный сажей, рядом с ним железный кран, доходящий до отверстия камина, подобно виселице, занимал половину стены напротив него. Вся комната пропахла сыростью и гнилью. Полы трещали, когда по ним ходили люди. Деревянное покрытие!

Свенгаард взглянул вверх на крохотные окна, пропускающие скудный серый дневной свет, который с каждой секундой становился ярче. Даже если он будет самым ярким, понимал он, он не сможет разогнать полутьму этого помещения. Здесь была печаль, которая заставляла его думать о людях без числа – мертвых, забытых. Слезы катились по его щекам.

«Что со мной происходит?» – удивлялся он.

Со двора послышался звук, это включили зажигание турбин транспорта. Он слышал, как тот поднялся, уехал... звук его замер. В комнату вошли Гарви и Лизбет.

Лизбет посмотрела на Свенгаарда, затем на Бумура и Игана, которые расположились на раскладушке. Осторожными шагами, согнувшись она направилась к Свенгаарду, тронула его за плечо. Она увидела на его глазах слезы, свидетельство человечности, и тогда она захотела, чтобы он был ее врачом. Вероятно, это выход. Она решила спросить Гарви.

– Пожалуйста, доверяйте нам, – сказала она, – Мы не причиним вам вреда. ОНИ это те, кто убил вашу жену и друзей, не мы.

Свенгаард отодвинулся.

«Как смеет она жалеть меня?» – думал он. Но она затронула какую-то струну в нем. Он чувствовал себя растерянным.

В комнате наступила гнетущая тишина.

Подошел Гарви, повел жену к стулу у стола.

– Это дерево, – сказала она, потрогав поверхность, в голосе ее почувствовалось удивление. Затем обратилась к Гарви:

– Гарви, я очень хочу есть.

– Они принесут нам пищу, как только разделаются с транспортом, – сказал он.

Она сжала руку, и Свенгаард следил, заинтригованный нервным движением ее пальцев.

Вскоре вернулись Глиссон и старик, с шумом захлопнув за собой дверь. Здание заскрипело от этого движения.

– Для следующего этапа пути у нас будет машина лесного патруля, – сказал Глиссон, – Немного безопаснее. Здесь есть одна вещь, которую сейчас должны знать все, – Киборг

переводил холодный оценивающий взгляд с одного лица на другое, – На верхушке транспорта, на грузовом отсеке, который мы бросили прошлой ночью, был опознавательный знак.

– Опознавательный знак? – сказала Лизбет.

– Приспособление, чтобы следить за нами, преследовать нас, – сказал Глиссон.

– О-о-о! – Лизбет прикрыла рот ладонью.

– Я не знаю, как близко они следили за нами, – сказал Глиссон – Меня поставили на выполнение этой задачи, как запасного, и я оставил там некоторые из своих приборов. Они могут знать, где мы сейчас находимся.

Гарви потряс головой, – Но зачем?..

– Почему они выступили против нас? – спросил Глиссон, – Очевидно, они надеются, что мы выведем их на жизненно важные центры нашей организации, – Что-то похожее на ярость исказило черты лица Киборга, – Может случиться так, что мы удивим их.

В комнате обзора внутренние стены заполненного приборами огромного шара находились в состоянии относительного покоя. Калапина и Шруилл из Туеров занимали свои места на подставке для трех тронов. Диск медленно поворачивался, позволяя им сканировать всю поверхность. Калейдоскоп красочных инструментов отражался торжественной зримой мелодией на лице Калапины – волны зелени, красноты, пурпура.

Она чувствовала усталость от ощущения определенной эмоции жалости к себе. Что-то нарушилось в ферментных анализаторах. Она чувствовала, раздумывая над тем, мог ли подпольный Центр каким-нибудь образом нарушить функции фармакологических компьютеров.

От Шруилла помощи не могло быть. Он лишь посмеялся бы над этим предположением.

Черты лица Олгуда появились на экране перед Калапиной. Она остановила движение диска, когда он поклонился, сказал:

– Я вызвал вас доложить, Калапина, – Она отметила темные круги под его глазами, свидетельство приема наркотиков в том, как напряженно прямо он держал голову.

– Вы нашли их? – спросила Калапина.

– Они где-то в дикой местности, Калапина, – сказал Олгуд, – Они должны быть там.

– Должны быть! – сказала с сомнением она, – Вы глупый оптимист, Макс.

– Мы знаем несколько потайных мест, которые они могли бы выбрать, Калапина.

– На каждое одно место, о котором вы знаете, у них есть девять, – сказала она.

– Я держу в окружении весь район, Калапина. Мы медленно двигаемся внутрь, проверяя все по пути. Они там, и мы найдем их.

– Он блефует, – сказала Калапина, взглянув на Шруилла.

Шруилл ответил улыбкой, лишенной жалости, взглянул на Олгуда сквозь призматический рефлектор, – Макс, вы нашли источник подмены эмбриона?

– Нет еще, Шруилл.

Он напряженно смотрел на них, лицо его выдавало очевидное замешательство от воинственности и насилия его оптименов.

– Вы стремитесь в Ситак? – грозно спросила Калапина. Олгуд провел по губам языком.

– С этим все, – рявкнула она. А-а-а, страх в его глазах.

– Мы ищем там, Калапина, но... – Вы полагаете, мы были слишком безрассудны? – спросила она.

Он потряс головой.

– Вы странно себя ведете, – сказал Шруилл, – Вы боитесь нас?

Он заколебался, затем сказал:

– Да, Шруилл.

– Да, Шруилл, – передразнила Калапина.

Олгуд посмотрел на нее, страх в его глазах переходил в гнев, – Я предпринимаю все возможные действия, Калапина.

Она отметила неожиданную точность в манере, скрытой за гневом. Глаза ее расширились от удивления. Возможно ли такое? Она посмотрела на Шруилла, интересуясь, заметил ли он это тоже.

– Макс, почему вы вызвали нас? – спросил Шруилл.

– Я... чтобы сообщить, Шруилл.

– Вы ничего не сообщили.

Поколебавшись, Калапина привела в действие специальные приборы на проверку Олгуда, уставилась на результат. Ужас смешался в ней с яростью. Киборг! Они осквернили Макса! Ее Макса!

– У вас есть единственная необходимость – подчиняться нам, – сказал Шруилл.

Олгуд кивнул, промолчал.

– Вы! – прошипела Калапина. Она наклонилась к экрану, – Вы посмели! Почему? Почему, Макс?

Шруилл сказал:

– Что?..

Но по самому тону ее вопросов Олгуд понял, что он разоблачен. Он знал, что это его конец, он увидел это в ее глазах, – Я видел... я нашел двойников, – заикаясь, сказал он.

Гневным движением руки она перевела кольцо на ручке трона. Звуковые генераторы создали убийственную волну звуков вокруг Олгуда, вызвав помехи в его изображении. Губы его двигали беззвучно, глаза смотрели в одну точку. Он рухнул.

– Зачем вы сделали это? – спросил Шруилл.

– Он был Киборгом! – прохрипела она и показала на свидетельство приборов.

– Макс? Наш Макс? – он посмотрел на приборы, кивнул.

– Мой Макс, – сказала она.

– Но он боготворил тебя, любил тебя.

– Теперь он это не делает, – прошептала она. Она отключила экран, продолжая пристально смотреть в пустоту. Инцидент уже начинал уходить из ее памяти.

– Тебе нравится прямое действие? – спросил Шруилл.

Она поймала его взгляд в рефлекторе. Наслаждаться прямым действием? В... насилии было действительно что-то вроде возвышающего чувства.

– У нас сейчас нет Макса, – сказал Шруилл.

– Мы пробудим его двойника, – сказала она, – На данное время Безопасность может функционировать без него.

– Кто пробудит двойника? – спросил Шруилл, – Иган и Бумур больше не с нами. Фармацевт Хэнд ушел.

– Почему задерживается Нурс? – спросила она.

– Ферментная проблема, – сказал Шруилл, в голосе его проскользнула нотка ликования, – Он говорил что-то о необходимости перенастройки предписания. Полагаю, производные гармона Боннелиа.

– Нурс может пробудить двойника, – сказала Калапина. На секунду она задумалась, зачем им нужен двойник. Ах да, Макса нет.

– Здесь надо не просто пробудить двойника, – сказал Шруилл, – Они сейчас не так хороши, как были когда-то, ты знаешь. Нужны недели... месяцы.

– Тогда один из нас может управлять Безопасностью, – сказала она.

– Ты думаешь, мы готовы к этому? – спросил Шруилл.

– В этом есть какое-то волнение, в принятии решения, – сказала она, – Теперь я могу сказать, что за последние несколько сот лет я чувствовала глубокую скуку. Но сейчас – сейчас я чувствую, что ожила, жизнерадостна, напряжена, зачарована, – Она взглянула вверх на мерцающие банки данных сканеров, целая группа их, показывающая, что их друзья оптимены следят за деятельностью в комнате Обзора.

– И в этом я не одинока.

Шруилл взглянул вверх на мерцающий центральный круг внутренней стен шара, – Оживление, – пробормотал он, – Но Макс... он мертв. Она опять все вспомнила, сказала:

– Любого Макса можно заменить, – Она посмотрела на Шруилла, повернув голову, чтобы смотреть мимо призмы, – Ты сегодня очень тупой, Шруилл. Ты дважды сказал о смерти, насколько я помню.

– Тупой? Я? – Он качнул головой, – Но я не стирал Макса.

Она громко засмеялась, – Мои собственные реакции возбуждают меня, Шруилл.

– А ты находишь изменение в своих ферментных потребностях?

– Несколько. Что из того? Времена меняются. Это часть бытия. Какие-то изменения должны делаться.

– Действительно, – сказала она.

– Где они нашли замену эмбриону Дюранов? – спросила она, мозг ее направлялся по касательной.

– Вероятно, новый Макс найдет, – сказал Шруилл.

– Не насмехайся надо мной, Шруилл.

– Я бы не посмел.

Она снова прямо посмотрела на него.

– А что, если они произвели свой собственный эмбрион для замены? – спросил Шруилл.

Она отвернулась, – Во имя всего, что достойно, как?

– Воздух можно очистить фильтрами от контрацептивного газа, – сказал Шруилл.

– Ты отвратителен.

– Я? Но разве тебе неинтересно, что скрыл Поттер?

– Поттер? Мы знаем, что он скрыл.

– Лицо, посвященное сохранению жизни... это звучит так, – сказал Шруилл, – Что он скрыл в уме?

– Поттера больше нет.

– Но что он скрыл?

– Ты думаешь, что он знал источник... внешнего вмешательства?

– Вероятно. И он бы знал, где найти эмбрион.

– Тогда запись покажет источник, ты сам это сказал.

– Я уже пересматривал.

Она уставилась на него через призму, – Это невозможно?

– Что я мог пересмотреть?

– Ты знаешь, что я имею в виду – о чем ты думаешь.

– Но это возможно.

– Нет, невозможно.

– Ты просто упрямишься, Кал. Женщина должна быть последним существом, чтобы отрицать это.

– Ну а теперь ты действительно просто отвратителен!

– Мы знаем, что Поттер нашел жизнеспособный эмбрион, самостоятельно себя защищающий, – нажимал Шруилл.

– Они могли бы получить много таких эмбрионов – мужских и женских. Мы знаем исторические возможности таких сырых союзов. Это часть наших естественных предков.

– Тебя не переговоришь, – выдохнула она.

– Ты можешь рассмотреть концепцию смерти, но не этой, – сказал Шруилл, – Чрезвычайно интересно.

– Отвратительно, – огрызнулась она.

– Но возможно, – сказал Шруилл.

– Запасной эмбрион не был обеспечивающим свою жизнеспособность, – отпарировала она.

– Тем более оснований полагать, что они взяли эмбрион, там где брали когда-то.

– Что?

– Они поместили эмбрион Дюранов назад, вовнутрь матери.

Калапина лишилась дара речи. Она почувствовала во рту кислый привкус, почувствовала, что чувство шока вызывает у нее ощущение рвоты. «Что-то разбалансировалось в моей ферментной системе», – подумала она.

Она заговорила медленно, точно:

– Я сейчас сообщаю фармакологическому центру, Шруилл. Я плохо себя чувствую.

– Конечно, конечно, – сказал Шруилл. Он взглянул вверх и кругом на наблюдающие сканеры – полный круг.

Калапина осторожно поднялась с трона, скользнула вниз по лучу на закрытый сегмент. Прежде, чем покинуть место, она бросила взгляд на данные, смутно припомнила: «Который Макс был стерт? – спросила она у себя, – У нас было много их... удачная модель нашего отдела Безопасности». Она подумала о других, Макс, еще Макс, каждый исчезал, когда его внешность начинала раздражать хозяев. Они тянулись в бесконечность, как образы в бесконечной системе зеркал.

«Что значит исчезновение такого, как Макс? – размышляла она. Я представляю собой непрерываемую длительность существования. Но двойник не помнит. Двойник прерывает длительность. Если клетки не помнят. Память... клетки... эмбрион».

Она думала об эмбрионе внутри Лизбет Дюран. Отвратительно, но просто. Так прекрасно просто. Ее чрезмерный аппетит стал расти. Резко повернувшись, Калапина опустилась в Зал Совета, побежала к ближайшему фармакологическому центру. Когда она бежала, она сжимала руку, которая убила Макса и могла уничтожить мегаполис.

Говорю вам, она больна! Гарви склонился над Иганом, стараясь разбудить его. Они находились в узкой комнате с земляным полом, потолком из пласмелдовых балок, в одном углу тускло светил желтый круглый плафон. У стен были разложены спальные матрацы. Бумур и Иган спали на двух из них головами в разные стороны, на другом была согнутая фигура Свенгаарда, еще два были свободны.

– Подойдите быстрее, – умолял Гарви, – Она больна. Иган застонал, сел. Он взглянул на ручные часы – на улице почти время захода солнца. Они заползли сюда как раз перед наступлением дня и после утомительного ночного перехода пешком по кажущимся бесконечными лесным тропам за гидом Лесного Патруля. У Игана до сих пор все болело после такой непривычной нагрузки.

– Лизбет больна?

Прошло три дня с тех пор, как эмбрион был пересажен в нее. Другие залечили бы это быстрее, но они не ходили по ночам, спотыкаясь, по грубым лесным тропам.

– Пожалуйста побыстрее, – умолял Гарви.

– Я иду, – сказал Иган. А сам подумал: «Стоит послушать, каким тоном он заговорил сейчас, когда я ему нужен».

Бумур сел напротив, спросил:

– Может мне пойти с вами?

– Подожди здесь Глиссона, – сказал Иган.

– Глиссон говорил, куда идет?

– Договориться о другом гиде. Скоро стемнеет.

– Он когда-нибудь спит? – спросил Бумур.

– Пожалуйста, – просил Гарви.

– Да! – рявкнул Иган, – Каковы симптомы?

– Рвет... говорит несвязно.

– Дайте мне взять инструменты, – Иган вытащил толстый черный чемодан с пола у изголовья, бросив взгляд на Свенгаарда. Дыхание его все еще показывало ровный режим наркотического воздействия, который они дали ему прежде, чем лечь спать самим. Что-то нужно было делать со Свенгаардом. Он замедлял их продвижение.

Гарви тянул Игана за рукав.

– Я иду, иду! – сказал Иган. Он высвободил руку, последовал за Гарви через низкое отверстие в конце комнаты, в комнату, похожую на ту, из которой они только что вышли. Лизбет лежала на подстилке под единственной лампой, напротив них. Она стонала.

Гарви опустился на колени рядом с ней:

– Я уже здесь.

– Гарви, – зашептала она, – О-о, Гарви.

Иган встал рядом, взял из сумки пульмометр-сфагмометр. Он прижал его к ее шее, посмотрел на показания.

– Где у вас болит? – спросил он.

– О-о-о, – стонала она.

– Пожалуйста, – сказал Гарви, глядя на Игана – Пожалуйста, сделайте что-нибудь.

– Отойдите, дайте подойти, – сказал Иган.

Гарви встал, отошел на два шага назад, – Что это? – шептал он.

Иган не обращал на него внимание, сделал повязку энзимного прибора на левое запястье

Лизбет, посмотрел показания.

– Что с ней случилось? – тербил его Гарви.

Иган отстегнул инструмент, сложил их обратно в сумку, – С ней ничего страшного.

– Но она... – Все у нее совершенно нормально. У других тоже бывает такая реакция. Это перестройка ферментной системы.

– А здесь нет чего-нибудь... – Успокойтесь! – Иган встал, взглянул в лицо Гарви, – Ей едва ли нужно что-нибудь из лекарств. Очень скоро она сможет вообще обходиться без них. Здоровье ее лучше, чем ваше. И она могла бы хоть сейчас идти в фармакологический центр, и никто ни в чем не мог бы ее заподозрить.

– Тогда почему она... – Это эмбрион. Он берет из нее ферменты, чтобы компенсировать свои нужды. Это происходит автоматически.

– Но она больна.

– Небольшое расстройство желез, ничего больше, – Иган взял свою сумку, – Это все часть древнего процесса. Эмбрион требует дать это, дать то. Она производит это. Это дает дополнительную нагрузку на ее организм.

– Разве вы не можете ничего для нее сделать?

– Конечно, я могу. Немного погодя она почувствует сильный голод. Я дам ей что-нибудь, чтобы нормализовать деятельность желудка, а затем накормлю ее. При условии, что они смогут добыть какую-нибудь пищу в этой дыре.

Лизбет застонала:

– Гарви?

Он встал перед ней на колени, взял ее за руки:

– Да, дорогая?

– Я очень ужасно себя чувствую.

– Они дадут тебе что-то через несколько минут.

– О-х, о-х.

Гарви бросил хмурый взгляд на Игана.

– Мы сделаем как можно быстрее, – сказал Иган, – Не беспокойтесь. Все нормально, – Он повернулся, нырнул в другую комнату.

– Что со мной? – прошептала Лизбет.

– Это эмбрион, – сказал Гарви, – Разве ты не слышала?

– Да. Голова болит.

Иган вернулся с капсулой и чашкой воды, наклонился над Лизбет:

– Примите это. Это успокоит желудок.

Гарви помог ей сесть, придерживал ее, пока она глотала капсулу.

Она судорожно вдохнула, вернула чашку, – Извините меня за... – Ничего, все в порядке, – сказал Иган. Он посмотрел на Гарви, – Лучше перевести ее в другую комнату. Глиссон вернется через несколько минут. Он должен добыть пищу и гида.

Гарви помог жене встать на ноги, поддерживал ее, когда они проследовали за Иганом в другую комнату. Они увидели, что Свенгаард сидит и смотрит на свои связанные руки.

– Вы слышали наш разговор? – спросил Иган. Свенгаард посмотрел на Лизбет, – Да.

– Вы подумали насчет Ситака?

– Да, я подумал.

– Вы не думаете, что пора развязать его? – сказал Гарви.

– Он очень замедляет наше передвижение, – сказал Иган, – Мы не можем развязать его.

– Ну тогда, вероятно, я должен еще что-то предпринять относительно его, – сказал Гарви.

– Что вы предлагаете, Дюран, – спросил Бумур.

– Он представляет опасность для нас, – сказал Гарви.

– А-а, – сказал Бумур, – Ну тогда мы оставляем его вам.

– Гарви, – сказала Лизбет. Она хотела спросить его, не сошел ли он с ума. Он так отреагировал на ее просьбу иметь в качестве врача Свенгаарда?

Но Гарви вспомнил стоны Лизбет, – Если дело стоит так: он или мой сын, – сказал он, – то выбор ясен.

Лизбет взяла его руку, просигналила:

– Что ты делаешь? Ты ведь не можешь иметь в виду это?

– А что он такое, в самом деле? – спросил Гарви, глядя в упор на Игана. А Лизбет он просигналил:

– Подожди. Наблюдай.

Она поняла, что передал ей муж, отстранилась.

– Он генный инженер, – сказал Гарви. Голос его выражал укор, – Он существовал ради них. Может он оправдать свое существование? Он нежизнеспособен, неживущее ничтожество. У него нет будущего.

– Это ваше решение? – спросил Бумур.

Свенгаард взглянул на Гарви, – Вы говорите о моей смерти? – спросил он. Отсутствие эмоций в его голосе удивило Гарви.

– Вы не протестуете? – спросил Бумур.

Свенгаард старался проглотить сухой комок. Он чувствовал, что в горле у него полно сухого хлопка. Он смотрел на Гарви, оценивая его фигуру, напряженные мышцы. Он вспомнил об излишней степени мужского покровительства в природе Гарви, ошибка генетика сделала его рабом малейшей прихоти Лизбет.

– А почему я должен спорить, – сказал Свенгаард, – когда многое из того, что он говорит, правда и когда он уже принял решение?

– Как вы сделаете это, Дюран? – спросил Бумур.

– А как бы вы хотели, чтобы я это сделал? – спросил Гарви.

– Удушение могло бы быть интересным, – сказал Бумур, а Гарви хотелось знать, может ли Свенгаард тоже слышать эти циничные ноты в голосе Киборга.

– Простой зажим горла быстрее, – сказал Иган, – Или инъекция. Я мог бы дать несколько ампул из моего запаса.

Гарви чувствовал, как Лизбет трясется за его спиной. Он похлопал ее по руке, отодвинулся от нее.

– Гарви, – сказала она.

Он тряхнул головой, направился к Свенгаарду.

Иган отошел и встал рядом с Бумуром, наблюдая.

Гарви встал на колени рядом со Свенгаардом, приложил пальцы вокруг горла хирурга, наклонился к уху, дальнему от присутствующих. Шепотом, слышным только Свенгаарду, Гарви сказал:

– Они все равно будут скоро настаивать на вашей смерти. Им все равно, как это сделать. А что вы скажите на это?

Свенгаард чувствовал руки на горле. Он знал, что может дотянуться руками и попытаться убрать эти схватившие его пальцы, но он знал, что ему не справиться. Сомнений в силе Гарви у него не было.

– Ваш собственный выбор? – прошептал Гарви.

– Ну, делай же это, человек, – позвал его Бумур. Только несколько секунд назад Свенгаард, поняв, что приговорен к смерти, хотел умереть. Вдруг это желание стало самым последним из

того, что он хотел.

– Я хочу жить, – прохрипел он.

– Это ваш выбор? – прошептал Гарви, – Да!

– Вы разговариваете с ним? – спросил Бумур.

– Зачем вы хотите жить? – спросил Гарви нормальным голосом. Он слегка ослабил пальцы на горле, чтобы сохранить лишь легкую возможность общения со Свенгаардом. Даже нетренированный человек мог бы прочесть это.

– Потому что я никогда еще не жил, – сказал Свенгаард, – Я хочу попытаться сделать это.

– Но как вы можете оправдать свое существование? – спросил Гарви, и он позволил пальцам чуть сильнее сжать горло.

Свенгаард посмотрел на Лизбет, ощущая последнее направление мыслей Гарви. Он взглянул на Бумура и Игана.

– Вы не ответили на мой вопрос, – сказал Бумур, – Что вы обсуждаете с нашим пленником?

– Они оба Киборги? – спросил Свенгаард.

– Бесповоротно, – сказал Гарви, – Без человеческих чувств – или достаточно близко к тому, что практически одно и то же.

– Тогда как же вы можете доверять им заботу о жене? Пальцы Гарви расслабились.

– Вот путь, которым я могу оправдать свое существование, – сказал Свенгаард.

Гарви снял руки с горла Свенгаарда, сжал его за плечи. Это был момент общения больше, чем слова, то, что шло из плоти в плоть. Свенгаард знал, что у него есть союзник.

Бумур сделал шаг вперед, чтобы встать над ними, требуя:

– Так вы собираетесь его убить или нет?

– Никто здесь не собирается его убивать, – сказал Гарви.

– Тогда, что же вы делали?

– Решал проблему, – сказал Гарви. Он продолжал держать ладонь на руке Свенгаарда. Свенгаард осознал, что может понять намерение Гарви простым нажатием этой руки. А рука говорила:

– Подожди. Молчи. Дай мне решить это дело.

– И какое же ваше намерение сейчас в отношении нашего пленника? – потребовал Бумур.

– Я намерен освободить его и поручить ему заботу о моей жене, – сказал Гарви.

Бумур с удивлением взглянул на него, – А если это вызовет наше неудовольствие?

– Что за идиотизм! – разъярился Иган, – Как вы можете доверять ему, когда мы сами можем делать это?

– Это человек, – сказал Гарви, – То, что он будет делать моей жене, будет из побуждения человечности, а не механическое лечение и не обращение с ней, как с машиной для переноски эмбриона.

– Это чушь! – рявкнул Иган. Но он понял, что Гарви уже узнал о их сущности Киборгов.

Бумур поднял руку, чтобы успокоить его, так как Иган хотел продолжить разговор, – Вы не указали, как вы собираетесь сделать это, если мы будем против, – сказал он.

– Вы ведь не полностью Киборги, – сказал Гарви, – Я вижу, что вы знакомы со страхом и неуверенностью. Для вас это ново, и вы изменяетесь. Я подозреваю, что вы очень уязвимы.

Бумур отступил на три шага назад, глаза его оценивающе смотрели на Гарви, – А Глиссон? – спросил Бумур.

– Глиссону нужны только союзники, которым он может доверять, – сказал Гарви, – Я даю ему надежного союзника.

– Почему вы уверены, что можете доверять Свенгаарду? – настойчиво спросил Иган.

– Если вы спрашиваете об этом, значит этим самым вы выдаете свою неэффективность, –

сказал Гарви. Он повернулся и начал развязывать руки Свенгаарда.

– Отвечаете за него головой, – сказал Бумур.

Гарви освободил руки Свенгаарда, встал на колени и снял веревки с ног.

– Я иду за Глиссоном, – сказал Иган. Он вышел из комнаты. Гарви встал взглянул в лицо Свенгаарду, – Вы знаете о состоянии моей жены? – спросил он.

– Я слышал, что говорил Иган, – сказал Свенгаард, – Каждый хирург изучает историю и генетическое происхождение. У меня научные знания о ее состоянии.

Бумур презрительно хмыкнул.

– Вот медицинские инструменты Игана, – сказал Гарви, указывая на чемодан на полу, – Скажите мне, почему моей жене так плохо?

– Вы не удовлетворены объяснениями Игана? – спросил Бумур. Казалось, одна лишь мысль об этом приводила его в ярость.

– Он сказал, что все естественно, – сказал Гарви, – Как может болезнь быть естественной?

– Она получила медицинские препараты, – сказал Свенгаард, – Вы знаете, что это за лекарства?

– На нем была та же надпись, как на таблетках, которые он ей давал в транспорте, – сказал Гарви, – Он называл его тогда успокоительным.

Свенгаард подошел к Лизбет, осмотрел глаза, кожу.

– Принесите инструменты, – сказал он, кивнув Гарви. Он проводил Лизбет к пустой подстилке, чувствуя, что сам заинтересован результатами этого осмотра. Когда-то он думал об этом с отвращением; сейчас, когда мысль о том, что Лизбет носит эмбрион в себе таким древним способом, представляла для него лишь тайну, вызывая глубочайший интерес.

Лизбет вопрошающе посмотрела на Гарви, когда Свенгаард опустил ее спину на подстилку. Гарви утвердительно кивнул. Она попыталась улыбнуться, но на нее напал странный страх. Страх этот был связан не со Свенгаардом. Руки его излучали мягкую уверенность. Но сама перспектива осмотра пугала ее. Она чувствовала страх, связанный с лекарством, который давал ей Иган.

Свенгаард открыл ящик с инструментами, вспоминая диаграммы и объяснения с учебных лент своих студенческих лет. Тогда они были предметом сквернословных шуток, но даже эти шутки помогли ему сейчас, потому что они обычно фиксировали самые важные факты в памяти.

Держись за стенку, а то упадешь, А если так, то уж поползешь.

В памяти его всплыл звон и громкий взрыв смеха.

Свенгаард приступил к осмотру, исключив все остальное, кроме пациента и себя. Давление крови... ферменты... производство гормонов... выделения организма... Наконец он сел, нахмурился.

– Что-нибудь не в порядке? – спросил Гарви.

Бумур встал позади Гарви, сложил руки:

– Да, действительно, скажите нам, – сказал он.

– Слишком высок менструальный гормон, – сказал Свенгаард. А сам подумал: «Держись за стенку.»

– Эмбрион контролирует эти изменения, – сказал Бумур.

Свенгаард пропустил мимо ушей его издевательский тон, взглянул на Бумура, – Вы уже делали это раньше. Были ли у ваших пациентов случаи спонтанных выкидышей?

Бумур нахмурился.

– Ну? – спросил Свенгаард.

– Несколько, – Он выдал эту информацию неохотно.

– Я подозреваю, что эмбрион не твердо прикреплен к эндометрию, – сказал Свенгаард, –

К стенкам матки, – сказал он, увидев в глазах Гарви необходимость в пояснениях, – Эмбрион должен плотно прилегать к стенке матки. Способ для этого готовится гормонами, присутствующими во время менструального цикла.

Бумур пожал плечами:

– Ну, мы ожидаем потерю определенного процента.

– Моя жена не является определенным процентом, – огрызнулся Гарви. Он повернулся, сконцентрировал свое внимание во взгляде на Бумура, что заставило того отступить на три шага.

– Но такие вещи случаются, – сказал Бумур. Он посмотрел на Свенгаарда, который готовился сделать вливание ампулы из запасов Игана, – Что вы делаете?

– Даю ей немного ферментной стимуляции для производства гормонов, которые ей нужны, – сказал Свенгаард. Он взглянул на Гарви, видя его страх и необходимость в его поддержке, – Это самое лучшее, что мы можем сейчас сделать, Дюран. Оно должно сработать, если ее организм не слишком угнетен всем тем, что она вытерпела, – Он взмахнул рукой, их полет, эмоциональный стресс, усталость.

– Делайте все, что считаете нужным, – сказал Гарви, – Я знаю, что это лучшее, что у вас есть.

Свенгаард сделал вливание, похлопал Лизбет по руке, – Попробуйте отдохнуть. Расслабьтесь. Не двигайтесь, если в этом нет необходимости.

Лизбет кивнула. Она читала Свенгаарда, видя его искреннюю заботу о ней. Его попытка убедить Гарви тронула ее, но вот слезы свои она подавить не сумела.

– Глиссон, – прошептала она.

Свенгаард уловил направление ее мысли, сказал:

– Я не разрешу ему передвигать вас, пока не буду полностью уверен в том, что все в порядке. Ему и его гиду просто придется немного подождать.

И, как будто в подтверждение его слов, земля вокруг них загудела и вздрогнула. Через низкий вход влетело облако пыли и, как по мановению волшебника, материализовался Глиссон, когда скрывающая его пыль осела.

При первом признаке беспокойства Гарви опустился на пол рядом с Лизбет. Он держал ее за плечи, прикрывая своим телом.

Свенгаард все еще стоял на колене перед медицинским ящиком.

Бумур резко повернулся и уставился на Глиссона, – Звуковые волны? – прошипел Бумур.

– Нет, не звуковые волны, – сказал Глиссон. Обычный ровный голос Киборга имел певучее звучание.

– У него нет рук, – сказал Гарви.

Теперь они все заметили это. С плеч вниз, где были раньше руки Киборга, сейчас болтались лишь пустые звенья для протезных приспособлений.

– Они нас взяли здесь в кольцо, – сказал Глиссон. И снова этот певучий призыв, как будто в нем что-то сломалось, – Как вы видите, я лишен рук. Вы находите это забавным? Вы видите сейчас, почему мы никогда не боролись с ними в открытую? Когда они хотят, они могут уничтожить все... всех.

– Иган? – прошептал Бумур.

– Иганов легко уничтожить, – сказал Глиссон, – Я видел это. Принимайте факт.

– Но что мы будем делать? – спросил Гарви.

– Делать? – Глиссон посмотрел вниз на него, – Мы будем ждать.

– Один из вас мог бы выстоять против всех сил Безопасности, чтобы отстоять Поттера, – сказал Бумур, – Но все, что вы можете сделать сейчас, это ждать?

- Насилие – не моя функция, – сказал Глиссон, – Вы увидите.
- Что они сделают? – прохрипела Лизбет.
- Все, что им заблагорассудится сделать, – сказал Глиссон.

Ну вот, дело сделано, – сказала Калапина. Она смотрела на Шруилла и Нурса в рефлекторы. Шруилл указал на цепочки кинетических аналогов на внутренней стене Шара Обозрения – Ты наблюдала эмоцию Свенгаарда?

– Он был испуган до смерти, – сказала Калапина.

Шруилл сжал губы, изучая ее отражение. Сеанс в фармакологическом центре восстановил ее спокойствие, но она заняла свой трон в подавленном настроении. Калейдоскопическая игра огней на стене придавала нездоровый оттенок ее коже. На всех чертах лица было определенное выражение.

Нурс взглянул вверх на огни наблюдателей – вся ширина северной стены мерцала тусклым красным напряжением, все места заняты. Все сообщество оптименов, за редким исключением, следило за развитием событий.

– Мы должны принять решение, – сказал Нурс.

– Ты выглядишь бледным, Нурс, – сказала Калапина, – У тебя неприятности с фармакологией?

– Не больше, чем у тебя, – он говорил задиристо, – Просто ферментное гетероделение. Оно легко устраняется.

– Я говорю, что их надо привезти сюда сейчас, – сказал Шруилл.

– С какой целью? – спросил Нурс, – У нас зафиксирован их побег очень хорошо. Зачем позволять им снова ускользнуть?

– Мне не нравится сама мысль о незарегистрированных защищающих себя жизнеспособных – кто знает, сколько их... бегущих на свободе, – сказал Шруилл.

– Вы уверены, что мы можем взять их живыми? – спросила Калапина.

– Киборг признает свою неэффективность против нас, – сказал Шруилл.

– Если это не ловушка, – сказал Нурс.

– Я не думаю, – сказала Калапина, – А как только они попадут к нам, мы можем извлечь информацию, которую нам надо, из их сырых мозгов с самой большой точностью.

Нурс повернулся, пристально посмотрел на нее. Он не мог понять, что случилось с Калапиной. Она говорила с грубой жестокостью женщины из народа. Она была похожа на разбуженного вампира, как будто насилие было для нее знаком пробуждения.

«Какой же тогда знак ее усмирит?» – размышлял он. И его шокировала собственная мысль, – Если у них есть средства уничтожить себя? – спросил Нурс, – Я напоминаю вам о компьютерной сестре и печальном ряде наших собственных хирургов, которые оказались в одной организации с этими преступниками. Мы были бессильны предотвратить их самоуничтожение.

– Как ты груб, Нурс, – сказала Калапина.

– Груб? Я? – он потряс головой, – Просто я желаю помешать увеличению боли. Давайте уничтожим их сами и продолжим отсюда.

– Глиссон – полный Киборг, – сказал Шруилл, – Вы не можете себе даже представить, что могли бы нам открыть банки его памяти.

– Я помню того, кто сопровождал Поттера, – сказал Нурс, – Давайте не будем рисковать. Его спокойствие может быть уловкой.

– Пустить наркотик в их потайную дыру, – сказал Шруилл, – Вот мое предложение.

– А откуда мы можем знать, как он подействует на Киборгов? – спросил Нурс.

– Тогда им еще удастся убежать, – сказал Шруилл, – Конечно, они были трижды правы,

наши люди в Централe. Мы вычислили тех, кто... – Я говорю, задержим их сейчас! – рывкнул Нурс.

– Я согласна со Шруиллом, – сказала Калапина, – В чем риск?

– Чем скорее мы остановим их, тем быстрее сможем вернуться к своим делам, – сказал Нурс.

– Это и есть наше дело, – сказал Шруилл.

– Тебе нравится мысль стерилизовать еще один мегаполис, не так ли, Шруилл? – ехидно усмехнулся Нурс – Который на этот раз? Что скажешь насчет Лувиля?

– Один раз было достаточно, – сказал Шруилл, – Но наши привязанности и неприязни в действительности не имеют к этому никакого отношения.

– Тогда давайте проголосуем, – сказала Калапина.

– Потому что вас двое против меня, да? – сказал Нурс.

– Она имеет в виду всеобщее голосование, – сказал Шруилл. Он взглянул на огни наблюдателей, – У нас, очевидно, полный кворум.

Нурс уставился на индикаторы, зная, что его лихо заманили в ловушку. Он не мог протестовать против всеобщего голосования – любого голосования. А двое его спутников казались такими уверенными в себе, – Это и есть наше дело.

– Мы позволили вмешаться Киборгам, – сказал Нурс, – Потому что они увеличили пропорцию жизнеспособных в генетическом резерве. Мы что, делали это просто для того, чтобы потом уничтожить генетический резерв?

Шруилл указал на банк данных бинарных пирамид на стене Шара, – Если они представляют угрозу нам, то конечно. Но проблема заключается в незарегистрированных самосохраняемых жизнеспособных, их возможному иммунитету к контрацептивному газу. Откуда бы они еще могли получить замену эмбриону?

– Если пошло на то, нам не нужен ни один из них, – сказала Калапина.

– Уничтожить их всех? – спросил Нурс, – Весь народ?

– И вырастить новый урожай двойников, – сказала она.

– А почему бы и нет?

– Двойники не всегда соответствуют оригиналу, – сказал Нурс.

– Нас ничто не ограничивает, – сказал Шруилл.

– Наше солнце не вечно, – сказал Нурс.

– Мы решим это, когда возникнет необходимость, – сказала Калапина, – Какая проблема может мешать нам? Мы не ограничены во времени.

– И все же, мы стерильны, – сказал Нурс, – Наши половые клетки не хотят соединяться.

– Ну и хорошо делают, – сказал Шруилл – Я бы не хотел, чтобы было иначе.

– Все, что мы хотим сейчас, это простое голосование, – сказала Калапина, – Простое голосование по поводу того, поймать ли и привезти сюда маленькую банду преступников. Почему это должно вызывать такие крупные споры?

Нурс хотел что-то сказать, но передумал. Он потряс головой, переводя взгляд с Калапины на Шруилла.

– Ну? – спросил Шруилл.

– Я думаю, что эта маленькая банда и есть настоящая проблема, – сказал Нурс, – Один стерри-хирург, два Киборга и два жизнеспособных.

– Но Дюран был готов убить стерри, – сказал Шруилл.

– Нет, – Это был голос Калапины, – Он не собирался никого уничтожать, – Она вдруг заинтересовалась ходом мысли Нурса. В конце концов, это были его логика и доводы, которые всегда привлекали ее.

Шруилл, видя, что она колеблется, сказал:

– Калапина!

– Мы все видели эмоцию Дюрана, – сказал Нурс. Он махнул на стену с приборами перед ним, – Он бы никого не убил. Он... просто воспитывал Свенгаарда, разговаривал со Свенгаардом с помощью своих рук.

– Как они это делают между собой, он и его жена, – сказала Калапина.

– Вы говорите, что мы должны вырастить новый урожай двойников, – сказал Нурс, – Чье семя мы используем? Вероятно, жителей Ситака?

– Мы могли бы взять сначала клетки семян, – сказал Шруилл и размышлял, как это он вдруг перешел в оборону, – Я говорю, давайте голосовать по этому вопросу. Привозить их сюда для полного допроса или уничтожить их.

– Нет необходимости, – сказала Нурс, – Я изменил решение. Привезите их сюда... если сможете.

– Тогда решено, – сказал Шруилл. Он повернул сигнал в ручке своего трона, – Увидите, это действительно очень просто.

– Неужели? – спросил Нурс, – Тогда почему вдруг мы с Калапиной вдруг не захотели использовать насилие? Почему мы вспоминаем те старые дни, когда Макс прикрывал нас от самих себя?

Зал Совета не видел такого собрания с тех пор, как проходили дебаты по поводу легализации экспериментов Киборгов над себе подобными около трех тысяч лет тому назад. Оптимены занимали радугу вспыхивающих многоцветных подушек на банках длинных пласмелдовых скамеек. Некоторые казались голыми, но большинство, осознавая традицию таких собраний, пришли в нарядах, которые соответствовали их историческим приверженностям, занимающим их в данный момент. Они были в тогах, шотландских юбках, платьях с жестокими стоящими воротниками, в треугольных шляпах и котелках, набедренных повязках и шкурах, тканях и стилях, уходящих далеко в историю.

Те, кто не смог попасть в переполненный зал, следили через полмиллиона глаз сканнеров, которые сверкали вдоль верхних линий стен.

Над Централом едва начинался день, но ни один из оптименов не спал.

Шар Обозрения был отодвинут, и Туеры занимали место в центре первой скамьи в конце зала. Пленников привезли помощники на плавающих тележках. Они сидели на плоской поверхности тележек обездвиженные бледно-голубыми пласмелдовыми пластронами, которые оставляли возможность лишь поверхностного дыхания.

Когда она посмотрела на них вниз со скамьи и увидела эти пять фигур так жестко сжатых, Калапина даже позволила себе чуть-чуть их пожалеть. Женщина – в глазах у нее такой ужас. На лице Гарви Дюрана ярость. Сдержанное ожидание у Глиссона и Бумура. Взгляд настороженного ожидания у Свенгаарда.

И все же, Калапина чувствовала, что чего-то тут не хватает. Она не смогла бы точно сказать, что здесь отсутствовало, она чувствовала лишь какую-то пустоту внутри.

«Нурс прав, – думала она, – Эти пятеро важны».

Кто-то из оптименов в первых рядах зала принес маленький проигрыватель, и звон колокольчиков можно было услышать над шепотом и бормотанием толпы в зале. Звук этот стал слышнее, когда оптимены затихли в ожидании.

Вдруг мелодии оборвалась на середине.

В зале становилось все тише и тише.

Несмотря на страх, Лизбет внимательно осматривалась в нарастающей тишине. Она никогда раньше не видела живых оптименов – только с экранов общественной системы объявлений, (за время ее жизни это в основном были члены Туеров, хотя старшее поколение народа еще помнило троицу Кагисс, предшествовавшую нынешним Туерам). Они все были такие разные и многоцветные – и такие далекие. У нее было тягостное чувство предрешенности оттого, что ничего в этот момент не происходило случайно, а во всем царила устрашающая симметрия, в том, что они находятся здесь в таком окружении.

– Они полностью обездвижены, – сказал Шруилл, – Бояться нечего.

– К тому же, они напуганы, – сказал Нурс. И он неожиданно вспомнил случай из своей юности. Его взяли в один антикварный дом, где один из гедонистов с гордостью устраивал выставку пласмелдовых копий пропавших статуй. Там была огромная рыба, одна фигура без головы на лошади (очень жуткая), монах в капюшоне и мужчина и женщина, которые прижались друг к другу в объятии страха. Мужчина и женщина, он вспомнил сейчас, были похожи лицами на Лизбет и Гарви Дюранов.

«Они являются, в каком-то смысле, нашими родителями, – думал Нурс, – Мы ведем свой род от народа».

Вдруг Калапина поняла, кого ей тут не хватает. Это был Макс. Он умер, она знала, и на

секунду она вспомнила, что же с ним произошло. Пережил свою полезность, решила она. Новый Макс еще, должно быть, не готов.

«Странно, что Макс должен был уйти именно так, – подумала она. Но жизни простых смертных были похожими на осеннюю паутину. Однажды вы увидели их, на следующий день вы увидите лишь место, где они были, – Я должна спросить, что случилось с Максом». Но она знала, что никогда бы не приблизилась к этому. Ответ потребовал бы отвратительного слова, понятия, в котором даже эвфемизмы были бы отвратительны.

– Обратите особое внимание на Киборга Глиссона, – сказал Шруилл, – Разве не странно, что наши инструменты не отражают никаких его эмоций?

– Вероятно, у него нет эмоций, – сказала Калапина.

– Я не доверяю ему, – сказал Нурс, – Мой дед говорил о коварстве Киборгов.

– Фактически, он ведь робот, – сказал Шруилл, – Запрограммированный давать самые точный ответ на вопрос о сохранении его бытия. Его сегодняшняя покорность очень интересна.

– Разве наша цель не состоит в их допросе? – спросил Нурс.

– Минуточку терпения, – сказал Шруилл, – Мы вскрыем их до самого мозга и откроем их память для нашего исследования. Сначала надо хорошо изучить их.

– Ты такой бесчувственный, Шруилл, – сказала Калапина.

Шум одобрения разнесся по залу.

Шруилл взглянул на нее. Голос Калапины прозвучал тогда так странно. Он сам почувствовал какое-то беспокойство.

Глаза Киборга Глиссона двигались, прикрытые тяжелыми веками, холодные, изучающие, поблескивающие сменяющимися линзами, которые давали ему более широкое поле обзора.

– Вы видите это, Дюран? – спросил он, голос его прерывался из-за необходимости делать короткие поверхностные вдохи.

Гарви, наконец, обрел дар речи:

– Я... не могу... поверить... этому.

– Они разговаривают, – сказала Калапина, голос ее звучал ярко. Она посмотрела на Дюрана, в глазах его увидела удивленное презрение и жалость.

– Жалость? – удивилась она.

Взгляд на крошечный прибор на ее запястье подтвердил оценку эмоции на Шаре Обзора. «Жалость! Как он смеет жалеть меня!»

– Гарви, – прошептала Лизбет.

Сдерживаемая ярость исказила черты Гарви. Он повернул глаза, но не мог окинуть взглядом так далеко, чтобы увидеть ее, – Лиз, – пробормотал он, – Лиз, я люблю тебя.

– Это время для ненависти, а не для любви, – сказал Глиссон, его сдержанный тон придавал словам оттенок нереальности, – Ненависти и мести, – сказал Глиссон.

– Что вы говорите? – спросил Свенгаард. Он прислушивался к их словам с возрастающим интересом. На какое-то время он даже думал умолять оптименов, говоря, что он пленник, которого держали против воли, но шестое чувство подсказало ему, что такая попытка была бы бесполезной. Он был ничем для этих горделивых созданий. Он был пеной набежавшей волны у подножья скалы. ОНИ были скалой.

– Посмотри на них как врач, – сказал Глиссон, – ОНИ умирают.

– Это правда, – сказал Гарви.

Лизбет плотно закрыла глаза, чтобы не заплакать. Сейчас глаза ее распахнулись, и она пристально смотрела на людей вокруг, видя их глазами Гарви и Глиссона.

– ОНИ умирают, – выдохнула она.

Вот где было поле деятельности для курьера подпольного Центра, она могла читать их

тренированным взглядом. Печать смерти на лицах бессмертных! Глиссон видел это, конечно, благодаря своим способностям читать и отражать.

– Этот народ временами бывает такой безобразный, – сказала Калапина.

– Их бессмертие кончается, – сказал Свенгаард. В голосе его был тон, не поддающийся чтению, и Лизбет хотела знать, что это за тон. В голосе его не было отчаяния, которого можно было бы ожидать.

– Я говорю вам, что они отвратительны! – сказала Калапина, придав голосу такую эмоциональную тональность, что ни один простой фармаколог не осмелился бы противоречить ей.

Бумур пробудился от глубокого забытья. Настраивающаяся логика компьютера в нем записала разговор, проиграла его вновь, извлекла ключевые значения. Но он, пока еще новый и неполный Киборг, смог уловить лишь слабые признаки того, что что-то разладилось у этих вечножителей. Шок этого открытия оставил у Бумура ощущение, что он должен ответить на это открытие какой-то эмоцией, на которую он более не был способен.

– Их слова, – сказал Нурс, – Я нахожу в их разговоре полнейшее отсутствие смысла. О чем они говорят, Шруилл?

– Давайте спросим их сейчас о самосохраняющихся жизнеспособных, – сказала Калапина, – И о резервном эмбрионе. Не забывайте о резервном эмбрионе.

– Посмотрите туда, на верхний ряд, – сказал Глиссон.

– Вон тот высокий. Посмотрите на морщины его лица, видите?

– Он выглядит таким старым, – прошептала Лизбет. Она чувствовала удивительную пустоту чувств. До тех пор, пока оптимены были там – неизменные вечные – ее мир содержал основание, которое было непоколебимо. Даже при всем том, что она выступала против них, она почувствовала это. Киборги умирали... иногда. Простые смертные умирали. Но оптимены все продолжали и продолжали жить... – Что это? – спросил Свенгаард – Что с ними происходит?

– Второй ряд налево, – сказал Глиссон, – Женщина с рыжими волосами. У нее запали глаза, остановился взгляд.

Бумур повернул глаза, чтобы увидеть женщину. Болезненные проявления плоти оптименов бросались в глаза, когда его взгляд совершал короткую дугу, на которую был способен.

– Что они говорят? – потребовала Калапина, – Что это?

– Голос ее звучал брюзжаще, даже для своих собственных ушей. Она чувствовала раздражение и досаду от появившихся слабых болей.

Бормочущий звук неодобрения прошел вверх по скамьям. Раздавались слабые смешки, взрывы сварливого гнева, смеха.

"Нам положено допросить этих преступников, – думала Калапина, – Но почему этого никто не начинает? Неужели я должна начать?"

Она посмотрела на Шруилла. Он перегнулся вниз со своего места, рассматривая Гарви Дюрана. Она повернулась к Нурсу, встретила презрительную полуусмешку на его лице, отдаленный взгляд. На шее Нурса пульсировала жилка, которую она никогда раньше не замечала, морщинистое пятно из красных вен выступило на его щеке.

«Они все оставляют на меня», – подумала она.

Раздраженным движением плеч она тронула свои браслеты контроля. Сверкающий пурпурный свет залил гигантский шар в стороне от зала. Пучок света выдвинулся с вершины шара, спустился на пол. Он дошел до пленников.

Шруилл следил за игрой света. Вскоре пленники будут сырыми кричащими созданиями, он знал это. Они будут выплескивать все свои знания на приборы Туеров для последующего анализа. От них ничего не останется, кроме нервных волокон, по которым будет

распространяться сжигающий свет, впитывающий память, опыт, знания.

– Подожди, – сказал Нурс.

Он изучал свет. Он прекратил движение к пленникам по его команде. Он чувствовал, что они совершают какую-то грубейшую ошибку, известную лишь ему одному, и он посмотрел на внезапно притихший зал, желая узнать, не заметил ли этой ошибки кто-нибудь другой или, может быть, кто-нибудь скажет о ней. Весь секрет их правления заключался в том, что все спланировано, запрограммировано, предписано. И каким-то образом сюда вошла грубая неожиданность голой жизни. Это была ошибка, которая могла разрушить весь тысячелетиями отлаженный механизм.

– Почему мы ждем? – спросила Калапина.

Нурс попытался вспомнить. Он знал, что выступал против этого действия. Почему? Боль!

– Мы не должны причинять боль, – сказал он, – Мы должны дать им возможность говорить самим, пусть даже под угрозой смерти.

– Они сошли с ума, – прошептала Лизбет.

– А мы победили, – сказал Глиссон, – Моими глазами все мои товарищи видят – мы победили.

– Они собираются уничтожить нас, – сказал Бумур.

– Но мы победили, – сказал Глиссон.

– Как? – спросил Свенгаард. И громче:

– Как?

– Мы дали им Поттера, как наживку, и дали им вкусить насилие, – сказал Глиссон, – Мы знали, что они будут смотреть. Они должны были смотреть.

– Почему? – прошептал Свенгаард.

– Потому что мы изменили обстановку, – сказал Глиссон, – Маленькими дозами, здесь давление, там шокирующий Киборг. И мы дали им почувствовать вкус насилия, вкус борьбы.

– Как? – спросил Свенгаард, – Зачем?

– Инстинкт, – сказал Глиссон. Слово несло в себе компьютеризированную законченность, чувство нечеловеческой логики, от которой невозможно было скрыться, – Борьба – это инстинкт людей. Война. Насилие. Но их жизненные системы поддерживались таким тонким балансом на протяжении многих тысяч лет. За это они заплатили страшную цену – спокойствие, отвлеченность, скука, и вдруг приходит насилие со своими требованиями, а их способность изменяться, приспособливаться давным-давно атрофирована. Их рвут противоречия, и они все дальше и дальше уходят от той линии вечной жизни. Скоро они умрут.

– Война? – Свенгаард слышал истории о насилии, от которого оптимены сохраняли народ, – Этого не может быть, – сказал он, – Наверное, это какая-то новая болезнь. Или... – Я изложил вам факт, как вычисленный до последней частицы логики, – сказал Глиссон.

Калапина вскрикнула:

– Что они говорят?

Она отчетливо слышала слова пленников, но значение их ускользало от нее. Они говорили абсурдные вещи. Она слышала слово, регистрировала его, но следующее слово заменяло его без связи с предыдущим. Не было логической связи. Только одни непристойности. Она схватила руку Шруилла:

– Что они говорят?

– Через минуту мы допросим их и узнаем, – сказал Шруилл.

– Да, – сказала Калапина, – Давно пора.

– Как это возможно? – выдохнул Свенгаард. Он видел, как две пары танцуют на скамейках высоко в конце зала. Были пары, которые обнимались, занимались любовью. Два оптимена

начали кричать друг на друга справа от него – нос к носу. Свенгаард чувствовал, что наблюдает, как здания рушатся, земля разверзается и изрыгает языки пламени.

– Наблюдайте за ними! – сказал Глиссон.

– Почему они не могут найти компенсацию за это... изменение? – спросил Свенгаард.

– Их способность к компенсации атрофирована, – сказал Глиссон, – И вы должны понимать, что сама компенсация – это новая окружающая среда. Она создает еще больше требований. Посмотрите на них! Они прямо сейчас выходят из под контроля.

– Заставьте их заткнуться! – закричала Калапина. Она вскочила на ноги, стала приближаться к пленникам.

Гарви следил зачарованный и до смерти запуганный. В ее движениях была разбалансированность, в каждом рефлексе – за исключением гнева. Из ее глаз на него летела огненная ярость, сильная дрожь сотрясала все его тело.

– Ты! – сказала Калапина, указывая на Гарви, – Почему ты уставился на меня и бормочешь? Отвечай!

Гарви застыл в молчании, не из-за страха перед ее гневом, а от неожиданного понимания возраста Калапины. Сколько же ей лет? Тридцать, сорок тысяч? Может быть, если она была из самых первых – восемьдесят тысяч или даже более?

– Высказывайся и скажи, что ты хочешь? – потребовала Калапина, – Я, Калапина, приказываю это. Подчинись сейчас, и, вероятно, мы будем снисходительны потом.

Гарви уставился на нее не в силах вымолвить слово. Она, казалось, не осознает, что происходит вокруг.

– Дюран, – сказал Глиссон, – Вы должны помнить, что существуют тайные вещи, называемые инстинктами, которые направляют судьбу по неисследованным потокам реки. Это изменение. Посмотри, оно вокруг нас. Изменение – это единственная константа.

– Но она умирает, – сказал Гарви.

Калапина не могла понять смысла его слов, но она ощущала, что тронута чувством заботы о ней в его голосе. Она проверила догадку с помощью браслета с табло Шара. Забота! Он заботится о ней, о Калапине, не о себе или своей жене!

Она вошла в странную обволакивающую ее темноту, рухнула во весь рост на пол, протягивая руки к скамейкам.

Безжалостный смех сорвался с губ Глиссона.

– Мы должны что-то сделать для них, – сказал Гарви.

– Они должны понять, что они делают с собой! Неожиданно Шруилл зашевелился, взглянул вверх на противоположную стену, увидел темные пятна сканнеров, которые были отключены, покинуты теми оптименами, которые не могли попасть в зал. Он почувствовал внезапную тревогу о приливах в толпе вокруг. Некоторые люди уходили – раскачивались, убегали, смеялись... «Но мы пришли допрашивать пленников», – подумал Шруилл.

Истерия в зале медленно давила на чувства Шруилла. Он посмотрел на Нурса.

Нурс сидел, закрыв глаза, бормоча про себя, – Кипящее масло, – сказал Нурс, – Но это слишком неожиданно. Нам нужно что-то более тонкое, более выносимое.

Шруилл наклонился вперед:

– У меня вопрос к человеку Гарви Дюрану.

– Что это? – спросил Нурс. Он открыл глаза, дернулся вперед, успокоился.

– Чего он надеялся достичь своими действиями? – спросил Шруилл.

– Очень хорошо, – сказал Нурс, – Ответьте на вопрос, Гарви Дюран.

Нурс тронул свой браслет. Пурпурный пучок света придвинулся ближе к пленникам.

– Я не хотел, чтобы вы умирали, – сказал Гарви, – Только не это.

– Отвечайте на вопрос! – разъярился Шруилл. Гарви проглотил комок:

– Я хотел... – Мы хотели иметь семью, – сказала Лизбет. Она говорила ясно, рассудительно, – Это все. Мы хотели жить семьей, – В глазах у нее появились слезы, и она подумала, каким бы мог быть ее ребенок. Конечно, никому из них не удастся выжить в этом безумстве.

– Что это? – спросил Шруилл, – Что это за чушь такая семья?

– Где вы взяли запасного эмбриона? – спросил Нурс, – Отвечайте, и мы можем быть снисходительны, – Сжигающий свет снова двинулся к пленникам.

– У нас есть самозащищающиеся жизнеспособные с иммунитетом против контрацептивного газа, – сказал Глиссон, – Их много.

– Видите? – сказал Шруилл, – Я говорил вам.

– Где эти самозащищающиеся жизнеспособные? – спросил Нурс. Он чувствовал, что его правая рука дрожит, посмотрел на нее, удивляясь.

– Прямо у вас под носом, – сказал Глиссон, – Разбросаны среди всего населения. И не просите меня идентифицировать их. Я их не знаю всех. Никто не знает.

– Никто от нас не убежит, – сказал Шруилл.

– Никто, – эхом откликнулся Нурс.

– Если нужно, – сказал Шруилл, – Мы стерилизуем всех, кроме Централа, и начнем все с начала.

– С чего вы начнете сначала? – спросил Глиссон.

– С чего? – выкрикнул Шруилл слова Киборга.

– Где вы возьмете генетический запас, с которого начинать? – спросил Глиссон, – Вы стерильны и вымираете.

– Нам нужна только одна клетка, чтобы сделать двойник оригинала, – сказал Шруилл, в голосе его была презрительная усмешка.

– Тогда почему вы не делаете своих двойников? – спросил Глиссон.

– Ты осмеливаешься спрашивать нас? – грозно спросил Нурс.

– Тогда я отвечу за вас, – сказал Глиссон, – Вы не избрали процесс двойников, потому что двойник нестабилен. Они очень быстро умирают.

Калапина слышала отдельные слова:

– Стерилл... уничтожение... нестабильный... вымирание... – Это были страшные слова, которые вползали в глубину, где она лежала, наблюдая парад жирных колбас в сияющем порядке ее осознания. Они были, как семена, в сверкающем сиянии, движущиеся на фоне засаленного старого вельвета. Колбасы, семена. Она увидела их затем не совсем, как семена, а как жизнь, заключенную в капсулу – находящуюся за стенами, защищенную, соединяющую мостиком с этим неблагоприятным периодом жизни. Это сделало мысль о семенах менее отвратительной для нее. Они были жизнью... всегда жизнью... – Нам не нужен генетический запас, – сказал Шруилл.

Калапина ясно слышала его голос, чувствовала, что читает его мысли. У нас есть наши миллионы в Централе. Нас самих достаточно. Слабые, живущие короткую жизнь смертные – отвратительное напоминание о прошлом. Они были нашими любимцами, но мы больше не нуждаемся в любимцах.

– Я решил, что мы сделаем с этими преступниками, – сказал Нурс. Он говорил громко, чтобы покрыть своим голосом нарастающий гул в зале, – Мы будем применять возбуждение нервов по микрону за один раз. Боль будет чрезвычайная и будет тянуться веками.

– Но ты сказал, что не хочешь причинять боль, – закричал Шруилл.

– Неужели? – голос Нурса звучал обеспокоено.

«Я чувствую себя плохо, – думала Калапина, – Мне нужен долгосрочный прием в фармакологическом центре». Фармакология. Это слово было ключом, который вернул ей сознание. Она почувствовала, что лежит, вытянувшись на полу, ощутила боль и мокроту под носом, там, где она ударилась об пол при падении.

– Однако, твое предложение содержит зерно, – сказал Шруилл, – Мы сможем восстанавливать нервы нашими приборами, и наказание будет длиться бесконечно. Исключительная боль навсегда!

– Ад, – сказал Нурс, – Приемлемо.

– Они сошли с ума, чтобы додуматься до этого, – прохрипел Свенгаард, – Как мы можем остановить их?

– Глиссон! – сказал Лизбет, – сделайте что-нибудь! Но Киборг не отвечал.

– Это то, чего вы не предугадали, не так ли, Глиссон? – сказал Свенгаард.

Киборг все еще продолжал молчать.

– Отвечайте же, – разъярился Свенгаард.

– Предполагалось, что они просто умрут, – сказал Глиссон бесстрастным голосом.

– Но они могут стерилизовать всю землю, за исключением Централа, и продолжать безумства сами, – сказал Свенгаард, – А нас будут вечно пытаться!

– Не вечно! – сказал Глиссон, – Они умирают.

В зале творилось нечто невообразимое. Кто-то из оптименов продолжал танцевать. Кто-то уже лежал либо без чувств, либо мертвый. Некоторые дрались между собой. Собрание бессмертных превратилось в толпу безумных, а Нурс скандировал:

– Хорошо! Отлично! Отлично!

Калапина поднялась с пола. Нос и рот болели и были залиты чем-то неприятным, она слышала только одно, как Нурс скандирует:

– Хорошо! – Калапина осмотрелась, и увидела ужасную картину. Зал был охвачен каким-то непонятным возбуждением, неизвестным им доселе.

Вдруг над толпой поднялось голое тело, повернулось и снова опустилось вниз с тупым тяжелым ударом. И снова крик одобрения сотряс зал.

«Что они делают? – изумилась Калапина, – Они бьют друг друга – сами себя».

Она провела рукой по носу и рту, посмотрела на руки. Кровь. Она могла чувствовать сейчас ее запах, завораживающий запах. Ее собственная кровь. Это завораживало ее. Она сделала шаг по направлению к пленникам, показала руку Гарви Дюрану.

– Кровь, – сказала она. Она коснулась носа. Боль!

– Болит, – сказала она, – Почему болит, Гарви Дюран?

– она напряженно смотрела в его глаза. Такое сочувствие в его глазах. Он был человеком. Он испытывал заботу.

Гарви посмотрел на нее, глаза их были почти на одном уровне из-за положения тележки над полом. Вдруг он почувствовал к ней глубокое сострадание. Она была Лизбет; она была Калапина; она олицетворяла всех женщин. Он увидел сосредоточенную напряженность ее внимания и сиюминутное осознание, которое исключало все, кроме необходимости услышать его слова.

– Мне тоже больно, Калапина, – сказал он, – Но ваша смерть причинила бы мне еще большую боль.

На мгновение Калапина подумала, что в зале вокруг стало тихо. Она поняла тогда, что крики в толпе продолжают, не уменьшаясь. Она слышала, как Нурс скандирует:

– Хорошо! Хорошо! – а Шруилл говорит:

– Отлично! Отлично!

– Она вдруг поняла, что она единственная, кто слышит эти странные слова Дюрана. Это богохульство. Она прожила столько лет, подавляя любое понятие о личной смерти. Его нельзя было ни говорить, ни иметь в мыслях. Но она услышала эти слова. Она хотела отвернуться, поверить в то, что этих слов никогда не было. Но что-то в том внимании, которое она сосредоточила на Гарви Дюране, привязывало ее невидимой цепью к значению его слов. Только несколько минут назад она была там, где зерно жизни посылало вечность.

– Пожалуйста, – прошептала Лизбет, – Освободите нас. Вы женщина. Вы должны иметь сострадание. Что мы сделали такого, чтобы навредить вам? Разве это преступление хотеть любить и жить? Мы не хотели причинять вам зло.

Калапина даже не подала знака того, что слышит. В ее мозгу нависали и давили только слова Гарви: «Ваша смерть... ваша смерть... ваша смерть.».

Странное мерцание жары и озноба прошло через все ее тело. Она услышала еще один клич одобрения из толпы на дальних скамейках. Она чувствовала собственную болезнь и растущее понимание того, что очутилась в ловушке. Ее охватил гнев. Она склонилась над контрольной панелью тележек, нажала кнопку тележки Глиссона. Щитки раковины, которые держали Киборга, начали закрываться. Глаза Глиссона широко раскрылись. Скрипучий стон вырвался из него. Калапина захихикала, нажала другую кнопку на панели. Раковина вернулась в прежнее положение. Глиссон глотал воздух.

Она повернулась к контролю над тележкой Гарви, нажала пальцем на кнопки, – Объясните ваше отвратительное нарушение норм поведения!

Гарви сохранял суровое молчание. Она собиралась раздавить его!

Свенгаард начал смеяться. Он знал свое положение, первый класс второго сорта. Почему его выбрали для такого момента – увидеть Глиссона и Бумура без слов, Нурса и Шруилла, бормочущих что-то на своей скамье, оптименов в маленьких узлах и приливах сумасшедшего насилия, Калапину, готовую убить своих пленников и потом через десять секунд, несомненно, забыть об этом. Его смех выходил за пределы допустимого.

– Прекратите этот смех! – взвизгнула Калапина. Свенгаард дрожал в истерике. Он хватал воздух, чтобы сделать вдох. Удар ее голоса помог ему вернуть контроль над собой, но все это продолжало оставаться в чрезвычайной степени смехотворным.

– Дурак! – сказала Калапина, – Объяснись!

Свенгаард уставился на нее. Сейчас он мог ощущать только жалость. Он вспомнил море медицинского курорта в Ла-пуше и подумал, что только сейчас понял, почему оптимены выбрали это место, так далеко от океана. Инстинкт. Море производило волны, прибой – постоянное напоминание того, что они устроились над волнами вечности. Они не могли видеть этого.

– Отвечай мне, – сказала Калапина. Рука ее рыскала над панелью контроля за его раковиной.

Свенгаард мог только пристально смотреть на нее и оптименов в их сумасшествии позади нее. Они стояли перед ним обнаженные, как будто тела их были открыты осколкам извивающихся спиралей на полу.

«У них души только с одним шрамом», – подумал Свенгаард.

Он наносился на них изо дня в день, из века в век, из вечности в вечность – отложение паники того, что их благословенная вечность могла бы быть иллюзией, что у нее, в конце концов, мог бы быть и конец. Никогда раньше он и не подозревал, какую цену заплатили оптимены за эту вечность. Чем больше они владели ей, тем более огромной становилась эта цена. Чем больше цена, тем больше страх потерять ее. Это давление продолжало расти и расти.... вечно.

Но должен был наступить переломный момент. Кибборги предвидели это, а их лишенный эмоций разум не предусмотрел действительных последствий.

Оптимены убаюкивали себя эвфемизмами. У них фармакологи, не врачи, потому что само понятие врача включало болезнь, травму, а это приравнивалось к недопустимому, невысказанному. У них была только ферментология и ее бесчисленные центры, расположенные в нескольких шагах от оптимена. Они никогда не покидали Централа и его изоцированную самозащиту. Они существовали как вечные подростки, заключенные в тюрьме детского сада.

– Так ты не будешь говорить, – сказала Калапина.

– Подождите, – сказал Свенгаард, когда рука ее двинулась в направлении кнопок его контроля, – Когда вы убьете всех жизнеспособных и останетесь только вы, когда вы увидите, что сами умираете один за другим, что тогда?

– Как ты смеешь! – сказала Калапина, – Ты задаешь вопросы оптимену, чей жизненный опыт делает твой не больше чем это! – она щелкнула пальцами.

Он смотрел на ее расшибленный нос, кровь.

– Оптимен, – сказал Свенгаард, – это стерри, чье строение приемлет ферментную настройку для бесконечной жизни... пока не придет разрушение структуры. Я думаю, вы хотите умереть.

Калапина поднялась, в изумлении уставилась на него. Когда она встала, то осознала, что в зале наступила неожиданная тишина. Она бросила взгляд вокруг себя, увидела напряженное внимание в каждом взоре, устремленном на нее. Медленно приходило понимание. Они видят кровь на моем лице.

– У вас была бесконечная жизнь, – сказал Свенгаард, – Разве это обязательно делает вас более блестящими, более умными? Нет. Вы просто жили дольше, у вас было больше времени для опыта и образования. Вполне вероятно, что большинство из вас имеет знаний больше, чем может использовать, иначе вы задолго до этого могли бы предвидеть, что этот момент неизбежен – тонкий баланс уничтожен, все вы умираете.

Калапина сделала шаг назад. Слова его ранили, как ножи, сжигали ее нервы.

– Посмотрите на себя! – сказал Свенгаард, – Вы все больны. Что делает ваша драгоценная фармакология? Я знаю и без того, что вы мне скажите:

– Она предписывает все более и более широкий круг вариантов предписаний, все более частые дозы. Она старается остановить колебания, потому что ее так запрограммировали. Она и будет продолжать пытаться делать это, пока вы позволяете это ей, но это не спасет вас.

Кто-то взвизгнул позади нее:

– Заставьте его замолчать!

Этот крик был поддержан всем залом, оглушающее скандирование, топот ног, хлопки рук:

– Заставь его молчать! Заставь его молчать! Заставь его молчать!

Калапина зажала уши руками. Она все еще продолжала ощущать это скандирование кожей. И сейчас она увидела, как оптимены двинулись со своих скамеек вниз по направлению к пленникам. Она знала, что от кровавого насилия их отделяет только одно мгновение.

Они остановились.

Она не могла понять: почему, и отпустила руки, которыми затыкала уши. Но на нее обрушились крики. В них упоминались имена давно забытых богов. Глаза были устремлены на что-то на полу во главе зала.

Калапина резко повернулась, увидела, как там извивается Нурс, вокруг рта его выливается пена. Кожа его покрылась красновато-пурпурными и желтыми пятнами. Скрюченные руки вытягиваются и царапают пол.

– Сделайте что-нибудь! – закричал Свенгаард, – Он умирает! – Даже когда он прокричал

это, он почувствовал странность своих слов. Сделайте что-нибудь! В нем заговорила медицинская подготовка, и она выходила на поверхность и заставляла говорить, несмотря на все, что происходило вокруг.

Калапина попяtilась, вытянула руки предупреждающим жестом, как в старом колдовстве. Шруилл вскочил на ноги, встал на скамейку, на которой сидел. Рот его двигался беззвучно.

– Калапина, – сказал Свенгаард, – если вы не можете помочь ему, освободите меня, так чтобы я смог это сделать.

Она подскочила, чтобы выполнить это, наполненная благодарностью, что может передать эту странную ответственность другому.

Ограничивающие свободу стенки ракушки упали при ее прикосновении. Свенгаард спрыгнул вниз, почти упал. Ноги и руки его заплетались от долгого заключения. Он пробился к Нурсу, глаза и ум его работали, пока он двигался. Желтые пятна на коже – это была, скорее всего, иммунная реакция на пантоженичную кислоту и неудачные попытки ее подавления адреналином.

Красный треугольник фармакологического центра сиял на стене слева над скамьями. Свенгаард наклонился, поднял корчащееся тело Нурса, начал пробираться вверх к знаку входа. Человек на его руках вдруг повис неожиданно тяжелым весом смерти, никакого движения, кроме поверхностного дыхания груди.

Оптимены отступали от него, как будто он нес чуму. Внезапно кто-то над ним закричал:
– Дайте мне выйти.

Толпа обернулась. По пласмелду прогремели тяжелые шаги. Они все устремились вверх к выходам, цеплялись, лезли вверх друг на друга. Послышались визги, проклятия, хриплые крики. Это было похоже на стадо скота, в середину которого выпустили хищника.

Часть сознания Свенгаарда остановилась на женщине справа. Он прошел мимо нее. Она лежала, вытянувшись поперек двух сидений, спина ее выгнулась странным углом, рот хватал воздух, глаза устремлены в одну точку, на руках и шее кровь. Признаков дыхания не было. Он пробирался вверх мимо мужчины, который тащился вверх по скамейкам, одна нога его бездействовала, глаза устремлены на знак центра и выход, который, оказалось, был уже заполнен извивающимися телами.

Руки Свенгаарда ныли от груза. Он споткнулся, почти упал на последних двух ступенях, когда опустил тело Нурса рядом с входом в центр.

Внизу под ним он услышал голоса – Дюран и Бумур кричали, чтобы их освободили.

«Позднее», – подумал Свенгаард. Он положил руку на контроль двери фармакологического центра. Дверь не открылась. «Конечно, – подумал он, – я не оптимен». Он поднял Нурса, положил одну его руку на контроль. Двери скользнули в сторону. За ними оказались обычные полки, загруженные всякими предметами первой необходимости – пирамидины, анурины.

«Анурин и инозитол, – подумал он, – Должны противодействовать иммунной реакции».

Знакомое табло анализа занимало место справа для введения руки, а из желобов виднелись обычные иглы-вампиры. Свенгаард подергал ключи на главном желобе, открыл панель. Он проследил выходы введения анурина и инозитола, нейтрализовал другие, втиснул руку Нурса под иглы. Они нашли вены, вошли в плоть. Приборы сверху закрылись.

Свенгаард отключил встречную линию, чтобы остановить обратную связь. Снова приборы захлопнулись.

Осторожно Свенгаард освободил руку Нурса от игл, положил его во весь рост на пол. Лицо его сейчас принимало один цвет, бледно-белый, но дыхание углубилось. Веки заморгали. Тело его было холодным, липким.

«Шок», – подумал Свенгаард. Он снял свой пиджак, укрыл им Нурса, начал массировать

руки, чтобы восстановить кровообращение.

Справа от него появилась Калапина, села у изголовья Нурса. Руки ее были сцеплены вместе, суставы побелели. На лице ее была странная ясность, глаза устремлены в пространство. Она почувствовала, что прошла намного большее расстояние, чем просто поднялась вверх от пола зала, притягиваемая воспоминаниями, которые нельзя было обойти. Она знала, что прошла сквозь безумие, чтобы прийти в ясную странность здравого ума.

Красный мяч Шара Обозрения попал в поле ее зрения, яйцо огромнейшей силы, которое налагало свои обязанности даже сейчас. Она думала о Нурсе, многократном партнере плотских забав. Партнер и игрушка.

– Он умрет? – спросила она. Она повернулась, чтобы наблюдать за Свенгаардом.

– Не сейчас, – сказал Свенгаард, – Но этот последний взрыв истерии... он причинил невосполнимый ущерб организму.

Он вдруг заметил, что из зала доносятся лишь бессловесные стоны и неясные команды.

– Я освободила Бумура и Дюранов и послала просьбу о большей... медицинской помощи, – сказала Калапина, – Есть много... мертвых... много травмированных.

«Мертвые, – думала она, – Какое странное слово в отношении оптимена. Мертвые... мертвые... мертвые.»

Затем она почувствовала, как необходимость привела ее в новое ощущение жизни, новый ритм. Это произошло там внизу, в нахлынувших воспоминаниях, которые тянулись все эти сорок тысяч лет. Никакие из них не покинули ее – ни один случай доброты, ни одно проявление жестокости. Она помнила все: Макса Огуда, Ситак... каждого любовника, каждую игрушку... Нурса.

Свенгаард оглянулся на шуршащий звук, увидел Бумура, приближающегося с бессознательным телом женщины на руках. На щеке и челюсти ее был синий синяк. Руки свисали, как плети.

– Можно воспользоваться этим инструментом? – спросил Бумур. В голосе его чувствовался призыв холодности Киборга, но в глазах его застыли боль и ужас.

– Вы должны управлять доской вручную, – сказал Свенгаард, – Я отключил систему требований обратной связи.

Бумур тяжело остановился и обошел вокруг него с женщиной на руках. Какой хрупкой она казалась. На шее ее упрямо пульсировала вена.

– Я должен применить расслабитель мышц до того, как мы можем поместить ее в больницу, – сказал Бумур, – Она сломала обе руки – контрамьшечное напряжение.

Калапина узнала это лицо, вспомнила, как они слегка поспорили однажды по поводу мужчины – любовника.

Свенгаард перешел к правой руке Нурса, продолжая массаж. Это передвижение позволило ему увидеть центр зала и коляску. Глиссон сидел там бесстрастный, безрукий в ограничивающей его движение раковине. Сбоку от тележки лежала Лизбет, а около нее, встав на колено, склонился Гарви.

– Миссис Дюран! – сказал Свенгаард, вспомнив о своих обязанностях.

– С ней все в порядке, – сказал Бумур, – Неподвижность в последние несколько часов было самое лучшее для нее, что можно было сделать.

«Лучшее! – подумал Свенгаард, – Дюран был прав. Эти Киборги бесчувственны, как машины».

– Заставьте его молчать, – прошептал Нурс.

Свенгаард взглянул вниз на бледное лицо, увидел разрывы вен на щеках, провисшую, нечувствительную плоть. Веки Нурса заморгали, открылись.

– Оставьте его мне, – сказала Калапина.

Нурс повернул голову, попытался посмотреть на нее. Он заморгал, очевидно, в глазах у него еще все плыло. Глаза его стали слезиться.

Калапина подняла его голову, просунула туда ноги, пока он не оказался у нее на коленях. Она погладила его лоб.

– Ему это нравилось, – сказала она, – Идите и помогите другим, доктор.

– Кал, – сказал Нурс, – О, Кал... Я... у меня болит.

Почему вы помогаете им? – спросил Глиссон, – Я не понимаю вас, Бумур. Ваши действия нелогичны. Какая польза от помощи им?

Он смотрел вверх через открытый сегмент Шара Обзора на Калапину, сидящую в одиночестве на помосте Туеров. Внутренние огни отбивали медленный ритм на ее лице. Сверкающая пирамида выступающих бинаров танцевала в воздухе перед ней.

Глиссона освободили из ракушки заточения, но он все еще сидел на тележке, а соединения рук его болтались пустыми. Для Лизбет Дюран принесли медицинскую кушетку. Она лежала на ней, а рядом сидел Гарви. Бумур стоял спиной к Глиссону, глядя в шар. Пальцы его нервно двигались, сжимались, разжимались. На правом рукаве его была полоска засохшей крови. Лицо его, похожее на эльфа, выражало крайнее недоумение.

Из-за шара вышел Свенгаард, медленно двигающаяся фигура среди красных теней. Внезапно зал осветился светом. Главные шары сработали автоматически, когда на улице наступила темнота. Свенгаард остановился, чтобы осмотреть Лизбет, потрепал Гарви по плечу, – С ней будет все в порядке. Она сильная.

Глаза Лизбет следили за ним, когда он двинулся вокруг, чтобы заглянуть в Шар Обзора. Плечи Свенгаарда опустились от усталости, но на лице его было удовлетворение. Он был человеком, который нашел себя.

– Калапина, – сказал Свенгаард, – Это был последний, кого мы направили в больницу.

– Я вижу, – сказала она. Она взглянула вверх на сканеры, все они светились. Почти половина оптименов была под наблюдением – сумасшедшие. Тысячи умерли. Многие лежали с серьезными травмами. Те, кто остались, следили за Шаром. Она вздохнула, желая знать, что было в их мыслях, как они восприняли тот факт, который свалился на них с натянутой струны бессмертия. Ее смущали собственные эмоции. В груди у нее было странное чувство облегчения.

– Что со Шруиллом? – спросила она.

– Раздавлен в дверях, – сказал Свенгаард, – Он... мертв.

Она вздохнула, – А Нурс?

– Поддается лечению.

– Разве вы не понимаете, что с вами произошло, – Глаза его сверкали, когда он бросил взгляд вверх на Калапину.

Калапина посмотрела вниз на него, ясно произнесла:

– Мы пережили эмоциональный стресс, который изменил тонкий баланс обмена веществ, – сказала она, – Вы втянули нас в это. Вывод совершенно ясен – назад пути нет.

– Значит, вы понимаете, – сказал Глиссон, – Любая попытка силой ввести ваш организм в старые рамки приведет к скуке и постепенному переходу в апатию.

Калапина улыбнулась:

– Да, Глиссон. Нам бы не хотелось этого. Мы уже почувствовали причастность к нового рода... оживлению, о существовании которого мы не знали.

– Тогда вы действительно понимаете, – сказал Глиссон, и в голосе его появился призыв зависти.

– Мы сломали ритм жизни, – сказала Калапина, – Вся жизнь уместается в ритме, но мы сбились с шага. Я понимаю, что причиной тому было внешнее вмешательство в те эмбрионы – ритм, утверждающий себя.

– Ну, и тогда, – сказал Глиссон, – чем скорее вы вернете все это нам, тем скорее все утвердится в... – Вам? – спросила укоряюще Калапина. Она взглянула. в быстрые контрасты

мерцающего света в зале. Каким все было черно-белым, – Я бы скорее прокляла вас всех, – сказала она.

– Но вы же умираете!

– Вы тоже, – сказала Калапина.

Свенгаард проглотил комок в горле. Он видел, что старую враждебность не так-то просто можно преодолеть. И он удивился себе, второсортному хирургу, который неожиданно нашел себя как врач, полезный людям, которым он нужен.

– Я могу предложить вам план, который можно было бы принять, Калапина, – сказал Свенгаард.

– Вас мы выслушаем, – сказала Калапина, и в голосе ее появилась привязанность. Она изучала Свенгаарда, когда он старался подобрать нужные слова, помня о том, что этот человек спас жизнь Нурсу и многим другим.

«Мы не составляли планов для непостижимого, – думала она, – Возможно ли такое, что этот никто, который был когда-то объектом для насмешек, может спасти нас?» Она даже не смела позволить себе надеяться.

– У Киборгов есть технология приведения эмоций в более или менее управляемое состояние, – сказал Свенгаард, – Как только мы достигнем этого, я полагаю, что знаю способ смягчить ферментные колебания, присущие большинству из вас.

Калапина проглотила сухой комок. Огни сканеров над ней начали вспыхивать, когда следящие стали подавать ей сигналы о том, чтобы позволить ей включить их в каналы коммуникации. У них, конечно, были вопросы. У нее были свои собственные вопросы, но она не знала, можно ли ей высказать их вслух. Она поймала отражение собственного лица в одной из призм, оно напомнило ей взгляд Лизбет, когда женщина умоляла ее с тележки.

– Я не могу обещать бесконечной жизни, – сказал Свенгаард, – но полагаю, что многие из вас смогут прожить еще много тысяч лет.

– Почему мы должны соглашаться помочь им? – грозно спросил Глиссон. В голосе его чувствовались ворчливые нотки.

– Вы тоже неудачники, – сказал Свенгаард, – Разве вы не видите этого? – Он понял, что кричит в полную силу голоса, лишившись еще одной иллюзии.

– Не кричите на меня, – рявкнул Глиссон.

«Так у них действительно есть эмоции, – подумал Свенгаард, – Гордость... гнев...».

– Вы все еще страдаете от того, что лишились иллюзий добиться контроля над ситуацией? – спросил Свенгаард. Он указал на Калапину, – Одна эта женщина там, все еще может истребить все на этой земле.

– Послушай его, дурья твоя голова Киборга, – сказала Калапина.

– Давайте будем осторожнее обращаться с этим словом «дурак», – сказал Свенгаард. Он пристально взглянул на Калапину.

– Следите за своими выражениями, Свенгаард, – сказала Калапина, – Наше терпение имеет пределы.

– Как и ваша благодарность, да? – сказал Свенгаард. Горькая усмешка тронула ее губы, – Мы говорили о выживании, – сказала она.

Свенгаард вздохнул. Он задумался о том, можно ли вообще когда-либо сломать образ мыслей, порожденный иллюзией бесконечности жизни? Она вновь заговорила здесь в духе мышления старых Туеров. А раньше его поразила в ней способность быстро восстанавливать физические и духовные силы.

Этот взрыв снова затронул страх Гарви за Лизбет. Он взглянул на Свенгаарда, затем на Глиссона, пытаясь контролировать свой страх и робость. Зал этот внушал ему ужас своей

огромностью и происходившим здесь бедламом. Шар нависал над ним – чудовищная сила, которая могла бы сокрушить их всех.

– Да о выживании, – сказал Свенгаард.

– Давайте пойдем друг друга, – сказала Калапина, – Среди нас есть те, которые скажут, что ваша помощь была просто вашей обязанностью. Вы все еще наши пленники. Есть те, которые потребуют, чтобы вы сдались и открыли нам весь ваш подпольный Центр.

– Да, давайте пойдем друг друга, – сказал Свенгаард.

– Кто ваши пленники? Я – человек, который не член подполья и мало знает о нем. У вас есть Глиссон, который знает больше, но, безусловно, не все. У вас есть Бумур, тот, кто убежал от фармакологов, который знает еще меньше, чем Глиссон. У вас есть Дюраны, знания которых едва ли выходят за рамки их маленькой ячейки. Чего вы добьетесь, если вы выпотрошите нас?

– Ваш план спасти нас, – сказала Калапина.

– Мой план требует сотрудничества, а не принуждения, – сказал Свенгаард.

– И он даст нам только продление, а не восстановление нас в первоначальные условия, не так ли? – спросила Калапина.

– Вы должны были бы приветствовать это, – сказал Свенгаард, – он дал бы вам возможность стать зрелыми, полезными, – Он взмахнул рукой, указывая на окружающую обстановку, – Вы заморозили здесь себя в состоянии незрелости! Вы играли в игрушки! Я предлагаю вам шанс выжить! «Что это? – размышляла Калапина, – Является ли это новое оживление побочным продуктом знания о том, что мы должны умереть?»

– Я совсем не уверен, что мы будем сотрудничать, – сказал Глиссон.

Это было уже выше того, что мог стерпеть Гарви. Он вскочил на ноги, взглянул на Глиссона, – Ты, робот, ты хочешь, чтобы человеческий род умер! Вы! Вы это еще один смертельный исход!

– Болтовня! – сказал Глиссон.

– Послушайте, – сказала Калапина. Она начала подключать каналы коммуникации. Части предложений врывались в зал:

– Мы можем восстановить ферментный баланс собственными силами!.. Уничтожить этих созданий!.. Каков его план? Каков его план?... Начинать стерилизацию!.. его план!.. Сколько мы еще продержимся, если... Нет сомнения в том, что мы можем... Калапина успокоила голоса, повернув выключатель, – Это будет поставлено на голосование, – сказала она, – Я напоминаю вам об этом.

– Вы умрете и скоро, если мы не будем сотрудничать, – сказал Глиссон, – Я хочу, чтобы вы полностью осознали это.

– Вы знаете план Свенгаарда? – сказала Калапина.

– Ход его мыслей прозрачен, – сказал Глиссон.

– Думаю, что нет, – сказала Калапина, – Я видела, как он работал с Нурсом. Чтобы достичь компенсации, он использовал опасную передозировку анурина и иноситола. Помня об этом, я все время спрашиваю себя, что дает эта передозировка, и что будет, если я применю ее к себе? И какое отношение это все имеет к охватившему нас волнению. И в чем выход. И еще тьма других вопросов.

– Я знаю его план, – усмехнулся презрительно Глиссон, – Подавить ваши эмоции и каждому из вас дать ферментную имплантацию, – Напряженная усмешка вытянула губы и показала край зубов на лице Глиссона, – Это действительно ваша надежда. Приняв его, вы будете, наконец, потеряны для нас.

Калапина взглянула с изумлением вниз на него и была шокирована.

Гарви поймал себя на том, что улавливает подлость в голосе Глиссона. Его собственный

опыт в подполье показывал, что Киборги очень расчетливы, ограничены, чтобы им можно было доверять решение простых человеческих проблем, но никогда еще он не видел, чтобы этот факт был так ярко продемонстрирован.

– Это ваш план, Свенгаард? – потребовала пояснений Калапина.

Гарви вскочил:

– Нет! Это не его план! Свенгаард кивнул себе. Конечно! Человек и отец, конечно бы, понял.

– Вы претендуете на то, что знаете то, чего я, Киборг, не знаю? – спросил Глиссон.

Свенгаард взглянул на Гарви, подняв в удивлении брови.

– Эмбрионы, – сказал Гарви.

Свенгаард кивнул, посмотрел вверх на Калапину, – Я предлагаю поддерживать вас, постоянно имплантируя вам живые эмбрионы, – сказал он, – Живые мониторы, которые будут сами делать приспособления, необходимые вам. Вы обретете свои эмоции... свою страсть к жизни, это волнение – ваша цена.

– Вы предлагаете сделать нас живыми чанами для эмбрионов? – спросила Калапина, удивление порывалось в ее голосе.

– Период беременности можно будет продлить на сотни лет, – сказал Свенгаард, – При должном подборе гормонов это может быть применимо и для мужчин, конечно, с кесаревым сечением, но оно не обязательно будет болезненным... или частым!

Калапина взвешивала его слова, удивляясь, что не чувствует отвращения к этому предложению. Но почему же она почувствовала отвращение, поняв, что Лизбет Дюран носит в себе эмбрион? Калапина вдруг поняла, что отвращение ее основывалось на ревности. Она знала, что не все оптимены примут это. Некоторые будут за возвращение к старому. Она взглянула на показания табло. Никому не удалось скрыться от неприятного волнения. Но они вынуждены будут понять, что все они умрут рано или поздно. У них был только выбор времени.

«В конце концов, мы не имеем бессмертия, – думала она, – это только иллюзия. Но ее мы имели... в течение многих веков».

– Калапина! – сказал Глиссон, – Вы не собираетесь принять это глупое предложение?

«Механический человек пришел в ярость от столь жизненного, человеческого решения», – думала она. Она сказала:

– Бумур, что вы скажите?

– Да, – сказал Глиссон, – выскажись, Бумур. Укажи нелогичность этого предложения.

Бумур повернулся, изучающе посмотрел на Глиссона, взглянул на Свенгаарда, на Дюранов, пристально посмотрел вверх на Калапину. В узком лице Бумура было выражение скрытой мудрости:

– Я все еще помню, как это было, – сказал он, – Я думаю, что было лучше... перед тем, как я был изменен.

– Бумур, – сказал Глиссон.

«Задело его гордость», – подумал Свенгаард. Глиссон смотрел на Калапину с механической напряженностью, – Еще не решено, будем ли мы помогать вам!

– А кто нуждается в вас? – спросил Свенгаард, – У вас нет монополии на технику. Вы бы могли сберечь время и немного избавить нас от забот, вот и все. Мы можем сами найти эмбрионы.

Глиссон переводил пристальный взгляд с одного на другого, – Но ведь такой путь не был предусмотрен! Предполагалось, что вы не должны помогать им!

Киборг замолчал, глаза его остекленели.

– Доктор Свенгаард, – сказала Калапина, – Не могли бы вы дать нам лучшие,

жизнеспособные эмбрионы, такие как эмбрион Дюранов? Вы видели вторжение аргинина. Нурс полагает, что это возможно.

– Да, возможно, – сказал Свенгаард. Он еще подумал: «Да, это... вероятно».

Калапина взглянула вверх на сканеры, – Если мы примем это предложение, – сказала она, – мы будем продолжать жить. Вы чувствуете это? Мы живы сейчас, но мы помним совсем недавнее время, когда мы умираем.

– Мы поможем, если должны, – сказал Глиссон, и в голосе его был язвительный тон.

Только Лизбет, понимая своим деревенским благоразумием свою беременность, узнавая смятение своих эмоций, подозревала о логическом факте, который заставил Киборга изменить решение. Благоразумных людей можно контролировать. Вот о чем думал Глиссон. Она могла прочитать это в нем, понимая его полностью впервые теперь, когда знала, что у него есть гордость и гнев.

Калапина, читая на доске Шара Обзорения все растущее напряжение единственного вопроса со стороны публики оптименов, установила систему аналогов для ответа. Она быстро пришла, и сканеры видели ее, – Этот процесс мог бы обеспечить от восьми до двенадцати тысяч лет дополнительной жизни даже для народа.

– Даже для народа, – прошептала Калапина. И скрыть от него будет невозможно, она знала это. Сейчас не могло быть больше Безопасности. Как выяснилось, даже Шар Обзорения имеет свои недостатки и ограничения. Глиссон знал об этом. Она могла сказать это, читая его молчаливое отступление там внизу. Свенгаард, конечно, поймет это. Возможно, даже Дюран.

Она посмотрела на Свенгаарда, зная, что она должна делать. Было бы легко потерять народ в этот момент, потерять их полностью.

– Если это будет сделано, – сказала Калапина, – это будет сделано для всех, кто пожелает – смертный или оптимен.

«Это политика, – думала она, – Вот тот путь, по которому бы следовали Туеры... даже Шруилл. Особенно Шруилл. Умный Шруилл. Мертвый Шруилл». Она почти была уверена, что слышит, как он хихикает.

– Может быть это сделано для народа? – спросил Гарви.

– Для любого, – сказала она и улыбнулась Глиссону, давая ему знать, как она выиграла, – Я думаю, что мы можем сейчас поставить это на голосование.

Еще раз она взглянула вверх на сканеры, желая знать, правильно ли она оценила своих людей. Конечно, большинство из них поняли, что она сделала. Но будут некоторые, цепляющиеся за надежду, что смогут восстановить полный ферментный баланс. Она знала лучше их, что этот путь невозможен. Тело ее знало. Но будут и такие, которые попытаются встать на этот опасный курс назад, к скуке и апатии.

– Зеленый за предложение доктора Свенгаарда, – сказала она, – Золотой против.

Медленно, затем со все нарастающей скоростью, круг лампочек сканеров менял цвета – зеленый... зеленый... зеленый заливал экран, лишь отдельные точки то тут, то там цвета золота. Это было больше, чем подавляющее большинство, которого она ожидала, и это сделало ее подозрительной и напряженной. Она доверяла своему инстинкту голосования. Подавляющее большинство. Она сверилась с приборами Шара, прочла репрезентацию ответа: «Киборга нельзя обойти через его веру во всемогущество логики».

Калапина кивнула себе, думая о своем сумасшествии. «И жизнь нельзя обойти против интересов жизни», – подумала она.

– Предложение принято, – сказала она.

И она поняла, что ей не нравится этот неожиданный хищный взгляд на лице Глиссона. «Мы что-то проглядели, – подумала она, – Но мы найдем это... раз мы стали вновь

приспособляемыми».

Свенгаард повернулся, чтобы посмотреть на Гарви Дюрана, позволил себе широко улыбнуться. «Это было, как в операционной, – думал он, – Одна операция до мелочей, и следует широкий образец. Его можно сделать с точностью, так как он делается в клетке».

Гарви оценивал усмешку Свенгаарда, читая эмоциональные признаки на его лице. Все лица вокруг него несли собственные выражения в это мгновение, все они были открыты для прочтения курьером, подготовленным в подполье. Это было высокомерие между могущественными. У народа еще мог быть шанс – тысячи лет шанса, если можно было верить Калапине – а она верила в это сама. Генетическая среда была сформирована в новый образец, и он мог видеть это. Это был неопределенный образец, полный неопределенности. Гейзенбергу мог бы понравиться этот образец. Сами двигатели были продвинуты и изменены самим движением.

– Когда мы с Лизбет можем уйти отсюда? – спросил Гарви.